

ДЕМИС. Демографические исследования
2021.ТОМ 1. № 2

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X



Сайт журнала:
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

ДЕМИС
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

2021.ТОМ 1. № 2

ДЕМИС. Демографические исследования.

2021. Том 1. № 2

DEMIS. Demographic research.

2021. Vol. 1. No 2

Научный рецензируемый журнал

Издается с 2021 г.

Периодичность: 4 раз в год

Журнал открытого доступа

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2

Peer-reviewed scientific journal

Founded in 2021

Publication frequency: quarterly

Open access

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук

Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС 77-78699 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 30 июля 2020 г.

Media registration certificate PI No. FS 77-78699 issued on July 30, 2020, by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access

Authors are not charged for publication

Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:

<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:

<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>

ISSN печатной версии: 2782-2303

ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303

ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

Рязанцев Сергей Васильевич, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Безвербный Вадим Александрович, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Вирккунен Иони, доктор наук, профессор, Университет Восточной Финляндии, Куопио, Финляндия

Воробьева Ольга Дмитриевна, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Гаврилова Наталья Сергеевна, кандидат биологических наук, научный сотрудник Центра по проблемам старения, Университет Чикаго, Чикаго, США

Гейгер Мартин, доктор наук, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада

Джалал Мохаммад Аббаси-Шавази, доктор наук, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран

До Кармо Роберто Луиз, доктор наук, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия

Иванова Алла Ефимовна, доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Инглис Кристине Бренда, доктор наук, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия

Карачай Айсем Бириз, доктор наук, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция

Ким Сейонджин, доктор наук, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, руководитель отдела, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Мартин Филип, доктор наук, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США

Марушиакова-Попова Елена Андреевна, доктор наук, доцент, Институт этнологии и фольклора Болгарской академии наук, София, Болгария

Молодикова Ирина Николаевна, кандидат географических наук, Руководитель проекта по миграции и безопасности на постсоветском пространстве, Центрально-Европейский университет, Будапешт, Венгрия

Пизарро Синтия Александра, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Рыбаковский Леонид Леонидович, доктор экономических наук, профессор, руководитель отдела, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Хорие Норие, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония

Шенк Каресс, доктор наук, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial board

Sergey V. Ryazantsev, Editor-in-Chief, RAS Corresponding Member, Doctor of Economics, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Vadim A. Bezverbnny, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Joni Virkkunen, PhD, Professor, University of Eastern Finland, Kuopio, Finland

Olga D. Vorobyova, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Natalia S. Gavrilova, PhD, Senior Research Analyst, Academic Research Centers, Centre on Aging, University of Chicago, Chicago, USA

Martin Geiger, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada

Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran

Roberto Luiz Do Carmo, PhD, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil

Alla E. Ivanova, Doctor of Economics, Professor, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Kristine Brenda Inglis, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia

Aisem Biriz Karachay, PhD, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey

Seongjin Kim, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea

Victoria Y. Ledeneva, Doctor of Sociology, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Philip Martin, PhD, Professor, University of California, Davis, USA

Elena A. Marushiakova-Popova, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria

Irina N. Molodikova, PhD, Project Lead on Migration and Security in the Post-Soviet Space, Environmental science and policy department, Central European University, Budapest, Hungary

Cynthia Alexandra Pizarro, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina

Tamara K. Rostovskaya, Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Leonid L. Rybakovsky, Doctor of Economics, Professor, Head Department, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

Norio Horie, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan

Caress Schenk, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

ПОЗДРАВЛЯЕМ Л. Л. РЫБАКОВСКОГО С ЮБИЛЕЕМ!



Известный советский и российский демограф, социолог и экономист, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований (ИДИ) ФНИСЦ РАН Леонид Леонидович Рыбаковский отмечает в этом году 90-летний юбилей.

Л. Л. Рыбаковский родился 21 апреля 1931 г. в г. Спасске Приморского края. Среднюю школу окончил в 1949 г. в поселке, расположенном недалеко от Владивостока (станция Угольная). В 1953 г. окончил Куйбышевский плановый институт (ныне – Самарский государственный экономический университет) по специальности «экономика промышленности». С осени 1959 г. работал в научных учреждениях АН СССР (ныне – РАН): сперва в Сахалинском КНИИ СО АН СССР, затем в Хабаровском КНИИ СО АН СССР и после переезда в Москву, с 1974 г. – в Институте социологических исследований АН СССР (позже – Институт социально-политических исследований РАН). В настоящее время возглавляет отдел теории и методологии демографии ИДИ ФНИСЦ РАН. Кандидат экономических наук с 1963 г., доктор экономических наук – с 1971 г., профессор по экономике народонаселения и демографии – с 1977 г.

Л. Л. Рыбаковский – Ученый с большой буквы, корифей своей любимой науки – демографии, видный исследователь с мировым именем, по праву является центральной фигурой не только ИДИ ФНИСЦ РАН, но и всей демографической науки в целом.

Этому предшествовал длинный и интересный жизненный путь. Научная и трудовая деятельность Л. Л. Рыбаковского отмечена тремя государственными наградами: медалью «За доблестный труд», медалью ордена «За заслуги перед отечеством» II степени, орденом Дружбы, а также золотой медалью МГУ им. М. В. Ломоносова за выдающийся вклад в демографическую науку, серебряной медалью им. Питирима Сорокина за развитие социологической науки, серебряной медалью ВДНХ за достигнутые успехи в развитии народного хозяйства СССР, медалью «Ветеран труда», нагрудным знаком «Отличник социально-трудовой сферы» и многими другими. В 1972 г. Всесоюзным обществом «Знание» награжден дипломом первой степени за участие в написании многотомной книги «Советский Союз». Л. Л. Рыбаковским опубликовано более 300 научных трудов, в том числе 12 монографий, а также учебники и учебные пособия по демографии, миграции населения, социологии и экономике труда. Многие его работы изданы на испанском, французском, немецком, английском и других языках.

Среди наиболее значимых работ можно выделить: «Региональный анализ миграций» (1973), «Методологические вопросы прогнозирования населения» (1978), «Население Дальнего Востока за 150 лет» (1990), «Миграция населения: прогнозы, факторы, политика» (1987, отмечена серебряной медалью ВДНХ), «Людские потери СССР и России в Великой Отечественной войне» (2001; 2010), «Прикладная демография» (2003), «Миграция населения. Вопросы теории» (2003), «Оценка возможных и необходимых масштабов привлечения иммигрантов в Россию» (в соавторстве, 2010),

«Политический террор. 1937-1938 гг.» (2013), «20 лет депопуляции в России» (2014), «История и теория миграции населения» (кн. 1 «Мировые миграции: исторические фрагменты и их детерминанты», 2016); «История и теория миграции населения» (кн. 2 «Миграция населения: явление, понятие, детерминанты», 2017), «История и теория миграции населения» (кн. 3 «Теория трех стадий миграционного процесса», 2019).

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне вышла в свет книга Леонида Леонидовича «Великая Отечественная. Особенности. Людские потери. Факторы победы» с посвящением: «...всем тем, кто погиб, а также вернулся живым, защищая свою Родину и освобождая народы Европы от фашистской чумы!» Эту книгу можно по праву назвать олицетворением исторической правды, основанной на данных научных исследований, не ангажированных ничьими политическими интересами и конъюнктурой.

Основные научные идеи, разработанные Л. Л. Рыбаковским, относятся к теории миграции населения. Им предложена классификация населения в зависимости от генезисного признака. Эта классификация включает три базовых понятия: «местные уроженцы», «старожилы» и «новоселы». Большое значение для регионального анализа миграций имеет разработанный ученым в конце 1960-х гг. коэффициент интенсивности межрайонных миграционных связей (КИМС). Величина этого коэффициента не зависит от численности населения как районов выхода, так и мест вселения мигрантов. Достоинство этого показателя в том, что он позволяет определять истинное значение межрайонных миграционных связей.

Еще одним существенным вкладом Л. Л. Рыбаковского в теорию миграции является разработка концепции трех стадий миграционного процесса. Принципиальные положения концепции сводятся к разделению таких понятий как готовность к миграции (мобильность) и переселение (реализация этой готовности). С этими понятиями связано привнесение в миграционную проблематику социологических знаний, в частности, представлений о прожективном и реальном поведении, потенциальной миграции и миграционной подвижности.

Для теории миграции населения важное значение имеют взгляды ученого на условия (все компоненты среды), факторы (только та часть компонентов среды, которые влияют на данное явление) и причины миграции (взаимодействие объективного и субъективного), а также разработка проблемного подхода к анализу миграционных процессов, суть которого – в оценке миграции не с позиций ее масштаба и интенсивности, а в зависимости от того, решению каких демографических задач она способствует.

Новым для демографической науки является предложенный Л. Л. Рыбаковским этнодемографический метод оценки людских потерь для отдельных частей государства или страны в целом. Суть этого метода заключается в том, что людские потери для стран бывшего СССР определяются исходя из потерь тех этносов, которые относятся к государствообразующим. Перенесение расчетов на этносы сразу же устраняет основную информационную трудность: становятся ненужными данные о миграции населения. Произведенные расчеты людских потерь России в Великой Отечественной войне, выполненные с применением этнодемографического метода, показали, что на долю РСФСР пришлось примерно 13,2 млн человеческих жизней, потерянных в 1941–1945 гг., в том числе, военнотрудовые составили 5,8 млн, гражданское население – 7,4 млн человек. Этим же методом было подсчитано число репрессированных,

включая количество приговоренных к высшей мере и сверхсмертность политических заключенных в 1937–1938 гг., приходящееся на долю России.

Л. Л. Рыбаковский научную деятельность всегда сочетал с разработкой практических предложений. Так им было обосновано введение в южных районах Дальнего Востока районного коэффициента к зарплате (в 1.3) тем категориям граждан (в середине 60-х годов это было свыше 0,5 млн. человек), которые в те годы не имели подобных льгот. Предложение было принято и осуществлено. Уже в XXI веке под его руководством, группой специалистов была разработана Концепция демографического развития РФ на период до 2015 г., одобренная Правительством в 2002 г. Он активный участник разработки Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента РФ в 2006г. Совместно с группой ученых им были разработаны концепции и программы демографического развития таких регионов, как Смоленская, Самарская области, г. Москва, ХМАО и др.

Сегодня Л. Л. Рыбаковский является заместителем председателя Научного совета РАН «Демография, трудовые ресурсы, миграция», входит в состав Межведомственной рабочей группы по приоритетному национальному проекту «Здоровье» и демографической политике при Совете при Президенте РФ, Координационного совета по социальной стратегии при Председателе СФ ФС РФ, коллегии Министерства здравоохранения РФ, Научного совета при Федеральной миграционной службе России и т. д. Им подготовлено свыше 100 докторов и кандидатов наук, работающих в Москве, других регионах России, в странах нового зарубежья.

Трудно переоценить вклад Леонида Леонидовича Рыбаковского в демографию: это и высочайший профессионализм, и энциклопедические знания, и полная самоотдача в науке, и подготовка преемников, и наставничество коллег.

Поздравляя Леонида Леонидовича со славным юбилеем, желаем ему крепкого здоровья, счастья, долголетия на благо Отечества!

*С глубоким уважением и признательностью,
друзья, коллеги, ученики*

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ДЕМОГРАФИЯ И COVID-19

<i>Сигарева Е. П., Плетнева Ю. Э.</i> ОЦЕНКА РИСКОВ И ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР БОРЬБЫ С ПАНДЕМИЕЙ: МИГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ	8
<i>Злотников А. Г.</i> СМЕРТНОСТЬ В БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19	28
<i>Оставная А. Н.</i> ПРОБЛЕМЫ МОЛДАВСКИХ МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19	47

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

<i>Глущенко Г. И.</i> РАЗВИТИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ	57
<i>Белова Л. Г.</i> ГЛОБАЛЬНЫЙ РЫНОК ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ	65
<i>Иванов Д. В., Левина М. М.</i> О ПРАВОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ОГРАНИЧЕНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19	77
<i>Ахметова Г. Ф.</i> МЕСТНЫЕ УРОЖЕНЦЫ И МИГРАНТЫ В СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И БАШКОРТОСТАНА.....	86

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

<i>Наземцева Е. Н.</i> МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ В 1917–1920-Х ГГ.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ГЛОБАЛЬНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ XX ВЕКА	96
<i>Бояркина А. В.</i> МАССОВАЯ МИГРАЦИЯ И ЭПИДЕМИЯ COVID-19 В КИТАЕ В ПЕРИОД ПРАЗДНИКА ВЕСНЫ 2020 г.....	113
<i>Струкова П. Э.</i> РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНЕ «БОЛЬШОГО ЗАЛИВА» КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	126
<i>Кузнецова Е. В.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ (2014–2020 гг.)	139

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

<i>Накова А. И.</i> МИГРАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ОБЩЕСТВЕ	155
<i>Мантарова А. И.</i> КУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ ПЕРЕД ТРУДОВОЙ ИНТЕГРАЦИЕЙ БЕЖЕНЦЕВ В БОЛГАРИИ.....	165
<i>Журавлев Н. Ю.</i> МИГРАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА СЕВЕРНОГО ГОРОДА.....	182
<i>Берриос Кальехас С. А.</i> ВОСПРИЯТИЕ ЭМОЦИЙ И КУЛЬТУРНОЙ ДИСТАНЦИИ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ В РОССИИ	194

CONTENT

DEMOGRAPHICS AND COVID-19

<i>Evgeniya P. Sigareva, Yulia E. Pletneva.</i> ASSESSING THE RISKS AND EFFECTIVENESS OF PANDEMIC CONTROL MEASURES: THE MIGRATION ASPECT	8
<i>Anatoly G. Zlotnikov.</i> MORTALITY IN BELARUS DURING THE COVID-19 PANDEMIC.....	28
<i>Alla N. Ostavnaia.</i> PROBLEMS OF MOLDOVAN MIGRANTS IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC.....	47

DEMOGRAPHICS OF THE LABOR MARKET

<i>Galina I. Glushchenko.</i> DEVELOPMENT OF VIRTUAL MIGRATION IN THE CONTEXT OF THE ONGOING DIGITALIZATION.....	57
<i>Lidia G. Belova.</i> GLOBAL MARKET OF HIGHLY QUALIFIED SPECIALISTS UNDER PANDEMIC CONDITIONS.....	65
<i>Dmitry V. Ivanov, Maria M. Levina.</i> ON LEGAL POSSIBILITIES OF LIMITING LABOR MIGRATION WITHIN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: FROM THEORY TO PRACTICE IN CONDITIONS OF THE COVID-19 PANDEMIC.....	77
<i>Guldar F. Akhmetova.</i> NATIVES AND MIGRANTS IN THE POPULATION STRUCTURE OF RUSSIA AND BASHKORTOSTAN	86

DEMOGRAPHIC REGIONAL STUDIES

<i>Elena N. Nazemtseva.</i> MIGRATION CRISIS ON THE RUSSIAN-CHINESE BORDER IN THE EARLY 1917-1920s: REGIONAL ASPECT OF THE GLOBAL MIGRATION PROCESSES OF THE XX CENTURY.....	96
<i>Anna V. Boyarkina.</i> MASS MIGRATION AND COVID-19 EPIDEMIC IN CHINA DURING SPRING FESTIVAL 2020	113
<i>Polina E. Strukova.</i> EDUCATION SECTOR DEVELOPMENT IN THE GREATER BAY AREA OF CHINA TODAY	126
<i>Elena V. Kuznetsova.</i> SPECIFICS OF MIGRATION DEVELOPMENT IN THE SOUTH-EAST OF UKRAINE IN 2014-2020	139

ADAPTATION AND INTEGRATION OF MIGRANTS

<i>Albena I. Nakova.</i> MIGRATION AND IDENTITY IN CONTEMPORARY BULGARIAN SOCIETY .	155
<i>Anna I. Mantarova.</i> CULTURAL BARRIERS TO THE LABOR INTEGRATION OF REFUGEES IN BULGARIA.....	165
<i>Nazar Y. Zhuravlev.</i> MIGRATION BEHAVIOR OF STUDENTS IN A NORTHERN RUSSIAN CITY.....	182
<i>Sonia A. Berrios Callejas.</i> PERCEPTION OF EMOTIONS AND CULTURAL DISTANCE AMONG INTERNATIONAL STUDENTS IN RUSSIA.....	194

ДЕМОГРАФИЯ И COVID-19

ОЦЕНКА РИСКОВ И ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР БОРЬБЫ С ПАНДЕМИЕЙ: МИГРАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Сигарева Е. П.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: sigarevae@mail.ru

Плетнева Ю. Э.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: julpletneva@yandex.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.1

Для цитирования: Сигарева Е. П., Плетнева Ю. Э. Оценка рисков и эффективности мер борьбы с пандемией: миграционный аспект // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 8–27. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.1

Аннотация. Статья посвящена проблеме реализации универсального права на свободу передвижения и используемым мерам по его ограничению в условиях эпидемиологических угроз, связанных с глобальной пандемией 2020 г. Современная пандемия, являясь, по сути, событием, спровоцированным во многом процессами глобализации и беспрецедентным уровнем миграционного обмена населения между государствами и регионами, вызвала необходимость резкого ограничения всех видов передвижения. Это, в свою очередь, актуализировало научные изыскания, направленные на изучение рисков заболевания и адекватность мер борьбы с пандемией в области сдерживания мобильности. Данная статья базируется на пилотажном социологическом изучении личных и национальных эпидемиологических рисков с позиции оценок их населением. Эмпирическая база также содержит блок информации, касающейся оценок эффективности разработанных и применяемых в России мер ограничения передвижения. Кроме того, в работе рассматриваются риски, связанные с последствиями сдерживания мобильности, такие как потеря работы и дохода, предполагаемая миграционная убыль населения, возможность замещения трудовыми мигрантами местных трудовых ресурсов и другие. Результаты опроса позволили получить мнения российского населения о наиболее приемлемых и одобряемых им мерах борьбы с пандемией в области миграции. Был представлен рейтинг средневзвешенной оценки эффективности мероприятий в период коронавирусной инфекции, касающихся мобильности населения. Также были проанализированы типичные оценки рисков со стороны населения, касающихся миграционного перемещения, не только для всей совокупности респондентов, но и для отдельных возрастных групп опрошенных. Были выявлены особенности оценок эффективности мероприятий по борьбе с пандемией в разных возрастных группах участников опроса. Опрос проводился в октябре 2020 г., когда вторая волна пандемии лишь только развивалась. Поэтому статья содержит некоторые сравнительные итоги оценки респондентами рисков и факты реальной ситуации развития пандемии. Статья будет интересна как научному сообществу: демографам, социологам, – так и представителям государственного управления. Ее выводы позволят повысить эффективность разрабатываемых мер государственной политики и сбалансировать необходимость ограничительных распоряжений и свободу передвижения в условиях нарастающих угроз эпидемиологического характера.

Ключевые слова: риски, коронавирус, миграция, опрос, эффективность мер.

Введение

Одной из существенных характеристик современной России является мигрантозависимость ее экономической системы. Сложившаяся ситуация в демографической сфере в последнее 30-летие с ее депопуляционными трендами и мигрантостимулирующей политикой внезапно была разрушена наступлением глобальной пандемии. В одночасье возникла жизненная необходимость прервать все устойчивые миграционные связи и направить усилия государства на максимальное снижение мобильности

населения и трансмиссивности заболевания. Неопределенность ожидаемых эпидемиологических угроз COVID-19 и их возможных последствий, а также уникальность явления, связанного с беспрецедентными масштабами и отсутствием исторического аналога в современном мире, привели к интуитивности разрабатываемых и внедряемых мер борьбы с пандемией. Восприятие рисков заболевания и угроз летального характера у населения, несмотря на медикализацию сознания, также формировалось вне достаточного информационного арсенала. Поэтому большинство применяемых, даже опробованных ранее мер борьбы с инфекцией, рассматривалось населением критически. Особенно это касалось свободы передвижения, к которой население России было хорошо адаптировано. Поэтому возник научный интерес к исследованию восприятия рисков, связанных с пандемией, и оценок эффективности разработанных и внедренных мер ограничения миграционной подвижности населения. Это важно с точки зрения выявления степени адекватности противопандемических мероприятий возникшей угрозе, так как недостаточность их может усугубить негативный исход, а избыточность привести к их игнорированию, что также повлияет на длительность и остроту последствий.

Заметим, что классические меры эпидемиологического характера, накладывающие ограничения на передвижение населения, давно известны. Это карантин и обсервация. Они так и характеризуются – ограничительные меры.

Согласно медицинской энциклопедии, *карантин* (итал. *quarantena*, от *quaranta giorni* сорок дней) – это комплекс ограниченных административных и медико-санитарных мероприятий, проведение которых позволяет предупреждать занос и распространение карантинных (конвекционных) болезней. Он может включать в себя полную изоляцию территории, контроль въезда-выезда, запрещение транзитной миграции, изоляцию и самоизоляцию, введение пропускного режима и другие¹.

Обсервация (лат. *observatio* наблюдение) – медицинское наблюдение за изолированными в специальном помещении здоровыми людьми, имевшими контакт с больными карантинными болезнями или выезжающими за пределы очага карантинной болезни. Обсервация обязательна при карантинных инфекциях. Также представляет собой систему мер, предусматривающих изоляцию или самоизоляцию, прибывающих или убывающих с территории, на которой введен карантин, то есть, направлена на участников миграционных процессов².

Учитывая, что пандемия 2020 г. имела глобальный характер и, в той или иной мере, коснулась всех государств, ограничительные меры стали носить тотальный характер. Конкретное выражение мероприятий карантина и обсервации определялось на основе рекомендаций Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и исходя из решений национальных правительств, обусловленных развитием пандемии и особенностями каждой страны.

Давая предварительную общую оценку рациональности мероприятий, реализованных в нашей стране, можно констатировать, что не все они были удачными и адекватно воспринимались населением. Например, попытку организовать особый режим посещения магазинов для специфических возрастных групп, обладающих более высокими рисками заболевания, попытку ввести пропускной режим в метро

¹ Карантин // Медицинская энциклопедия [сайт]. URL: <http://www.medical-enc.ru/10/karantin.shtml> (дата обращения: 10.02.2021).

² Обсервация // Медицинская энциклопедия [сайт]. URL: <http://www.medical-enc.ru/14/observacia.shtml> (дата обращения: 10.02.2021).

г. Москвы 15 апреля 2020 г. можно квалифицировать как неэффективные. Поэтому становится важным более подробно изучать эффективность применяемых мер и соответствие их эпидемиологическим угрозам с целью исключить злоупотребление правами населения и, в том числе, правом на свободное передвижение.

Проблемы миграции в условиях пандемии

Пандемия коронавирусной инфекции изменила жизнь людей во всем мире, однако, по оценке Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), одной из самых пострадавших групп являются мигранты [O'Brien, Eger, 2020]. В отчете ОЭСР делается вывод о том, что именно благодаря мигрантам, государствам-членам удалось справиться с повышенным спросом населения на услуги в сфере здравоохранения, розничной торговли и доставки. Даже в период строгого закрытия границ, правительства некоторых стран, например, Германии, ввели исключения, позволяющие рабочим въезжать в страну для помощи с уборкой урожая³.

Во время пандемии COVID-19 многие страны, уже полагающиеся на медицинских работников-мигрантов [Цапенко, Сауткина, 2018], были вынуждены признать их ключевыми активами и внедрить дополнительные меры политики для облегчения их въезда в страну и признания их профессиональной квалификации. Так, в апреле 2020 г. Европейская комиссия призвала государства-члены способствовать беспрепятственному пересечению границ внутри ЕС для медицинских работников [Paul, 2020]. В Соединенном Королевстве у врачей, медсестер и фельдшеров с визами, срок действия которых истек до 1 октября 2020 г., они были автоматически продлены на один год. В Чили в период пандемии национальная служба здравоохранения может нанять иностранных специалистов в области здравоохранения, даже если их квалификация официально не признана. Доля мигрантов среди врачей в России также продолжает расти, по оценкам Минтруда и Минздрава кадровый потенциал российских врачей может покрыть потребность страны в медиках только на 4%⁴.

С другой стороны, существует также экономический аспект влияния коронавирусной инфекции на мигрантов. Страны происхождения мигрантов сильно пострадали от COVID-19. Многие мигранты, которые регулярно переводили деньги своим родственникам на родину, больше не могут этого делать, что оказывает серьезное влияние на их местную экономику [Рязанцев и др., 2020; Chakraborty, Maity, 2020]. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) совместно с Институтом социологии ФНИСЦ РАН провели исследование среди трудовых мигрантов в начале июня 2020 г., которое показало, что среди тех, кто был вынужден вернуться на родину, работали только 40%. При этом многие из безработных респондентов рассказали, что не ищут работу дома, так как надеются на окончание карантина и возможность возвращения в Россию [Денисенко, Мукомель, 2020].

Исследования указывают на то, что отношение к мигрантам со стороны местного населения может ухудшиться в результате роста безработицы, если мигранты будут восприниматься как соперники на рынке труда [Schneider, 2008]. В некоторых регионах возникли ситуации, когда мигрантов обвиняли в том, что они несут пол-

³ Germany to relax coronavirus border controls for farm workers // Reuters. News agency. 02.04.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/germany-harvest/germany-to-relax-coronavirus-border-controls-for-farm-workers-idUSL8N2BQ5YB> (accessed on 23.10.2020).

⁴ Не местный анамнез: мигранты помогут решить кадровый вопрос в медицине // Известия. Газета. 10.10.2019. URL: <https://iz.ru/928434/elena-sidorenko/ne-mestnyi-anamnez-migranty-pomogut-reshit-kadrovyyi-vopros-v-medicine> (дата обращения: 23.10.2020).

ную ответственность за распространение вируса [Леденева, Безвербная, 2020]. Некоторые страны уже сейчас проводят кампании по борьбе с такими предубеждениями [Cohen, 2020]. Таким образом, складывается двойственная ситуация, при которой, с одной стороны, становится очевидной важная роль мигрантов во многих сферах, особенно в сфере здравоохранения, а с другой стороны, существует опасность обострения миграционной ситуации из-за экономического спада.

Методы и подходы

В рамках исследовательского проекта «Россия в условиях неопределенности: стратегия упреждения рисков и угроз национальной безопасности» особое место занимала тематика рисков демографического развития страны в условиях глобальной пандемии. Учитывая, что современная миграция явилась триггером для ускоренного распространения коронавирусной пандемии, и то, что основным принципом борьбы с ней стало сокращение (или прерывание) миграционных контактов как на уровне глобальном, так и на всех остальных уровнях, изучение мнения населения в отношении рисков и эффективности мер, применяемых в миграционной сфере, является остро актуальным. В данной работе были использованы результаты экспресс-опроса, являющиеся эмпирическим доказательством важности одобрения населением мер, которые внедрялись в условиях высокой степени неопределенности рисков и последствий коронавируса. Результаты исследования позволят сбалансировать виды и строгость применяемых мероприятий с позиций согласования их с мнением населения.

Экспресс-опрос носил пилотажный характер, основной целью которого было: оперативно выявить оценки населения рисков пандемии в области демографических, в том числе миграционных процессов, а также получить оценки респондентов об эффективности мер, применяемых в России (на федеральном и региональном уровнях), направленных на сокращение демографического ущерба и мобильности населения.

Кроме адресной части, анкета состояла из нескольких блоков, которые содержали закрытые вопросы о рисках, связанных с пандемией, личного характера, а также общего характера (демографические и экономические риски). Отдельный блок вопросов охватывал перечень мер, применяемых по борьбе с коронавирусной инфекцией. Опрос осуществлялся комбинированным способом. Часть эмпирических данных была получена благодаря интернет-опросу, часть респондентов опрашивалась очно. Как оказалось, каждый из этих способов обладает специфическими особенностями и влияет на полноту полученных данных. Так, например, опрос посредством Интернета «сдвигает» случайную выборку в сторону молодых возрастных групп и не дает возможность адекватно оценить истинность адресной части анкеты. Очный опрос, хотя и усложняет получение эмпирических данных, а также затягивает время сбора информации, но позволяет получить дополнительные комментарии к поставленным в анкете вопросам. При очном способе опроса даже отказ от участия в нем позволил выявить некоторые характеристики общественного мнения о пандемийной ситуации. В нашем случае наиболее резкий отказ давать оценку рискам пандемии и мерам борьбы с ней был свойственен медицинским работникам. Неохотно соглашались на участие в очном опросе респонденты, которые переболели коронавирусом. То есть, те лица, которые непосредственно сталкиваются или столкнулись с угрозой инфекции.

В результате пилотажное исследование базировалась на следующей структуре выборки: женщины составили 65% респондентов, мужчины, соответственно, – 35%.

Возраст опрошенных распределился по следующим группам: 18–24 лет 31%; 25–34 лет – 25%; 35–54 лет – 26%; 55 лет и старше – 18%. В опросе участвовали представители г. Москвы и Московской области, Приморского края, Иркутской области, Камчатской области, Тульской области, Читинской области, Липецкой области, Республики Северной Осетии – Алания и Ставропольского края.

Оценки рисков коронавируса и мер эффективности борьбы с ним основывались на балльной системе. Риски определялись в параметрах шестибалльного распределения, где 0 означал «отсутствие риска», а 5 баллов – «максимальный риск». Эффективность мер оценивалась по пятибалльной системе, где 1 означала «минимальную эффективность», а 5 – «максимальную эффективность».

Результаты и обсуждение

Оценка личных рисков в условиях пандемии

Прежде, чем перейти непосредственно к анализу оценок населением риска, связанных с пандемией, в области миграционных перемещений, предоставим общий взгляд на личные риски респондентов (см. рис. 1). Данные экспресс-опроса показали, что наибольшая группа респондентов (35%), считает риск заболеть самому или кому-либо из близкого окружения средним, присвоив этой возможности лишь 3 балла. Более высокий личный риск «столкнуться» с COVID-19 высказали еще 31% опрошенных (в совокупности оценок «высокий» и «максимальный»). Таким образом, в целом оказалось, что 2/3 респондентов признают риск заболевания на уровне средней величины и выше. Опрос позволил примерно оценить масштабы численности «ковид-диссидентов». Так, 5% респондентов, то есть, каждый 20-й опрошенный считает риск заболевания «нулевым». Еще около 30% респондентов угрозу пандемии считают ниже среднего уровня. Отметим также, что максимальный уровень личного риска наиболее выразительно отметили две крайние возрастные группы населения: респонденты в возрасте 18–24 года и старше 55 лет (по 28% респондентов).

По данным аналитиков газеты «Коммерсантъ»⁵, на 10 февраля 2021 г. число заболевших коронавирусом за весь период в России превысило отметку 4 млн человек. Статистически заболевание затронуло не более 3% населения страны. Вторая волна заболевания показывает ниспадающую тенденцию. Однако продолжают ожесточенные споры о влиянии самой коронавирусной инфекции на здоровье и смертность россиян. По данным вице-премьера РФ Т. А. Голиковой (от 8 февраля 2021 г.) сверхсмертность в 2020 г. составила 17,9%. Причем непосредственно коронавирусная инфекция стала причиной смерти, по сведениям, озвученным Т. А. Голиковой, только в 31% случаев, а если учитывать на фоне положительных тестов на коронавирус, то тогда – 50%⁶. По мнению других экспертов, например, врача и телеведущего А. Л. Мясникова, «причиной смерти двух третей умерших в 2020 г. стало не оказание адекватной помощи больным с иными заболеваниями, а не с коронавирусной инфекцией»⁷. Таким образом, как официальные, так и экспертные оценки свидетельствуют о высоких рисках заболеваний, не связанных с COVID-19. Поэтому в нашем опросе этот аспект также вызвал научный интерес.

⁵ Последние данные по коронавирусу в России и мире // Коммерсантъ. Газета. 08.04.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4314405> (дата обращения: 10.02.2021).

⁶ Голикова рассказала о ситуации с уровнем смертности в России // Комсомольская правда. Газета. 08.02.2021. URL: <https://www.kp.ru/online/news/4180291> (дата обращения: 12.02.2021).

⁷ Доктор Мясников раскрыл причину возросшей смертности в России // Лента.ру. Интернет-издание. 11.02.2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/02/11/prichina> (дата обращения: 12.02.2021).

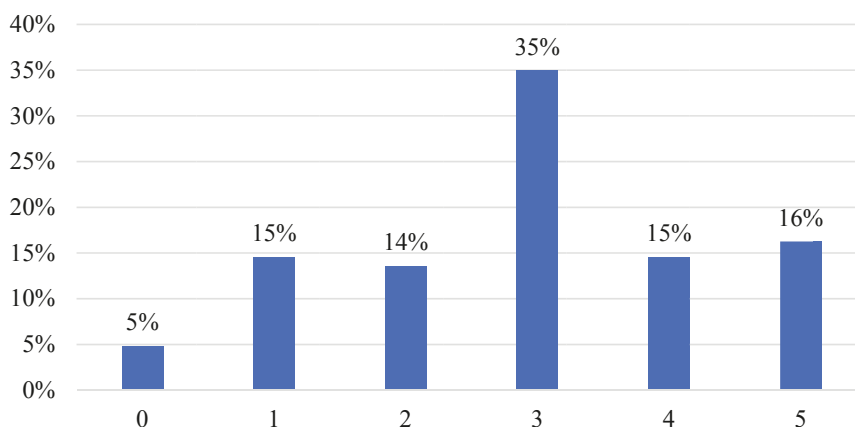


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Оцените риск заболеть коронавирусом для вас самих или ваших родных и близких (где 0 – отсутствие риска, 5 – самый высокий риск)», % от ответивших

Fig. 1. Distribution of answers to the question “Rate the risk of contracting coronavirus for yourself or your family and friends (where 0 is no risk, 5 is the highest risk)”, % of the respondents

В ответах респондентов, на наш взгляд, риск, обусловленный ухудшением заболеваний, не связанных с коронавирусом, был недооценен. Так, 8% респондентов исключили возможность таких проблем в перечне личных рисков (см. рис. 2). Значительная часть опрошенных (63%) отметили вероятность ухудшения здоровья, как минимальную, низкую или среднюю. Лишь 29 % респондентов оценили угрозу ухудшения здоровья помимо влияния коронавирусной инфекции как высокую или максимальную. Итоги почти годового пандемийного периода показали, что мнение населения о своем здоровье было слишком оптимистичным.

Очевидно, такой же вывод можно сделать и в отношении оценки личного риска ухудшения психологического здоровья. Еще в начале развития коронавирусной инфекции в журнале «The Lancet» вышла статья-предупреждение о том, что «психологическое воздействие карантина является широким, существенным и может быть длительным». Ее авторы предположили, что могут быть долгосрочные последствия, которые затрагивают не только людей, помещенных в карантин, но и систему здравоохранения, которая управляла карантинном, а также политиков и должностных лиц общественного здравоохранения, которые его санкционировали [Brooks et al., 2020].

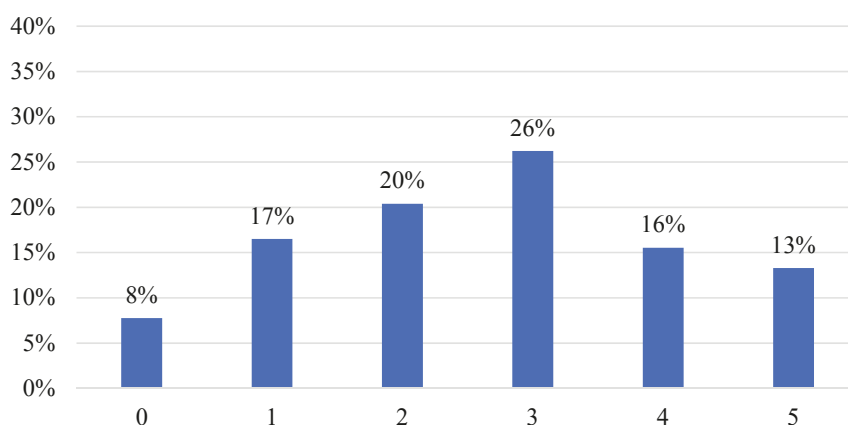


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Оцените риск ухудшения заболеваний, не связанных с коронавирусом, для вас самих или ваших родных и близких (где 0 – отсутствие риска, 5 – самый высокий риск)», % от ответивших

Fig. 2. Distribution of answers to the question “Rate the risk of worsening diseases not related to coronavirus for yourself or your family and friends (where 0 is no risk, 5 is the highest risk)”, % of respondents

Однако, судя по результатам нашего опроса (см. рис. 3), почти каждый пятый респондент указал на отсутствие вероятности ухудшения психологического здоровья из-за пандемии. Еще 38% опрошенных дали минимальную или низкую оценку подобной угрозе. Только 27% оценили возможность психических проблем для себя или для своих близких с позиций высоких и максимальных вероятностей.

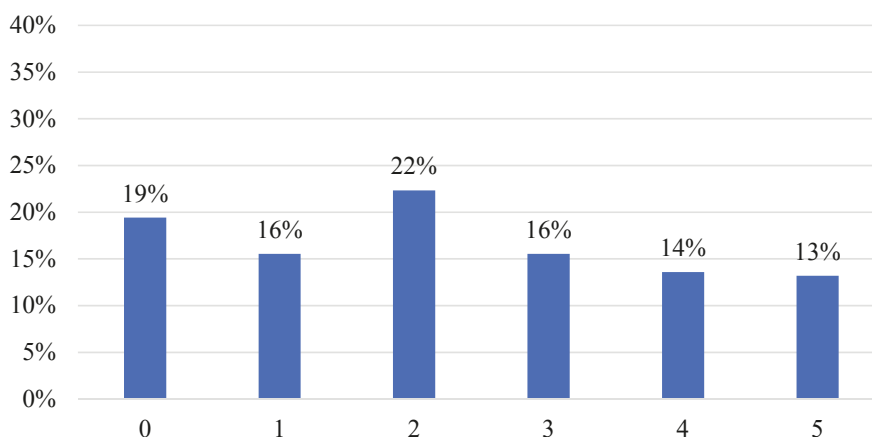


Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Оцените риск ухудшения психологического здоровья для вас самих или ваших родных и близких (где 0 – отсутствие риска, 5 – самый высокий риск)», % от ответивших

Fig. 3. Distribution of answers to the question “Rate the risk of worsening psychological health for yourself or your relatives and friends (where 0 is no risk, 5 is the highest risk)”, % of respondents

Недооценка негативных трендов психологического здоровья в период корона-вирусной инфекции обусловлена во многом недостаточным вниманием к данной проблеме научного сообщества. По мнению экспертов, влияние вируса на центральную нервную систему пока еще недостаточно изучено⁸. Но данная угроза уже актуализирована представителями ВОЗ⁹.

Напротив, наибольшее беспокойство высказали респонденты в отношении личных рисков, связанных с социально-экономической ситуацией в условиях пандемии. Так, в нашем исследовании 59% респондентов оценили личные риски потери работы и снижения заработной платы как средние, высокие и максимальные (см. рис. 4). Но 16% респондентов были уверены, что риск ухудшить свое материальное положение или стать безработным, для них исключен.

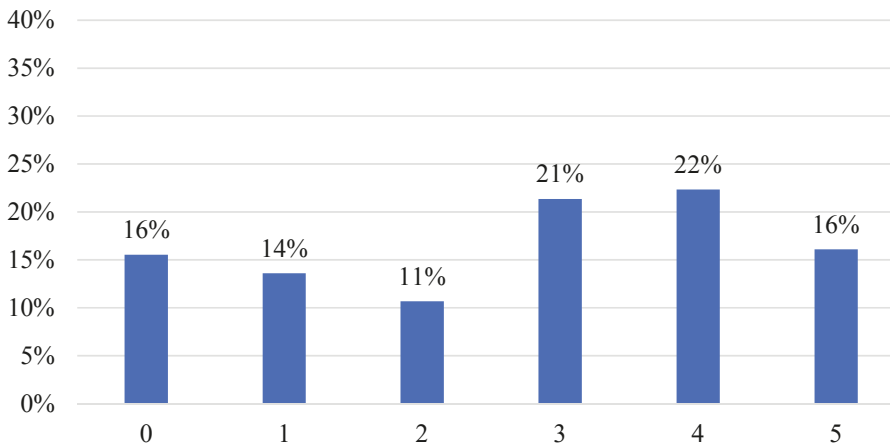


Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «Оцените риск потери работы или снижения заработной платы и иного дохода (где 0 – отсутствие риска, 5 – самый высокий риск)», % от ответивших

Fig. 4. Distribution of answers to the question “Rate the risk of losing your job or reducing wages and other income (where 0 is no risk, 5 is the highest risk)”, % of the respondents

Эти данные согласуются с результатами опроса Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в котором дается оценка населением динамики экономической ситуации в стране. Так, если в «допандемийный» период (февраль 2020 г.) об ухудшении общей социально-экономической ситуации заявлял каждый третий опрошенный, то уже в августе 2020 г. таких респондентов насчитывалось 53%, а к ноябрю 2020 г. – 59%¹⁰. Кроме того, в мае 2020 г., по данным того же ФОМ, у 47% опрошенных сформировались тревожные ожидания в отношении развивающегося и, соответственно, тиражируе-

⁸ Сивкова Е. «Коронавирусный синдром»: неожиданные последствия пандемии // Psychologies. Онлайн-журнал. URL: <https://www.psychologies.ru/standpoint/koronavirusnyiy-sindrom-neojidannye-posledstviya-pandemii> (дата обращения: 12.02.2021).

⁹ Приставка Е. Как пандемия повлияла на психологическое здоровье людей // Хайтек. Интернет-медиа. 28.08.2020. URL: <https://hightech-fm.turbopages.org/hightech.fm/s/2020/08/28/mental-health-covid> (дата обращения: 12.02.2021).

¹⁰ Экономическая ситуация в России: мониторинг // Фонд «Общественное мнение» [сайт]. 20.11.2020. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14499> (дата обращения: 12.02.2021).

мого СМИ мирового экономического кризиса¹¹. Почти половина респондентов (46%) предположила, что России в условиях кризиса, обусловленного пандемией, пострадает сильно или скорее сильно, чем слабо.

В ноябре 2020 г. на саммите G20 Президент Российской Федерации В. В. Путин назвал главным риском предстоящих лет «застойную массовую безработицу с последующим ростом бедности и социальной неустроенности»¹². Однако в начале 2021 г., по официальным данным, в России наблюдалось снижение уровня безработицы (зарегистрированной) до 2,7 млн. человек¹³, но риски роста безработицы продолжают сохраняться¹⁴. Поэтому относительно высокие оценки рисков потери работы и дохода, полученные в процессе нашего исследования, находят подтверждение.

Оценка рисков в миграционной сфере для России в условиях пандемии

Пандемия резко изменила течение подавляющего большинства миграционных процессов, как и в связи с опасениями заболевания, так и в связи с принимаемыми на разных уровнях мерами борьбы с ней. Отметим, однако, что миграционный аспект, как показывают результаты экспресс-опроса, для населения менее значим, чем другие демографические процессы, которые были включены также в предмет изучения. Так, респонденты присвоили средние, высокие и максимальные баллы риску роста смертности (58% совокупно), риску снижения рождаемости (37%), риску снижения числа заключаемых браков (40%), риску увеличения количества разводов (50%). И лишь 33%, то есть, каждый третий респондент посчитал риск миграционной утраты населения региона, в котором он проживает, средним или выше среднего (см. рис. 5). В целом можно сказать, что большинство опрошенных не связывают (или связывают незначительно) проблему миграционного оттока населения из своих регионов с пандемией.

Если судить по данным, полученным в разных возрастных группах, станет очевидной некоторая дифференциация взглядов на проблему миграционного оттока, связанного с коронавирусной ситуацией. Так, значительная часть респондентов предпенсионного и пенсионного возраста (39%) риск миграционной утраты населения из региона считает «нулевым» (см. рис. 6). Такого же мнения придерживается каждый четвертый из самой молодой группы респондентов (18–24 года) и почти каждый пятый в возрасте 25–34 года. Напротив, респонденты, находящиеся в самых «производительных» возрастах (35–54 года), все же склоняются к более взвешенной оценке и отмечают наличие такого риска, хотя и не большого. Из них 2/3 оценили вероятность оттока населения из регионов в «пандемийный» период как минимальную или незначительную. На максимальное значение риска потери населения в миграционном обмене указали лишь от 4% до 11% в разных возрастных группах.

¹¹ Мировой экономический кризис // Фонд «Общественное мнение» [сайт]. 02.06.2020. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14404> (дата обращения: 12.02.2021).

¹² Путин назвал рост безработицы и бедности главными рисками для мира // Известия. Газета. 21.11.2020. URL: <https://iz.ru/1090365/2020-11-21/putin-nazval-rost-bezrobotitsy-i-bednosti-glavnymi-riskami-dlia-mira> (дата обращения: 12.02.2021).

¹³ Минтруд отметил снижение числа безработных в России // Известия. Газета. 15.01.2021. URL: <https://iz.ru/1112064/2021-01-15/mintrud-otmetil-snizhenie-chisla-bezrobotnykh-v-rossii> (дата обращения: 12.02.2021).

¹⁴ Россию захлестнет безработица: кто останется без заработка уже в марте // Московский комсомолец. Газета. 08.02.2021. URL: <https://www.mk.ru/economics/2021/02/08/rossiyu-zakhlestnet-bezrobotica-kto-ostanetsya-bez-zarabotka-uzhe-v-marte.html> (дата обращения: 12.02.2021).

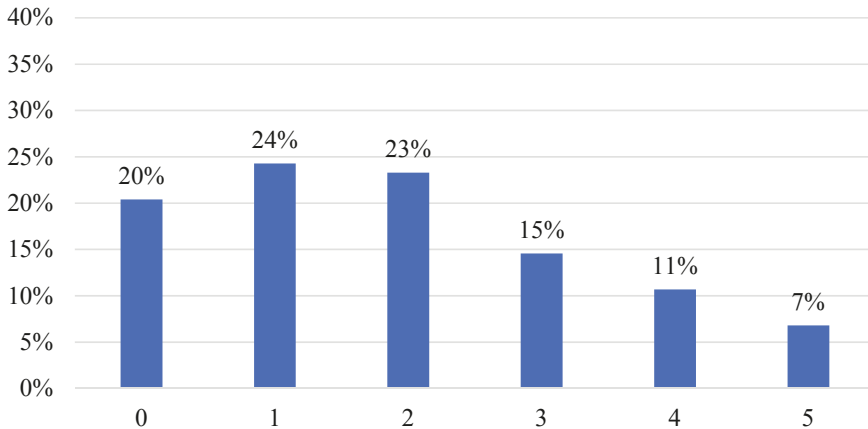


Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Оцените риск миграционного оттока населения из региона (где 0 – отсутствие риска, 5 – самый высокий риск)», % от ответивших

Fig. 5. Distribution of answers to the question “Rate the risk of migration outflow of the population from the region (where 0 is no risk, 5 is the highest risk)”, % of respondents

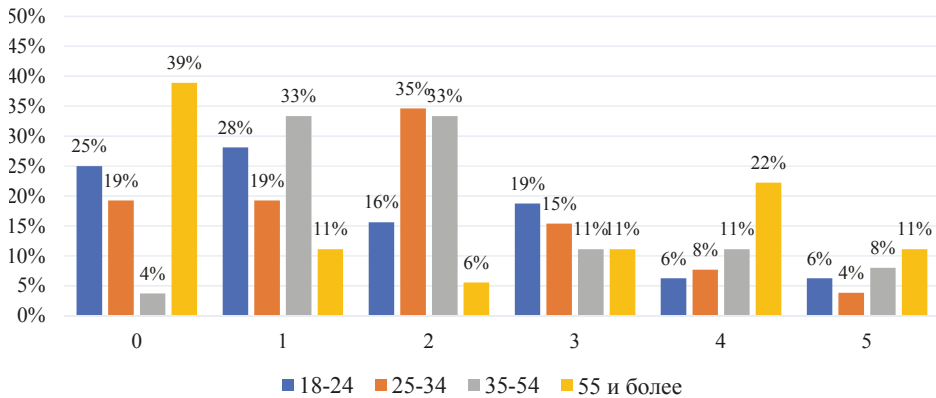


Рис. 6. Распределение респондентов по возрастным группам и ответам на вопрос «Оцените риск миграционного оттока населения из региона (где 0 – отсутствие риска, 5 – самый высокий риск)», % от ответивших

Fig. 6. Distribution of respondents by age groups and answers to the question “Rate the risk of migration outflow of the population from the region (where 0 is no risk, 5 is the highest risk)”, % of respondents

Очевидно, такой взгляд респондентов на небольшой риск утраты населения регионами может быть уже сравним с реальной миграционной ситуацией. Например, по данным Забайкалкрайстата, с января по октябрь 2020 г. число выбывших уменьшилось на 18% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Также снизились числа прибывших и миграционная убыль населения¹⁵. По данным Калининградстата, за три

¹⁵ Миграция населения из Забайкалья снизилась в 2020 году на 18% // Чита.Ру. Информационное агентство. 11.01.2021. URL: <https://www.chita.ru/news/154858> (дата обращения: 12.02.2021).

квартала 2020 г. миграционный прирост за счет внутренней миграции значительно повысился (на 14,4%), тогда как общий миграционный прирост резко снизился из-за спада (в 2 раза) сальдо международной миграции¹⁶. Ситуация с миграционным оттоком населения наиболее остро наблюдается в субъектах, которые в «доковидный» период являлись непререкаемыми центрами, стягивающими и международную, и внутрироссийскую, и трудовую миграцию, например в г. Москве. Поэтому оценка рисков утраты населения за счет миграции в условиях пандемии должна быть согласована с типом региона. Только тогда можно будет судить о справедливости такой оценки.

Несколько иначе выглядят оценки риска замещения местных трудовых ресурсов иностранной рабочей силой (см. рис. 7). В совокупности средний и более высокие риски замены трудовыми мигрантами местных работников отметили 50% респондентов.

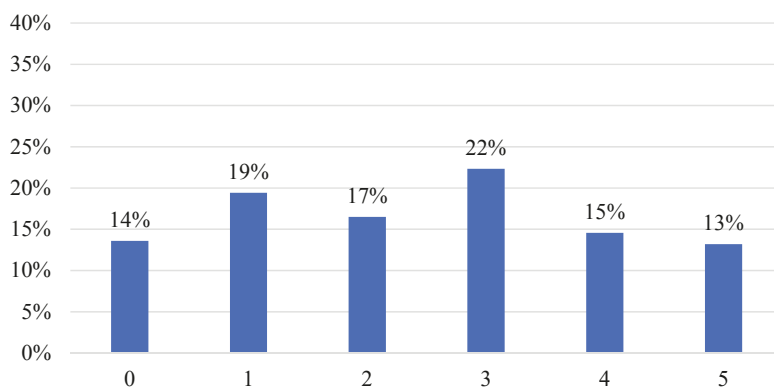


Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Оцените риск замещения трудового потенциала региона иностранной рабочей силой (где 0 – отсутствие риска, 5 – самый высокий риск)», % от ответивших

Fig. 7. Distribution of answers to the question “Rate the risk of replacing the labor potential of the region with foreign labor (where 0 is no risk, 5 is the highest risk)”, % of the respondents

Причем наиболее опасается такого развития ситуации в условиях коронавируса старшая возрастная группа (55 лет и старше). Среди них почти 40% в анкете поставили этой позиции максимальный балл, что означает максимальный уровень риска (см. рис. 8). Напротив, наиболее молодая группа опрошенных (18–24 года) не думает, что иностранная рабочая сила в современных условиях может стать проблемой при поиске работы. Так, почти 56% из данной группы респондентов присвоили риску замещения трудовыми мигрантами местных трудящихся нулевой или минимальный балл.

¹⁶ В 2020 году миграционный поток россиян в область значительно вырос // Новый Калининград. Интернет-портал. 19.11.2020. URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/briefs/community/23896785-v-2020-godu-migratsionnyy-potok-rossiyan-v-oblast-znachitelno-vyros.html> (дата обращения: 12.02.2021).

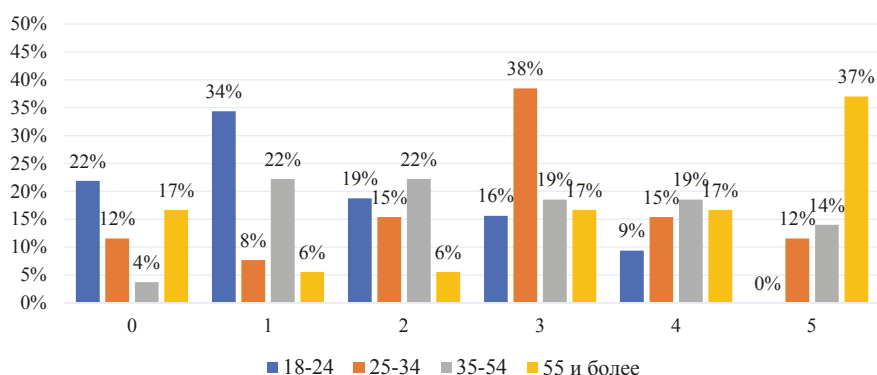


Рис. 8. Распределение респондентов по возрастным группам и ответам на вопрос «Оцените риск замещения трудового потенциала региона иностранной рабочей силой (где 0 – отсутствие риска, 5 – самый высокий риск)», % от ответивших
Fig. 8. Distribution of respondents by age groups and answers to the question “Rate the risk of replacing the labor potential of the region with foreign labor (where 0 is no risk, 5 is the highest risk)”, % of respondents

Возможно такой взгляд молодежи связан со спецификой опроса, так как в выборке значительную часть этой группы составляли студенты, которые пока не столкнулись в большинстве своем с изменениями рынка труда в условиях пандемии. Тогда как в целом совокупность респондентов осознает угрозы экономического характера. Так, более половины опрошенных (56%) ожидают серьезное ухудшение условий на рынке труда при пандемии. Риск роста безработицы обозначили как высокий 26% респондентов и как максимальный 30% респондентов.

Оценка населением эффективности мер борьбы с коронавирусной инфекцией, связанных с мобильностью

Неопределенность в отношении развития пандемической ситуации, которая была связана с невозможностью представить ее масштабы и последствия, вызвали формирование и внедрение мер контроля и профилактики за коронавирусом самого разнообразного характера. Серьезным образом эти меры касались миграционного перемещения и часто базировались на опыте прошлых карантинных мероприятий мировой и отечественной истории, а иногда строгостью превосходили и их. Вместе с тем по мере выявления природы и оценки рисков пандемии эти рекомендации трансформировались в направлении применения наиболее эффективных из них. Однако восприятие обществом предлагаемых руководством ВОЗ, других стран мира и РФ в том числе, мер борьбы с глобальным инфекционным бедствием было неоднозначным. Российским обществом, как и населением ряда других стран, вводимые меры подвергались сомнению и часто игнорировались. Так, например, по данным интернет-опроса газеты «Коммерсант» уже при развитии второй инфекционной волны почти 20% респондентов считают ношение масок или бесполезной рекомендацией, или вредной для здоровья¹⁷.

Эффективность мер борьбы с пандемией посредством воздействия на миграци-

¹⁷ Вы маску носите? Опрос // Коммерсантъ. Газета. 19.10.2020 – 26.10.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/poll/result/1724> (дата обращения: 23.10.2020).

онное перемещение населения также характеризовалось дифференциацией оценок, о чем свидетельствуют результаты нашего экспресс-опроса. Предварительно проиллюстрируем результаты нашего опроса об оценках эффективности применяемых мероприятий, касающихся перемещения и положения мигрантов (как внутри, так и за пределами России), полученными средневзвешенными баллами (см. табл. 1).

Таблица 1.

Рейтинг средневзвешенной оценки эффективности мероприятий в период коронавирусной инфекции, касающихся мобильности населения (балл)

Table 1.

Rating of the weighted average assessment of the effectiveness of measures during the period of coronavirus infection related to population mobility (score)

Мера	Средняя оценка
Обязательное установление приложения «Социальный мониторинг» для всех людей с подтвержденной коронавирусной инфекцией	2,86
Наказание за нарушение карантина	2,94
Возврат денег за несовершенную поездку по путевке	3,00
Помощь россиянам, оказавшимся за рубежом	3,10
Режим самоизоляции	3,14
Больничные для вернувшихся из-за границы	3,17
Ограничение международного сообщения	3,18
Режим обсервации для приезжающих из других регионов или стран	3,22
Дистанционное открытие счета (вклада) физическим лицам	3,24
Продление сроков действия документов для иностранцев на территории РФ на 90 дней	3,26
Введение режима нерабочих дней с 30 марта по 11 мая	3,27
Дистанционная постановка на биржу труда	3,31
Дистанционное оформление больничного для работающих граждан 65+	3,39
Перевод учебных заведений на дистанционную работу	3,51
Продление срока действия паспортов и водительских прав	3,73

Учитывая, что оценку эффективности мер для сдерживания мобильности, а значит для снижения трансмиссивности коронавируса, предлагалось давать респондентом в пятибалльной системе, зафиксируем расположение перечня мероприятий в диапазоне между 3 баллами и 4 баллами. Это означает, что эффективность разработанных и применяемых действий в целом оценивается между средней или выше средней. Как видно из таблицы, наибольшее одобрение получило решение, связанное с бюрократической сферой. Продление срока действия паспортов и водительских прав получило высший рейтинг – 3,73 балла. Это связано с тем, что почти 40% оценили данную меру как наиболее эффективную и присвоили ей 5 баллов. Также достаточно высокую оценку дали опрошенные в отношении продления сроков действия документов, для иностранных граждан, оказавшихся в этот период в России, в среднем 3,26 баллов. А максимальную пятибалльную эффективность этой меры выразил каждый четвертый респондент.

Высокие средние баллы отмечены и в отношении перевода учебных заведений на дистанционную работу. Равно как и другие мероприятия, связанные с возможностью воспользоваться технологиями цифрового управления: дистанционное оформление больничного листа, дистанционная постановка на биржу труда, дистанционное открытие счета (вклада) физическим лицом. Другое дело, что ускоренная работа в массовом порядке по внедрению цифровых технологий в условиях пандемии для реализации этих мер приводила к ошибкам и проблемам в их практическом применении. Однако, по меткому выражению уже бывшего главы «Роснано» А. Б. Чубайса, вызванная пандемией «принудительная цифровизация»¹⁸, оценивалась респондентами достаточно высоко. Максимальную эффективность (5 баллов) переводу учебных заведений на дистант присвоили 31% респондентов, дистанционной постановки на биржу труда – 26%, дистанционному оформлению больничных – 34%, дистанционному открытию счета (вклада) физических лиц – 32%. Все это, несомненно, способствовало снижению ежедневной мобильности, что выразилось в оценке населения.

Наименее эффективными, с точки зрения населения, мерами по борьбе с коронавирусом, направленными на сокращение перемещения, оказались, по понятным причинам, меры контроля и наказания. Так, средневзвешенный балл таких мер оценен в опросе менее, чем на 3. Контент-анализ блогосферы в начальный период введения «Социального мониторинга» свидетельствовал, что к этой мере население относилось достаточно скептически из-за ошибочных штрафов и плохо отработанной технологии. Лишь к ноябрю 2020 г. после отладки данной программы негативное отношение к этой мере снизилось¹⁹. Это, соответственно, повлияло на оценку эффективности данной меры. Только 20% респондентов отметили максимальную эффективность «Социального мониторинга», тогда как минимальную его полезность высказали 26%. Примерно, также оценены штрафные санкции за нарушение карантина, о максимальной эффективности которых заявили лишь 19% респондентов, а о минимальной эффективности – 22%.

Прямые меры для сдерживания передвижения населения, такие как ограничение международного сообщения и режим обсервации, в нашем рейтинге оценок эффективности расположены в середине. Предельное сокращение международного сообщения в период пандемии 2020 г. можно сравнить лишь с периодами чрезвычайной ситуации, свойственной военной обстановке. Привыкшее к открытым границам население современной России оценило эффективность в стратегии борьбы с мировой инфекцией в целом в 3,18 балла. Максимальную оценку эффективности ограничения международного сообщения дали лишь 26% респондентов (см. рис. 9). Наиболее выразительно эту меру поддержала, как ни странно, молодежь (18–24 года), среди которой почти 40% одобрили ограничение международного сообщения в условиях коронавируса в качестве наиболее эффективной меры.

¹⁸ Чубайс благодарен пандемии коронавируса за «принудительную цифровизацию» // ТАСС. Информационное агентство. 19.11.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10045041> (дата обращения: 23.10.2020).

¹⁹ Мэрия перестала получать жалобы на «Социальный мониторинг» // Интерфакс. Информационное агентство. 10.11.2020. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/736414> (дата обращения: 12.02.2021).

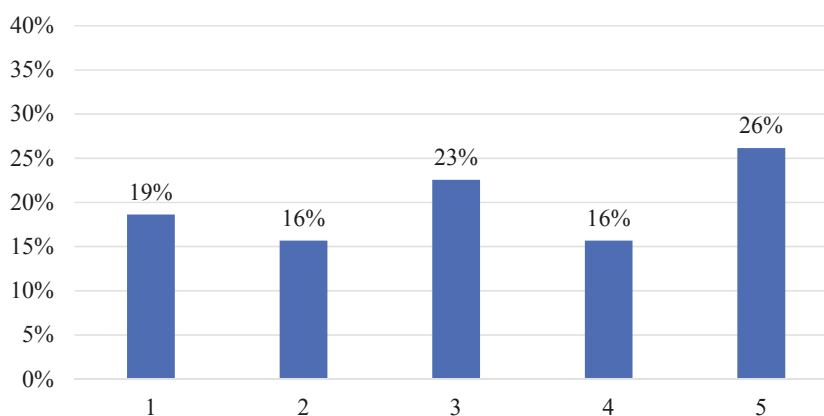


Рис. 9. Распределение ответов на вопрос «Оцените эффективность меры ограничения международного сообщения (где 1 – самая низкая эффективность, а 5 – самая высокая)», % от ответивших

Fig. 9. Distribution of answers to the question “Rate the effectiveness of the measure for restricting international traffic (where 1 is the lowest efficiency, and 5 is the highest)”, % of the respondents

О минимальной эффективности закрытия границ страны высказался почти каждый пятый респондент, среди которых более значимую часть занимали лица среднего возраста (35–54 лет) – 26% и лица старше 55 лет – 22%.

Внезапная остановка международного перемещения вызвала значительные проблемы массового и частного характера, как для граждан России, находящихся за пределами страны, так и для иностранцев, пребывающих внутри нее.

Важной составляющей общей системы мероприятий в условиях пандемии стала поддержка российских граждан, оказавшихся за пределами страны. Так, по решению Правительства РФ российские граждане имели возможность получать помощь в размере 2,4 тыс. рублей на взрослого и 1,6 тыс. рублей на ребенка до 14 лет в расчете на каждый день²⁰. Заметим, что, судя по нижеследующему графику, отношение к данной мере было неоднозначным. Средний балл, который получила эта мера – 3,10. Высоко и максимально эффективной она была для 45% респондентов (см. рис. 10).

²⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 03.04.2020 г. № 433 «Об утверждении Положения об оказании социальной поддержки (помощи) российским гражданам, находящимся на территории иностранного государства и не имеющим возможности вернуться в Российскую Федерацию в связи с распространением новой коронавирусной инфекции» // Правительство России [сайт]. 03.04.2020. URL: <http://government.ru/docs/all/127136/> (дата обращения: 12.02.2021).

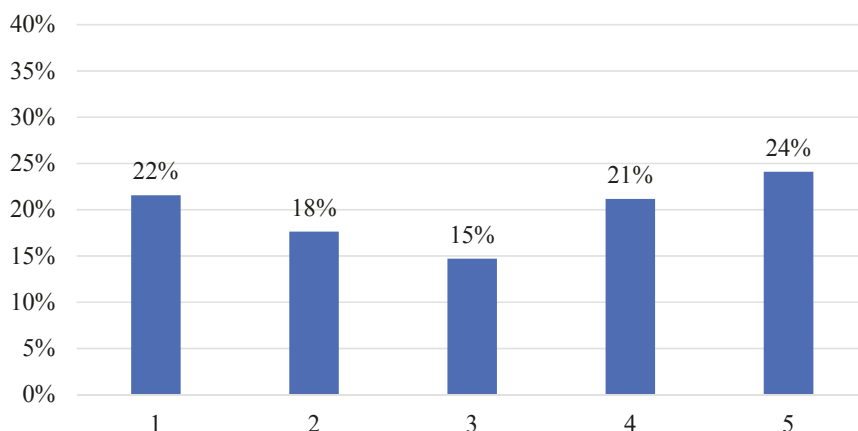


Рис. 10. Распределение ответов на вопрос «Оцените эффективность мер помощи россиянам, оказавшимся за рубежом (где 1 – самая низкая эффективность, а 5 – самая высокая)», % от ответивших

Fig. 10. Distribution of answers to the question “Rate the effectiveness of the measure to help Russians who find themselves abroad (where 1 is the lowest efficiency, and 5 is the highest)”, % of respondents

В тоже время для 40% респондентов данная помощь была минимальной и недостаточно эффективной. То есть, эта мера поляризовала мнение россиян в отношении необходимости ее внедрения. Высокую и максимальную оценку эффективности помощи гражданам России, находящимся за ее пределами, дали, главным образом, две возрастные группы респондентов молодежь (18–24 года) – 58% и лица старше 55 лет – 50%.

Эффективность еще одной меры, касающейся как международного, так и внутреннего миграционного перемещения, также оценивалась в экспресс-опросе. Это обсервация. По сути обсервация является традиционной санитарно-эпидемиологической мерой при карантине. Она вводится для осуществления мониторинга возможных рисков заражения мигрантов, пересекающих границы карантинных территорий, и заключается в изоляции таких мигрантов на срок инкубационного периода.

Отметим, что в отношении данной меры в российском обществе распространились различные взгляды, так как ее повсеместное и срочное внедрение (а это связано с тем, что все 85 регионов страны подверглись угрозе коронавируса), естественно, характеризовалось значительным массовым изменением привычных миграций.

В рейтинге оценок эффективности режим обсервации для приезжающих из других регионов или стран получил среднюю оценку равную 3,22 балла. По нашим данным (см. рис. 11), четверть респондентов отметила максимальную эффективность введения обсервации, еще каждый пятый респондент отметил высокий уровень эффективности этой меры.

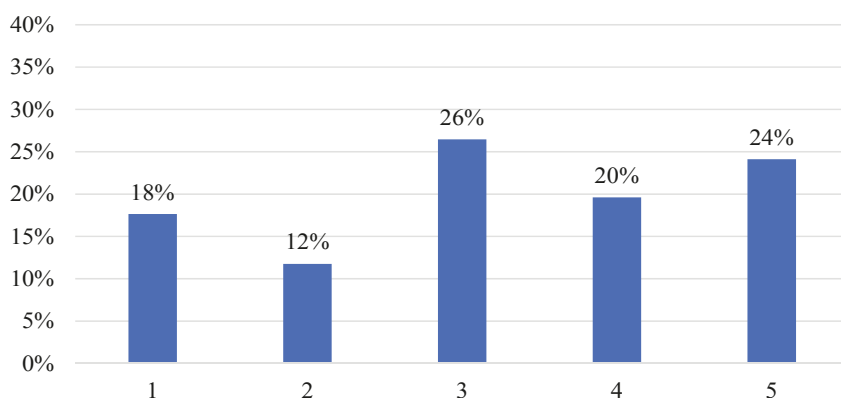


Рис. 11. Распределение ответов на вопрос «Оцените эффективность меры режима обсервации для приезжающих из других регионов или стран (где 1 – самая низкая эффективность, а 5 – самая высокая)», % от ответивших

Fig. 11. Distribution of answers to the question “Please rate the effectiveness of the observation regime measure for visitors from other regions or countries (where 1 is the lowest efficiency, and 5 is the highest)”, % of respondents

Результаты экспресс-опроса показали, что присвоение данной мере достаточно высоких баллов при оценке ее эффективности было свойственно почти всем возрастным группам респондентов. Исключение составляла лишь группа респондентов в возрасте 35–54 года, каждый третий из которых высказал мнение о минимальной эффективности режима обсервации.

Заключение

Подводя итоги, следует заметить, что проведение пилотажного экспресс-опроса, касающегося оценок рисков и эффективности мер в области миграционного перемещения, позволило:

- во-первых, предусмотреть для будущего основного социологического опроса по данной теме необходимость совершенствования методического инструментария с целью выяснения и отрицательного влияния принимаемых мер на здоровье и профилактику коронавирусной инфекции;

- во-вторых, определить наиболее типичные оценки рисков, касающихся миграционного перемещения, не только для всей совокупности респондентов, но и для отдельных возрастных групп опрошенных;

- в-третьих, оперативно получить мнения российского населения о наиболее приемлемых и одобряемых им мерах борьбы с пандемией в области миграции, а также мерах, эффективность которых является сомнительной на взгляд населения страны;

- в-четвертых, выявить необходимость социологического мониторинга эффективности мер борьбы с коронавирусом на национальном и региональном уровнях

В конце следует заметить, что «стоп-кран», который «сорвала» пандемия в отношении глобальных процессов миграции, уже не вернется в свое прежнее положение. Миграционные законодательства государств мира всегда должны будут предусматривать современные эпидемиологические угрозы, что обуславливает

разработку сценариев быстрой перестройки сложившихся миграционных систем мира в положение внезапной остановки.

Список литературы:

Денисенко М. Б., Мукомель В. И. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 3. С. 84–107. DOI: 10.17323/demreview.v7i3.11637.

Леденева В. Ю., Безвербная Н. А. Формирование образа мигранта в СМИ и социальных сетях на фоне эпидемии COVID-19 (по результатам контент-анализа Интернет-изданий) // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 95–105. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-08.

Рязанцев С. В., Вазиров З. К., Храмова М. Н., Смирнов А. В. Влияние пандемии Covid-19 на положение трудовых мигрантов из Центральной Азии в России // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 3. С. 64–76. DOI: 10.37178/ca-c.20.3.06.

Цапенко И. П., Сауткина В. А. Глобальные миграции и экономика здравоохранения // Terra Economicus. 2018. Т. 16. № 1. С. 84–100. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-1-84-100.

Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. The Lancet. 2020. Vol. 395. No. 10227. Pp. 912–920. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8.

Chakraborty I., Maity P. COVID-19 outbreak: Migration, effects on society, global environment and prevention. Science of The Total Environment. 2020. Vol. 728, No. 138882. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2020.138882.

Cohen J. H. Modeling migration, insecurity and COVID-19. Migration Letters. 2020. Vol. 17, No. 3. Pp. 405–409. DOI: 10.33182/ml.v17i3.986.

O'Brien M. L., Eger M. A. Suppression, spikes, and stigma: how COVID-19 will shape international migration and hostilities toward it. International Migration Review. 2020. Vol. 1, No. 32. Pp. 1–32. DOI: 10.1177/0197918320968754.

Paul R. Europe's essential workers: Migration and pandemic politics in Central and Eastern Europe during COVID-19. European Policy Analysis. 2020. Vol. 6. No. 2. Pp. 238–263. DOI: 10.1002/epa2.1105.

Schneider S. L. Anti-immigrant attitudes in Europe: Outgroup size and perceived ethnic threat. European Sociological Review. 2008. Vol. 24, No. 1. Pp. 53–67. DOI: 10.1093/esr/jcm034.

Сведения об авторах:

Сигарева Евгения Петровна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sigarevae@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3760-795X; РИНЦ Author ID: 74704; Scopus Author ID: 57209847807.

Плетнева Юлия Эдуардовна, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: julpletneva@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6689-3305; РИНЦ Author ID: 1026136; Web of Science Researcher ID: B-7423-2019.

Статья поступила в редакцию 22.02.2021; принята в печать 19.04.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ASSESSING THE RISKS AND EFFECTIVENESS OF PANDEMIC CONTROL MEASURES: THE MIGRATION ASPECT

Evgeniya P. Sigareva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: sigarevae@mail.ru

Yulia E. Pletneva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: julpletneva@yandex.ru

For citation: Evgeniya P. Sigareva, Yulia E. Pletneva. Assessing the risks and effectiveness of pandemic control measures: the migration aspect. DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 2. P. 8–27. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.1

Abstract. The article is devoted to the problem of the implementation of the universal right to freedom of movement and the measures used to limit it in the context of epidemiological threats associated with the global pandemic of 2020. The modern pandemic, being, in fact, an event provoked in many respects by the processes of globalization and the unprecedented level of migration exchange of population between states and regions, has caused the need for a sharp restriction of all types of movement. This, in turn, has updated scientific research aimed at studying the risks of the disease and the adequacy of measures to combat the pandemic in the field of containing mobility. This article is based on a pilot sociological study of personal and national epidemiological risks from the standpoint of their population's assessments. The empirical base also contains a block of information related to assessments of the effectiveness of measures to restrict movement developed and applied in Russia. In addition, the paper considers the risks associated with the consequences of restraining mobility, such as loss of work and income, the expected migration loss of the population, the possibility of replacing local labor resources by labor migrants, and others. The results of the survey made it possible to obtain the views of the Russian population on the most acceptable and approved measures to combat the pandemic in the field of migration. The rating of the weighted average assessment of the effectiveness of measures during the period of coronavirus infection related to population mobility was presented. We also analyzed typical risk assessments from the population regarding migration movements, not only for the entire population of respondents, but also for individual age groups of respondents. And the features of assessing the effectiveness of measures to combat the pandemic in different age groups of survey participants were revealed. The survey was conducted in October 2020, when the second wave of the pandemic was just developing. Therefore, the article contains some comparative results of the respondents' assessment of the risks and facts of the real situation of the development of the pandemic. The article will be of interest to both the scientific community: demographers, sociologists, and government officials. Its findings will make it possible to increase the effectiveness of the developed public policy measures and balance the need for restrictive orders and freedom of movement in the face of growing epidemiological threats.

Keywords: risks, coronavirus, migration, survey, effectiveness of measures.

References

- Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *The Lancet*. 2020. Vol. 395. No. 10227. Pp. 912–920. DOI: 10.1016/S0140-6736(20)30460-8.
- Chakraborty I., Maity P. COVID-19 outbreak: Migration, effects on society, global environment and prevention. *Science of The Total Environment*. 2020. Vol. 728, No. 138882. DOI: 10.1016/j.scitotenv.2020.138882.
- Cohen J. H. Modeling migration, insecurity and COVID-19. *Migration Letters*. 2020. Vol. 17, No. 3. Pp. 405–409. DOI: 10.33182/ml.v17i3.986.
- Denisenko M. B., Mukomel V. I. Labour migration in Russia during the coronavirus pandemic. *Demographic Review*. 2020. Vol. 7, No. 3. P. 84–107. DOI: 10.17323/demreview. v7i3.11637. (In Russ.)
- Ledeneva V. Yu., Bezverbnaya N. A. Forming the image of a migrant in the media and social networks against the background of the COVID-19 epidemic (based on the results of content analysis of online publications). *Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. 2020. No. 3. P. 95–105. DOI: 10.26653 / 2076-4650-2020-3-08. (In Russ.)
- O'Brien M. L., Eger M. A. Suppression, spikes, and stigma: how COVID-19 will shape international migration and hostilities toward it. *International Migration Review*. 2020. Vol. 1, No. 32. Pp. 1–32. DOI:

10.1177/0197918320968754.

Paul R. Europe's essential workers: Migration and pandemic politics in Central and Eastern Europe during COVID-19. *European Policy Analysis*. 2020. Vol. 6. No. 2. Pp. 238–263. DOI: 10.1002/epa2.1105.

Ryazantsev S. V., Vazirov Z. K., Khramova M. N., Smirnov A. V. The impact of the COVID-19 pandemic on the position of labor migrants from Central Asia in Russia. *Central Asia and the Caucasus*. 2020. Vol. 23, No. 3. P. 64–76. DOI: 10.37178 / ca-c.20.3.06. (In Russ.)

Schneider S. L. Anti-immigrant attitudes in Europe: Outgroup size and perceived ethnic threat. *European Sociological Review*. 2008. Vol. 24, No. 1. Pp. 53–67. DOI: 10.1093/esr/jcm034.

Tsapenko I. P., Sautkina V. A. Global migrations and health economics. *Terra economicus*. 2018. Vol. 16, No. 1. Pp. 84–100. DOI: 10.23683 / 2073-6606-2018-16-1-84-100. (In Russ.)

Bio note:

Evgenia P. Sigareva, Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sigarevae@mail.ru; ORCID ID: 0000-0003-3760-795X; RSCI Author ID: 74704; Scopus Author ID: 57209847807.

Yulia E. Pletneva, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: julpletneva@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6689-3305; RSCI Author ID: 1026136; Web of Science Researcher ID: B-7423-2019.

Received on 22.02.2021; accepted for publication on 19.04.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

СМЕРТНОСТЬ В БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Злотников А. Г.

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, Гомель, Беларусь.

E-mail: zlot@tut.by

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.2

Для цитирования: Злотников А. Г. Смертность в Беларуси в период пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 28–46. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.2

Аннотация. Анализируется влияние демографических факторов на распространение коронавирусной пандемии. Основой анализа является использование методологии Big Data. Рассматривается влияние и последствия урбанизации, миграции, демографической структуры, особенностей статистического учета на состояние и перспективы смертности. Дан анализ состояния процессов смертности в Республике Беларусь за период 1990–2019 гг. Показано влияние коронавирусной пандемии на состояние процессов смертности и демографические потери в Республике Беларусь в 2020 г. Выявлена связь миграции, распространения COVID-19 и их последствий с процессом урбанизации и ростом агломераций. Формулируется положение о доминирующей роли в распространении вирусных заболеваний различных видов миграции. Дана характеристика влияния международной трудовой миграции из Беларуси на распространение пандемии COVID-19 в стране. Внутри страны на заболеваемость наибольшее влияние оказывает маятниковая миграция. В статье представлены сопоставимые данные о распространении пандемии новой коронавирусной инфекции в Республике Беларусь по сравнению с граничащими с нею странами – Россией, Украиной, Польшей, Литвой и Латвией. Обосновывается положение о воздействии на динамику общей смертности изменений в возрастной структуре населения. Исследовано влияние пандемии коронавируса на структуру причин смертности. Выявляются явные и латентные последствия коронавирусной пандемии для демографических процессов и факторы их обуславливающие. Сделан вывод о состоянии и тенденциях общей смертности в Беларуси в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: пандемия, коронавирус, пневмония, демография, смертность, урбанизация, миграция, возрастная структура.

Введение

В своей истории человечество не раз сталкивалось с разного рода вирусами. Первый наиболее известный факт массового смертельного вирусного заболевания был зафиксирован еще в XIV в. до н. э. в Древнем Египте. Свиристествовавшая тогда похожая на чуму эпидемия, по некоторым данным, уничтожила более половины населения. В начале новой эры (в середине VI в.) масштабная эпидемия, названная «чумой Юстиниана», унесла свыше 100 млн жизней населения Средиземноморья. В середине XIV века (1347–1356 гг.) Европу вновь потрясла эпидемия бубонной чумы – «черная смерть», скосившая около трети жителей континента, из которых более половины – это население крупных городов. Недаром, в связи с этим в то время родилось и знаменитое выражение «увидеть Париж и умереть».

Столетие назад (1918–1920 гг.) почти 100 млн человек убила разновидность гриппа – так называемая «испанка». На протяжении последней трети XX в. и в начале XXI столетия мир опять столкнулся с вирусными угрозами, такими как СПИД, различные штаммы гриппа (атипичная пневмония (SARS) – 2003 г., птичий грипп – 2009 г., свиной грипп – 2016 г.), лихорадка Эбола – 2014–2016 гг. И вот теперь коронавирусу SARS-CoV-2 стал новой глобальной угрозой для человечества. Прежде всего беспокоят крайние последствия коронавируса – летальный исход.

Распространено мнение, что власти многих стран, в т. ч. и в Беларуси, скрывают действительную картину коронавирусной пандемии. С этим бывший (1997–2001 гг.) министр здравоохранения Республики Беларусь И. Б. Зеленкевич категорически не

согласен и считает, что данным Минздрава следует доверять, потому что знает, как организована система установки диагноза. Сомневающимся в этом он отвечает: «Я радуюсь, когда хорошо. В любом случае, шила в мешке не утаишь. Подтасовка никому не нужна, это приводит к неправильным управленческим решениям, при принятии которых опираются на данные»¹.

Обзор литературы

Демографические процессы крайне сложны, они не всегда бывают линейными и сводимыми только к простым связям и взаимодействиям. Но смертность является итоговой детерминантой, отражающей качественные процессы в их количественном измерении. Проблема смертности открывает и историю демографии как науки. Первым системным исследованием по демографии в целом и смертности в частности можно назвать работу Джона Граунта, сокращенное название которой «Наблюдение о смертности в Лондоне», увидевшая свет в 1662 г. Эпидемии всегда имели огромные демографические последствия. Показательно, что более чем за три столетия до этого очевидец мора бубонной чумы писатель-гуманист Дж. Боккаччо спустя пять лет после появления чумы в Европе в 1348 г. в своем «Декамероне» писал о ее размахе: «На переполненных кладбищах при церквях рыли преогромные ямы и туда опускали целыми сотнями трупы, которые только успевали подносить к храмам. Клали их в ряд, словно тюки с товаром в корабельном трюме, потом посыпали землей, потом клали еще один ряд – и так до тех пор, пока яма не заполнялась доверху». О масштабах эпидемии бубонной чумы он писал так: «в стенах города Флоренции умерло, как уверяют, сто с лишним тысяч человек, а между тем до этого мора никто и предполагать не мог, что город насчитывает столько жителей» [Боккаччо, 1992: 16–17].

Общенаучные подходы к проблеме смертности берут свое начало в идеях Эпикура, Дж. Граунта, Ф. Кенэ, Л. Эйлера, М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, А. Смита, Т. Мальтуса, И. И. Мечникова, Э. Дюркгейма и др. мыслителей. Сугубо демографические аспекты анализа проблем смертности нашли отражение в трудах Ж. Буржуа-Пиша, Л. Бертильона, Ж. Бертильона, Ю. А. Корчак-Чепурковского, А. Ландри, С. А. Новосельского, В. В. Паевского, В. Н. Покровского, М. В. Птухи, Б. Я. Смудевича, А. Сови, а также А. Я. Боярского, Д. И. Валентя, Б. Ц. Урланиса. Из современных авторов значимый вклад в исследование проблем смертности внесли Е. М. Андреев, А. Г. Вишневецкий, М. Б. Денисенко, Р. М. Дмитриева, А. Е. Иванова, Э. М. Либанова, А. Н. Немцов, В. Г. Семенова, Е. М. Щербакова, В. М. Школьников и др. Их исследования связаны с разнообразными аспектами смертности – естественного движения населения, регионального анализа смертности, отдельных половозрастных групп, анализа причин смертности, ожидаемой продолжительности жизни, а также, что очень важно, междисциплинарного подхода, множественности зависимостей, национальной безопасности и пр.

Не менее важны для анализа проблем смертности и общедемографические подходы, в частности примененный автором методологический подход Л. Л. Рыбаковского, включающий использование КРЕД – коэффициента результативности естественного движения [Рыбаковский, 2020: 8–17], а также его идею о демографических детерминантах, характеризующих факторы, причины и условия, которые в ряде слу-

¹ Газеты пишут о коронавирусе в Белоруссии // Демоскоп Weekly. Демографический электронный журнал. № 863–864. 15.06–31.07.2020. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0863/gazeta06.php> (дата обращения: 25.06.2020).

чаев выступают синонимами. Причем, в демографических процессах факторы предстают явлениями двоякого рода: они могут проявлять себя и как условия, и как структурные факторы [Рыбаковский, 2017: 143–144].

Особо следует отметить, что в России первые результаты исследований влияния пандемии COVID-19 на миграционную мобильность населения выполнены учеными Института демографических исследований ФНИСЦ РАН под руководством его директора, члена-корреспондента РАН С. В. Рязанцева. В этих работах освещены проблемы глобальной миграции в условиях пандемии COVID-19, региональные и этнодемографические аспекты миграции в различных странах, социально-демографические последствия пандемии для лиц старших возрастов, молодежи, студентов [Топилин, 2020: 18].

В целом, как констатировал Е. В. Де Роберти, высказанные «идеи, и великие, и малые, – продукт не одного, и не многих даже, а всех без исключения умов, результат длительной совместной работы не только современников, но всех соприкасающихся во времени и пространстве человеческих союзов» [Де Роберти, 2008: 473].

В связи с тем, что статья посвящена проблемам смертности в Беларуси, отметим, что научные публикации современных белорусских демографов и социологов по проблемам смертности были направлены в основном на определение роли смертности в тенденциях естественного движения населения [Боброва, 2012: 24–33; Станишевская, 2018: 16–23], анализа продолжительности жизни [Кулак, 2012: 49–57], а также причин смертности [Привалова, 2021: 21–30] и влияния различных факторов (прежде всего – алкоголизации населения) на преждевременную смертность [Боброва, 2013: 43–49]. Проблемам научных исследований по вопросам определения природы нового коронавируса, а также предупреждения и лечения COVID-19 посвящен один из номеров журнала НАН Беларуси «Наука и инновации» (2020, № 7). Демографические аспекты пандемии в этом журнале были освещены автором данного исследования в статье «Пандемия COVID-19 в Беларуси: демографическое отражение» [Злотников, 2021].

Методы исследования

В процессе подготовки статьи использовался ряд методов, из которых ведущим является аналитический метод, в основу которого положено использование больших массивов данных (Big Data). В содержательном аспекте аналитическая сторона методологии Big Data означает отражение многообразия данных, позволяющих на основе роста количественной информации дать качественное объяснение изучаемых процессов и явлений (за счет перехода количества в качество). В ее основу положено несколько, по крайней мере, семь «V». Вначале это был набор трех признаков «VVV»: volume (масса, величина, объем), velocity (скорость), variety (многообразие, разнообразие, многосторонность). Затем содержание ее признаков было расширено: veracity (достоверность, точность, правдивость), viability (жизнеспособность), value (ценность) и variability (переменчивость, изменчивость, непостоянство). Методология Big Data позволяет более адекватно отразить суть и многогранность демографических явлений, в т. ч. и смертности. При этом смертность мы рассматриваем как летальный исход, связанный с окончательным прекращением жизнедеятельности человеческого организма.

Статистической базой исследования являются данные национальной и международной статистики, а также белорусских ведомств (Минздрава) о текущей ситуации с распространением в стране нового коронавируса. Подробнее об особенностях

и проблемах использования данных национальной статистики говорится в разделе «Результаты и обсуждение». Эти особенности и определили выбор методологии Big Data.

Результаты и обсуждение

Одним из основных среди факторов, способствующих распространению пандемии COVID-19 и усугубляющим ее последствия, является урбанизация, скученность населения. Чем выше уровень урбанизации, тем более интенсивно протекают демографические процессы. Считается, что массовое заболевание ковидом впервые произошло в крупнейшей агломерации одной из самых многонаселенных стран мира – Китае, в почти 12-ти миллионном Ухане. В Беларуси же на начальной стадии распространения нового коронавируса наибольшие его масштабы (более 60%) наблюдались в столичной агломерации.

В Российской Федерации наибольшее число выявленных случаев заболевания коронавирусом пришлось на такие крупнейшие агломерации, как Москва с одноименной областью и Санкт-Петербург с Ленинградской областью. В России первыми носителями COVID-19 стали мигранты (образовательная, трудовая, маятниковая, челночная, туристическая и другие виды миграции).

Италия, Испания, Португалия, Франция как крупнейшие туристические страны стали и странами с высоким уровнем заболеваемости коронавирусом. Беларусь как стране, не пользующейся столь большой популярностью среди туристов, в период интенсивного распространения COVID-19 больше «повезло» в плане отсутствия наплыва мигрантов. Исходными – «нулевыми» носителями коронавируса стали, в основном, белорусские граждане, возвратившиеся из регионов с высоким уровнем заражения.

Миграция как ведущий фактор пандемии коронавируса

Однако начало распространения COVID-19 в Беларуси было также связано с миграцией. По нашему мнению, это второй из ведущих демографических факторов распространения пандемии. В частности, первым носителем этого заболевания в Беларуси оказался образовательный мигрант – студент одного из минских вузов из Ирана, прилетевший из Баку. В Гомеле, втором по численности населения городе Беларуси, первый случай коронавирусной инфекции был зафиксирован у 20-летнего спортсмена, возвратившегося из Португалии после пересадок в аэропортах Порту – Франкфурт – Варшава – Минск. В Витебске, четвертом по численности населения городе страны, первый случай коронавируса также связан со спортивной миграцией. В Гродно первый случай ковида официально был зафиксирован у жительницы областного центра, возвращавшейся на маршрутке из Вильнюса, что характерно как для фронтьерской, так и для транзитной, и для маятниковой, и для челночной миграции.

Инфекционные заболевания были постоянным спутником миграции на протяжении всей истории человеческой цивилизации. Так, например, венецианские купцы, привозя в Европу восточные сладости и пряности, в трюмах кораблей завезли и крыс с блохами, носителями оспы, чумы и холеры – заболеваний, которые в Средние века «выкосили» более половины населения Европы. Венецианские правители боролись с тогдашней пандемией, установив карантин для прибывших кораблей на две недели – срок, который принят для профилактики многими странами и в современном мире. Европейцы же, в свою очередь, стали разносчиками таких заболеваний,

как сальмонеллез и оспа, на американском континенте. Среди местного населения не было никакого иммунитета к этим инфекциям, в то время как он был выработан у европейцев.

Таким образом, миграция, особенно международная, наряду с несомненно позитивными социальными и экономическими функциями несет в себе одновременно и угрозы для конкретного социума, одной из которых теперь стала ковидная пандемия. Поэтому большинство стран мира, в том числе и все государства, граничащие с Республикой Беларусь, ввели ограничения на трансграничные перемещения.

Внутри же страны распространение нового коронавируса связано с особенностями внутренней миграции. Это общая тенденция «расползания» эпидемии по территории страны. В Италии очаг эпидемии пришелся на ее экономический центр – Ломбардию, куда приезжают трудовые мигранты со всей страны, и где на начальном этапе пандемии было зарегистрировано 37% всех выявленных случаев COVID-19 в стране. В Центральном Федеральном округе России почти 60% таких случаев приходилось на Москву. Это связано с тем, что почти три четверти пассажиропотока приходится на направления, проходящие через Москву. Это позволяет коронавирусу распространяться через основные транспортные узлы. Тесную связь интенсивности миграции и высокого уровня урбанизации в столичном округе России с распространением ковида показывают следующие данные. Наиболее высокий уровень заболеваемости среди всех областей ЦФО приходился на Тульскую область, откуда происходит наибольшая доля трудовых мигрантов, проживающих в Москве. Второй по численности трудовых мигрантов в Москве является Калужская область. Это область по численности заболевших ковидом на третьем месте в ЦФО².

Таким образом, внутренняя миграция, косвенно отражающая интенсивность контактов всех типов между населением в разных регионах, обуславливает и масштабы распространения коронавируса. Даже отдаленность региона от центра притяжения населения не препятствует распространению ковида по направлению от центра к периферии. И чем больше людей из какого-то региона приезжает или переезжает в столицу, тем больше в нем вероятность распространения заболевания.

Информация как точка опоры

Еще Архимед изрек «дайте мне точку опоры, и я переверну мир». В современном мире такой точкой опоры является информация. На обыденном уровне распространено мнение о неполноте официальной информации о реальной эпидемиологической обстановке с COVID-19. Одна из причин этого медицинская статистика о смертности, которая не отвечает сегодняшним реалиям не только Беларуси, но и большинства стран мира, а кроме того, в последнее время стала малодоступной для пользователей.

Вторая группа причин – методологические и методические сложности статистического учета. Методологические сложности связаны с тем фактом, что при наличии нескольких тяжелых заболеваний затруднительно определить, какое из них стало непосредственной причиной смерти. Методические сложности вызваны наличием двух видов документации по смертям: записей актов гражданского состояния (ЗАГС) и врачебных свидетельств. Причем, если в актах гражданского состояния фиксируется только одна причина, которая затем и будет отражена в демографиче-

² Газеты пишут о роли миграции в распространении коронавируса // Демоскоп Weekly. Демографический электронный журнал. № 859–860. 18–31.05.2020. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0859/gazeta012.php> (дата обращения: 25.06.2020).

ских изданиях, то во врачебных свидетельствах о смерти их указываются несколько. Во-первых, это непосредственная причина смерти – заболевание или состояние, непосредственно приведшее к смерти. Во-вторых, отмечается патологическое состояние (заболевание), вызвавшее или обусловившее непосредственную причину смерти. И, наконец, в-третьих, фиксируется, основная причина смерти, первоначальное заболевание или состояние.

Третья группа причин затрудненности статистического учета – социальные, экономические, политические и психологические. Говоря об экономических причинах, следует отметить, что фиксация количества умерших от коронавируса во многих странах связана со страховой медициной, требующей оправдания расходов. Немаловажными факторами являются ведомственные и личные интересы, в частности, финансовые интересы системы здравоохранения и медиков, получивших возможность повышения в несколько раз оплаты труда за работу во вредных условиях. Есть и интересы родственников умерших от коронавирусной инфекции. Так, в России летальный исход от ковида увеличивал в несколько раз размер пособия на погребение. К политическим и психологическим причинам относится желание властей продемонстрировать, что, с одной стороны, ситуацию они держат под контролем а, с другой стороны, стремятся успокоить общество, не тиражируя в нем панических настроений.

В Республике Беларусь на основе многообразия врачебных записей свидетельства о смертности медики низшего и среднего звена полагают, что официальные данные о смертности от коронавируса занижены. Их аргументы базируются, во-первых, на отсутствии в СМИ ряда важнейших данных о масштабах общей смертности в последнее время и, во-вторых, на расхождении в информации Минздрава о количестве выявленных случаев COVID-19, с одной стороны, и количестве летальных исходов от коронавирусной инфекции, с другой стороны.

Содержание и объем статистической информации о демографических процессах зависят от сложившихся тенденций в этой сфере: если показатели положительные (скажем, наблюдается рост рождаемости или снижение смертности), то это становится достоянием гласности. До коронавирусной пандемии, т.е. до 2020 г., краткие показатели по смертности Белстат (Национальный статистический комитет Республики Беларусь) обобщал по кварталам. Более подробную статистику естественного движения населения, в том числе смертности, Белстат давал за полугодие. А полная демографическая информация, в том числе и о смертности, включая ее причины, публиковалась в итоговых годовых данных. Ныне же месячная, квартальная и полугодовая статистика смертности, как и рождаемости в Беларуси стали недоступны. Так, по 2016 г., когда в Беларуси была положительная демографическая динамика, Белстат давал ежемесячно информацию о процессах естественного движения населения. В 2017 г., когда в Беларуси резко снизилась рождаемость, информация о естественном движении населения стала доступной уже только частично – в разрезе кварталов. Ранее Белстат до 26-го числа каждого следующего месяца по завершении квартала публиковал в бюллетенях сведения о числе родившихся, умерших, количестве браков и разводов, по сведениям органов ЗАГС. Но в настоящее время и они отсутствуют.

В начале 2020 г., когда в стране по сравнению с соответствующим кварталом 2019 г. фиксировалась положительная динамика показателей смертности, уже 10 апреля Минздравом и Белстатом была обнародована информация о естественном движении населения за первый квартал. Но по итогам второго и третьего кварталов информация о процессах естественного движения населения перестала быть доступна, что у специ-

алистов вызывает предположение о негативном состоянии в этой сфере, а у населения – опасения, что власти от нас что-то пытаются скрыть. Кроме того, после 24 апреля с сайтов исчезла характеристика регионального распространения заболеваний коронавирусом по Беларуси. Всё это способствует распространению обыденных представлений о неполноте информации о реальной ситуации с COVID-19 в стране.

В Беларуси, по сравнению с Россией и Украиной, наблюдается большой недостаток информации о региональном распределении случаев заболевания COVID-19, что, по-видимому, преследует благую цель борьбы с паническими настроениями. В частности, последние официальные статистические данные по региональному распределению выявленных и подтвержденных случаев заболевания коронавирусом в Беларуси, а также количества умерших в Интернете имелись только по состоянию на 24 апреля 2020 г., когда прирост выявленных случаев заболевания в стране за сутки резко перевалил за 750 – почти на две сотни больше, чем двумя сутками ранее. По данным на 24 апреля, на долю Минска выпало 46,6% случаев COVID-19, а вместе с одноименной областью – 60,3%. Вторым регионом в Беларуси по количеству случаев заболевания оказалась Витебская область с их удельным весом 22,1%, что значительно выше суммы всех выявленных случаев заболевания в остальных четырех (Брестской, Гомельской, Гродненской и Могилевской) областях страны. Плато первой волны пандемии в Беларуси остановилось на рубеже свыше 900 новых выявленных случаев заболевания за сутки. Перед этим количество выявленных заболеваний фиксировалось на уровне более 700 случаев в течение семи дней. Более 800 выявленных случаев заболевания фиксировали на протяжении 20 дней. Число новых выявленных случаев заболевания держалось на отметке более 900 на протяжении 28 дней. Потом в середине июня их количество пошло на спад, снизившись в первых числах июля до уровня менее 300 случаев за сутки.

Наименьшее количество случаев было отмечено 9 августа 2020 г. – 112 человек, после чего начался новый всплеск: 26 августа – 247 и в сентябре – 371. Осенью, несмотря на серьезные меры по борьбе с коронавирусной пандемией, Беларусь, как и все страны мира, столкнулась со второй волной пандемии, гребень которой оказался более, чем в два раза выше весеннего уровня. В октябре был побит «рекордный» показатель весны-лета – 983 случая, 10 ноября уже было зафиксировано более тысячи случаев, а к концу ноября был установлен новый антирекорд – 1 691 случай за сутки. В последний месяц 2020 г. ежедневный показатель выявленных заболеваний COVID-19 в Беларуси уже превысил 1 800 случаев. 12-го декабря был установлен еще один антирекорд – 1 975 случаев, а за две последние декады средний суточный показатель выявленных случаев заболевания превысил 1 900.

Ковидная пандемия в Беларуси на фоне международных тенденций

Во многих странах и первая, и вторая волны пандемии коронавируса в относительных величинах оказались более высокими, чем в Беларуси, однако даже это не может служить утешением. В расчете на один миллион населения показатель заболеваемости COVID-19 в 2020 г. в Беларуси составил 20 564 случая, в то время как у граничащих с Беларусью стран он оказался выше: в Литве – 53 239 случаев, Польше – 34 521, Украине – 24 414, России – 21 829 и в Латвии – 21 808 случая (см. рис. 1). Среди европейских государств уровень заболеваемости был ниже, чем в Беларуси, в семи странах: Греции, Ирландии, Исландии, на Кипре, Фарерах, а также в Норвегии и Финляндии. Причем в последних перечисленных странах в расчете на миллион населения он самый низкий среди всех европейских государств: в Норвегии – 9 107 случаев и в Фин-

ляндии – 6 512, что соответственно в 2,3 и 3,2 раза меньше, чем в Беларуси. Высокие уровни заболеваемости на миллион жителей страны фиксировались в США – 61 588 случаев, в Испании – 41 415 случаев и особенно в карликовом государстве Андорре – 104 090 случаев на 1 млн населения. Последнее хоть и неожиданно, но отражает те факторы, о которых речь велась выше, ибо княжество Андорра расположено между Испанией и Францией, т. е., во-первых, странами с высоким уровнем заболеваемости COVID-19 и, во-вторых, являющимися центрами европейского туризма.

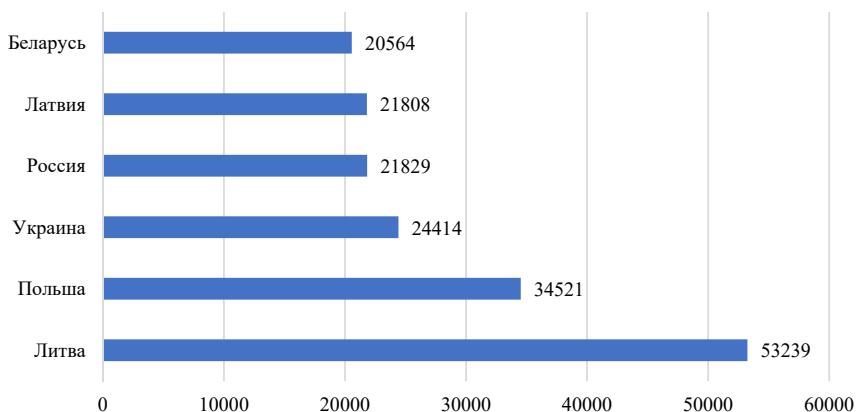


Рис. 1. Случаи заболевания коронавирусом, выявленные в приграничных с Беларусью странах в 2020 г. (случаев на 1 млн населения)

Fig. 1. Coronavirus cases detected in countries bordering Belarus in 2020 (cases per 1 mil population)

Как позитивный момент в борьбе с пандемией стоит упомянуть, что Беларусь является одним из лидеров на европейском постсоветском пространстве по количеству проведенных тестов на наличие SARS-CoV-2 – 3 988 420 тестов. Тестированием в 2020 г. было охвачено более трети населения и установлено 194 284 случая заражения, или 4,87%. В республике по итогам 2020 г. ниже, чем в Европе, оказалась и смертность от коронавируса – 1 424 погибших, или 0,73% от числа заболевших, что в 4–5 раз ниже, чем во многих европейских странах. Так, процент летальных исходов от коронавируса составил в Болгарии – 3,75, Боснии и Герцеговине – 3,65, Италии – 3,52, Греции – 3,49, Бельгии – 3,03, Северной Македонии – 3,01. Наивысший показатель летальности был отмечен в Мексике – 8,83%. В Китае – стране, с которой связывают зарождение COVID-19, этот показатель составил 5,25%. Отметим, что и столетие назад, в период разгула «испанки», ее масштабы на землях тогдашней Беларуси также оказались одними из наименьших в Европе.

Может быть, это результат особенности белорусского иммунитета, о чем свидетельствует, к примеру, и такая ситуация. В последней декаде январского чемпионата мира по гандболу 2021 г. в Египте некоторые команды пострадали от желудочной инфекции. Ю. Шевцов, главный тренер белорусской сборной заметил по этому случаю, что «со словенцами мы питались в одной столовой, нам готовили еду на одной кухне. Однако у них пострадали многие, а у нас – никто...»³.

³ Газета «Прессбол», 29 января 2021 г., № 7 (4429).

Явные и латентные связи пандемии коронавируса и смертности

Об особенностях региональных масштабов распространения пандемии коронавируса в Беларуси можно судить по Витебской области. Ее население составляет 12,4% от общей численности населения страны. В то же время население Брестской, Гомельской, Гродненской и Могилевской областей составляет суммарно 51,7%. На 24 апреля 2020 г. в Витебской области фиксировалось 22,1% всех случаев заболевания COVID-19 в стране. Такая ситуация отражает доминирование в распространении коронавирусной пандемии миграционных процессов – самых массовых из демографических процессов. В этой области с ее высокой степенью напряженности на рынке труда, отмеченной в 9-ти районах (Бешенковичском, Глубокском, Городокском, Мирском, Поставском, Росонском, Сенненском, Толочинском и Шарковщинском)⁴ отмечаются и значительные масштабы трудовой миграции в Российскую Федерацию.

Карантин, введенный в РФ в конце марта 2020 г., вынудил витебских трудовых мигрантов разными путями возвращаться на родину, что стало важным фактором распространения эпидемии в этой области, которая имеет самую протяженную границу с Россией среди приграничных белорусских областей (со Смоленской и Псковской областями РФ на северо-востоке).

Большинство государств наложили временный запрет на массовые передвижения через границы своих стран, чтобы сдержать распространение коронавирусной инфекции. Но пандемия, приведшая к закрытию границ, стала причиной не только проблем со здоровьем, но и целого ряда социально-экономических проблем для трудовых мигрантов. Численность белорусских трудовых мигрантов на рынке труда России составляет более 800 тыс. человек, и их перемещения стали важнейшим фактором распространения коронавирусной пандемии в Беларуси. Часть тех, кто имел в России личные средства передвижения, смогли без особых сложностей пересечь российско-белорусскую границу и вернуться на Родину. Этим способом воспользовались и витебские трудовые мигранты, находившиеся в России, поскольку пережить период ограничительных мер для них было дешевле в Беларуси. Но на Родине они попали в непростую ситуацию: из-за отсутствия дома достойных рабочих мест они не могли трудоустроиться. Возвращение же в Россию грозило им двухнедельным карантином и другими сложностями.

Белорусско-российская граница оставалась «полукрытой». Поезда, автобусы, маршрутки и попутки типа BlaBlaCar были отменены, поэтому многие белорусские трудовые мигранты, лишившиеся источников дохода в связи с прекращением трудовой деятельности на ряде предприятий Центрального федерального округа РФ, но не имеющие личных средств передвижения, временно оставались на территории России. Оставшиеся в РФ белорусские трудовые мигранты оказались не только без работы, но и без каких-либо других источников средств: в России они не получали даже небольших декларируемых пособий, т. к. не являлись гражданами страны. Ярким примером являются нефтяники – «вахтовики», которые более чем на три месяца оставались на тюменских промыслах из-за отмены авиарейсов, а сменяющие их команды из Речицы сидели дома без работы и, естественно, без заработка.

В демографическом плане в обычных условиях смертность прежде всего связана с возрастной структурой населения страны. Чем больше возраст человека, тем выше

⁴ Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 921 от 27 декабря 2019 г. // Pravo.by. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/C21900921_1578085200.pdf (дата обращения: 25.06.2020).

вероятность для него летального исхода, что подтверждается данными медицинской статистики по Беларуси за последний 30-ти летний период (см. табл. 1).

Таблица 1.

Возрастные коэффициенты смертности (число умерших на 1000 человек соответствующей возрастной группы, ‰)

Table 1.

Age-related mortality rates (number of deaths per 1,000 people in the corresponding age group, ‰)

Годы	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019
ВСЕГО	10,8	13,1	13,5	14,7	14,4	12,6	12,6	12,6	12,7	12,7
В том числе в возрасте до (лет):										
до 5 лет	2,8	2,9	2,5	1,9	1,1	0,8	0,8	0,7	0,6	0,5
5-9	0,4	0,4	0,2	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
10-14	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2	0,1
15-19	0,9	1,0	0,8	0,7	0,7	0,3	0,3	0,4	0,3	0,4
20-24	1,4	1,6	1,7	1,4	1,2	0,7	0,5	0,6	0,5	0,5
25-29	1,6	2,1	2,2	2,2	1,7	1,1	0,8	0,9	0,8	0,7
30-34	2,1	2,7	3,0	3,3	2,8	1,7	1,4	1,3	1,4	1,4
35-39	2,9	3,9	4,0	4,3	3,9	2,6	2,2	2,3	2,2	2,2
40-44	4,2	5,8	5,5	6,0	5,5	3,7	3,6	3,5	3,6	3,7
45-49	7,0	8,7	8,2	8,7	7,7	5,5	5,3	5,2	5,3	5,5
50-54	9,6	13,6	11,7	12,7	11,1	7,9	7,7	7,5	7,7	8,1
55-59	13,6	17,5	18,1	18,1	16,2	12,0	11,7	11,4	11,7	11,9
60-64	18,9	24,3	24,3	27,3	23,6	18,3	17,7	17,8	17,7	18,2
65-69	26,5	32,6	33,9	34,4	31,7	25,0	25,1	24,8	25,1	24,6
70 лет и старше	84,7	88,5	80,5	81,3	79,6	78,8	78,4	79,7	78,4	76,3

Источники: Демографический ежегодник Республики Беларусь⁵; Статистический ежегодник Республики Беларусь⁶.

Так, показатели смертности (в расчете на 1 000 человек населения) тесно соотносятся с возрастной структурой. Очевидна тенденция роста смертности по мере старения населения: уже на рубеже возраста пятого десятка лет более 10 человек из тысячи населения данной возрастной группы пополняют ряды умерших. На шестом десятке лет жизни эта участь грозит почти 30-ти жителям страны из тысячи человек этой возрастной когорты. А в возрастной группе населения старше 70-ти лет этот показатель увеличивается до 80 человек. Чем более высокий процент населения страны составляют люди старших возрастов, тем более высокие показатели смертности мы будем наблюдать. А в связи с тем, что в послевоенное время самая высокая рождаемость в Беларуси пришлось на период с 1948 г., то в 2020 г. и последующих годах ожидаются и самые многочисленные когорты населения старше 70-ти лет, т. е. родившихся в конце сороковых годов, и как следствие – рост смертности.

С демографических позиций важно определить долю различных причин смертности в ее общей структуре. Анализ динамики смертности за последние три десятилетия (см. табл. 2) выявляет высокий ее уровень на протяжении последнего пятилетия про-

⁵ Демографический ежегодник Республики Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. – 429 с.

⁶ Статистический ежегодник Республики Беларусь: Статистический сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. – 436 с.

шедшего столетия и первого десятилетия нынешнего века. Рост показателей смертности был обусловлен социально-экономическим и социально-политическим кризисом периода развала единого государства и единого демографического пространства, а также высокой долей в структуре населения лиц, родившихся в довоенные годы, характеризовавшиеся высоким уровнем рождаемости. Второе десятилетие нынешнего столетия характеризовалось резким снижением показателей смертности. Это снижение отражает изменения в возрастной структуре населения, суть которых заключается в том, что в 70-ти летний возраст вступило малочисленное население родившихся в период Великой Отечественной войны – период низкого уровня рождаемости.

Небольшие колебания в масштабах смертности 2014–2019 гг. не являются столь существенными. Но тем не менее в последние три года в Беларуси наблюдается небольшой рост смертности – чуть более тысячи случаев. Это существенный момент для характеристики смертности на фоне пандемии COVID-19. Если бы в стране не было этого хоть и небольшого, но тем не менее роста смертности в доковидный период, то это могло бы быть «зачислено» в последствия пандемии. Это тем более важно, что в обществе существует высокий запрос (даже перекося) прежде всего на различную информацию по проблемам коронавирусной инфекции.

Таблица 2.

**Динамика масштабов смертности населения Республики Беларусь
за период 1990–2019 гг. (человек)**

Table 2.

Dynamics of mortality rates of the Republic of Belarus for the period 1990-2019 (people)

Годы	Умерло	Годы	Умерло	Годы	Умерло
1990	109 582	2000	134 867	2010	137 132
1991	114 650	2001	140 299	2011	135 090
1992	116 674	2002	146 655	2012	126 531
1993	128 544	2003	143 200	2013	125 326
1994	130 003	2004	140 064	2014	121 542
1995	133 775	2005	141 857	2015	120 026
1996	133 422	2006	138 426	2016	119 379
1997	136 653	2007	132 993	2017	119 311
1998	137 296	2008	133 879	2018	120 053
1999	142 027	2009	135 097	2019	120 470

Источники: Демографический ежегодник Республики Беларусь; Статистический ежегодник Республики Беларусь.

Отметим, что средняя ежедневная смертность в 2016–2017 гг. составляла 326 чел., в 2018 г. – 329 и в 2019 г. – 331 чел., или 1 человек за каждые 4–5 минут. Такое же число умерших в Беларуси (331 чел.) с признаками коронавируса, отягощенного рядом хронических заболеваний, фиксировалось в период с 31 марта по 18 июня 2020 г., т. е. за 78 дней, что менее квартала. Мы не ставим цели убедить читателя, что ситуация со смертностью в Беларуси спокойная. Наоборот, автор утверждает, что даже и без пандемии в ближайшей перспективе нас ожидал бы рост смертности, так как возраста 70-ти лет и старше в третьем десятилетии XXI в. достигнет большая часть населения, чем за предшествующий период (значительно более 1 млн).

Но это в обычных условиях. Эпидемии, несомненно, вносят коррективы в сложившуюся динамику смертности, а значит, и продолжительности жизни, уровень которой начал снижаться среди мужского населения еще в доковидный период. И

это с демографических позиций беспокоит особенно, так как за последние два десятилетия в Беларуси зафиксировано уменьшение удельного веса мужского населения. Дело в том, что, по данным зарубежной медицинской статистики, хотя мужчины и женщины заражаются коронавирусом примерно с одинаковой частотой, но мужчины почти в три раза чаще попадают в отделение интенсивной терапии с тяжелым течением COVID-19. Риск умереть от коронавируса у мужчин почти в 1,4 раза превышает таковой риск у женщин⁷.

Выше уже говорилось о сложностях получения пользователями от государственных органов Беларуси информации о состоянии общей смертности в эти кризисные времена. Но, являясь частью международного статистического сообщества, белорусские статистики эту информацию предоставляют в соответствующую демографическую структуру ООН, что позволяет увидеть реальную ситуацию со смертностью в Беларуси на фоне коронавирусной пандемии (см. табл. 3).

Таблица 3.

**Общие показатели месячной смертности
в Республике Беларусь в 2016–2020 гг. (человек)⁸**

Table 3.

Total monthly mortality rates in the Republic of Belarus in 2016-2020 (people)

Годы	2016	2017	2018	2019	2020
Январь	11 322	11 978	10 659	11 904	10 725
Февраль	9 764	10 188	9 391	10 115	9 622
Март	10 260	10 205	12 080	10 206	10 690
I квартал	31 346	32 371	32 130	32 225	31 037
Апрель	9 817	9 793	10 825	10 343	10 886
Май	10 453	10 142	9 940	10 657	11 966
Июнь	9 629	9 304	9 036	9 263	13 016
II квартал	29 899	29 239	29 801	30 263	35 868
I полугодие	61 245	61 610	61 931	62 488	66 905
Июль	9 377	9 272	9 525	9 989	
Август	9 134	9 134	9 215	9 065	
Сентябрь	9 073	9 233	9 249	9 113	
III квартал	27 584	27 639	27 989	28 167	
Октябрь	10 364	10 629	10 256	10 519	
Ноябрь	9 969	9 309	9 545	9 374	
Декабрь	10 207	9 916	10 326	10 365	
IV квартал	30 540	29 854	30 127	30 258	
II полугодие	58 124	57 493	58 116	58 425	73 095*
Всего	119 369	119 103	120 047	120 913	140 000*

Источник: UN Data⁹.

* Расчетные данные автора.

⁷ Мировые новости // Демоскоп Weekly. Демографический электронный журнал. № 883–884. 21–31.12.2020. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0883/mir01.php#17> (дата обращения: 03.01.2021).

⁸ Примечание. Данные об общей смертности по Республике Беларусь этой таблицы составлены и суммированы на основе материалов ООН и в отличие от показателей таблицы 2, основанных на материалах Белстата; в некоторых периодах они не всегда совпадают (2016 г. – на 10 чел., 2017 г. на 208 чел., 2018 г. – на 6 чел., 2019 г. – на 443 чел. и за 1-й квартал 2020 г. – на 2 чел.). Однако в целом на общие тенденции они существенно не влияют.

⁹ Deaths by month of death in Belarus // UN Data [site]. URL: <http://data.un.org/Data.aspx?d=POP&f=tableCode%3a65> (accessed on 03.01.2021).

Анализ этой информации показывает, что самые высокие показатели смертности выпадают на первые (зимние и весенние) кварталы, наименьшие – на третьи (летние). Уровень смертности в первом квартале 2020 г. по сравнению с соответствующими периодами последних пяти лет оказался самым низким. Так, общее число умерших по сравнению с первым кварталом 2019 г. снизилось на 3,7%.

Важной характеристикой смертности является и ее сезонность, тенденцию которой в 2020 г. из-за прекращения Белстатом публикаций проследить не удавалось. Однако данные ООН показывают, что самые высокие уровни смертности выпадают на поздние осенние, зимние и ранние весенние месяцы, а наименьшие – на летние месяцы. Интересно, что на сезонные периоды с высокими показателями смертности приходятся церковные праздники, роль которых в смертности населения отмечал еще в середине XVIII в. М. В. Ломоносов. В своем письме «О размножении и сохранении российского народа» в качестве фактора повышенной смертности он отмечал посты, которые приходятся на период, «когда все скверности, накопленные от человеков и от других животных, бывших во всю зиму заключенными от морозов, вдруг освобождаются и наполняют воздух, мешаются с водою и нам [...] во все строение жизненных членов человеческого тела вливаются, рождают болезни в здоровых, умножают оные в больных и смерть [...]». Неоспоримое есть дело, что неравное течение жизни и крутопеременное питание тела не только вредно человеку, но и смертоносно, так что строгих постников, притом усердных и ревностных праздниколюбцев, самоубийцами почесть можно» [Ломоносов, 1950: 606].

Хотя фактор сезонности смертей ныне и в эпоху М. В. Ломоносова, вероятно, обусловлен различными обстоятельствами, но тем не менее, он очевиден. Так, на фоне общей смертности за сорокалетний период во всех июньских месяцах за период с 1980 г. зафиксировано уменьшение смертности по сравнению с показателями майских месяцев. Но в июне 2020 г. она выросла на 1 050 случаев. Вообще в июне 2020 г. зафиксирована громаднейшая величина смертности для данных месяцев за сорокалетний период – на 1 700 случаев больше, чем в июне 1999 г., когда фиксировались наибольшие за тот период значения.

Сравнимые показатели ООН по смертности в Беларуси отражают негативную ситуацию в этой сфере в первом полугодии в целом, и в особенности – во втором квартале 2020 г. Так, за пятилетие 2016–2020 гг. увеличение общей смертности в первом полугодии 2017 г. по сравнению с тем же периодом 2016 г. составило 1,1% (665 случаев) и соответственно: в 2018 г. по сравнению с 2017 г. – 0,5% (321 случай), в 2019 г. по сравнению с 2018 г. – 0,9% (587 случай). В первом полугодии 2020 г. прирост общей смертности по отношению к уровню первого полугодия 2019 г. составил 7,1%, или 4 417 случаев. В 2016–2019 гг. во втором квартале по сравнению с первым кварталом зафиксировано снижение общей смертности – в среднем на 7,5%. Но в 2020 г. общая смертность во втором квартале выросла на 15,6% или на 4 821 случай, а в сравнении с общими показателями вторых кварталов 2016–2019 гг. – более чем на 20%. Помесячное увеличение общей смертности в 2020 г. к уровню 2019 г. составило в апреле 5,2% (543 случая), мае – 12,3% (1 389 случаев) и особенно существенно в июне – 49,5% (3 753 случая).

За первый квартал 2020 г., когда в Беларуси еще не было выявлено ни одного заболевания коронавирусом смертей от пневмонии было зафиксировано 254 случая¹⁰, но уже в следующем квартале от пневмонии, связанной с коронавирусом (по

¹⁰ Статистика – упрямый аргумент // Беларусь сегодня. Газета. 10.04.2020. URL: <https://www.sb.by/articles/statistika-upryamyu-argument.html> (дата обращения: 25.06.2020).

формулировке Минздрава «с рядом хронических заболеваний с выявленной коронавирусной инфекцией»), скончались 398 человек, а за третий квартал 2020 г. – 441 человек. Это значит, что поквартальный прирост избыточных смертей по отношению к первому кварталу по причине пневмонии составил соответственно 57,0% во втором квартале – 73,6%. Т. е., коронавирус как фактор развития пневмонии оказал существенное влияние на рост смертности по этой причине.

Преыдущие наибольшие показатели общей смертности приходились на зимний период конца 1990-х – начала 2000-х гг. В 2001–2005 гг. общая смертность в Беларуси превышала 140-тысячный рубеж. Если исходить, во-первых, из тенденции общей смертности за второй квартал текущего года, во-вторых, из сложившейся возрастной структуры населения страны и, в-третьих, из высоких показателей выявленных заболеваний COVID-19 с октября по декабрь 2020 г., то можно прогнозировать, что в целом уровень общей смертности в Республике Беларусь может или превзойти или приблизиться к самому высокому показателю, фиксировавшемуся в 2002 г., когда произошло 146 655 смертных случаев и когда численность населения страны была на 489 тыс. человек больше.

Такая ситуация позволяет сделать вывод, что по итогам 2020 г. смертность в Беларуси по оптимистическому (если в данном случае применима такая характеристика) сценарию может составить около 140 тыс., а по самому пессимистическому – оказаться на уровне 2002 г. (или даже превысить его), когда она превышала 146 тыс. человек. То есть, если в 2019 г. средняя ежедневная смертность по стране составила 331 человек, то по итогам 2020 г. она будет в пределах четырех сотен. Несмотря на отсутствие в статистике белорусского Минздрава и Белстата информации о масштабах смертности в 2020 г., этот наш вывод сделан на основе методологии Big Data, означающей использование большого многообразия данных – в частности, расчета показателей розничного товарооборота на душу населения в 2020 г. Этот косвенный расчет позволяет выявить, что за 2020 г. численность населения Беларуси сократилась более чем на 45 тыс. человек, т. е. такой величины сокращения численности населения страны ни в одном году периода 2000–2019 гг. не было зафиксировано. И в этом сокращении есть значительный вклад смертности.

Данные ООН об общей смертности по месяцам дают возможность определить влияние коронавируса на динамику показателей смертности населения Беларуси за второй квартал 2020 г. На наш взгляд, важными факторами роста смертности в стране оказались: во-первых, сама коронавирусная пандемия, во-вторых, увеличение доли пожилого населения, что видно из таблицы 4, и, в-третьих, латентные последствия коронавирусной пандемии, повлиявшей негативно на работу системы здравоохранения и возможности оказания помощи пациентам с другими заболеваниями. Так, по различным сообщениям, в период пандемии большая часть населения испытывала трудности с записью на прием к участковым врачам поликлиник.

Рост смертности на фоне различных тревожных сообщений о всяческих опасностях коронавирусной инфекции выглядит крайне тревожным, поэтому республиканские статистические службы прекратили публикацию в открытом доступе информации о процессах естественного движения населения. Вероятно, таким образом они пытались сдержать панические настроения среди населения, но этим самым оказали «медвежью услугу» органам государственной власти, поскольку лишили их возможности при принятии управленческих решений опираться на научно обоснованные данные.

ванные рекомендации, сделать которые для исследователей невозможно без полной и достоверной информационной базы.

Таблица 4.

**Возрастная структура среднегодовой численности населения
Беларуси за 2019 г. (человек)**

Table 4.

Age structure of the average annual population population of Belarus in 2019 (people)

Возраст (лет)	Численность	Возраст (лет)	Численность	Возраст (лет)	Численность
0–4	542 175	30–34	776 326	60–64	659 500
5–9	570 434	35–39	750 077	65–69	510 092
10–14	492 102	40–44	661 937	70–74	332 096
15–19	448 911	45–49	638 500	75–79	240 137
20–24	482 098	50–54	631 964	80–84	221 796
25–29	655 607	55–59	718 395	Более 80	153 790

Источник: Половозрастная структура среднегодовой численности населения по Республике Беларусь¹¹.

По многолетним данным, смертность с диагнозом «пневмония», по которому сейчас в основном и проходит статистика по коронавирусу, составляет примерно треть от всех смертей по причине болезней органов дыхания (в первых кварталах 2019 и 2020 гг. соответственно 38,4% и 44,0%). При этом отметим, что за 30-летний период в 1991–2016 гг. динамика смертности от болезней органов дыхания в Беларуси характеризуется тенденцией снижения – более чем в 4 раза. Но с 2017 г. смертность по причинам, связанным с болезнями органов дыхания, выросла более, чем на 28% (см. табл. 5).

Таблица 5.

**Динамика масштабов смертности, связанных с болезнями
органов дыхания населения за 1990–2019 гг. (человек)**

Table 5.

**Dynamics of mortality rates associated with respiratory diseases of the population for
1990-2019 (people)**

Годы	Умерло	Годы	Умерло	Годы	Умерло
1990	7 518	2000	6 686	2010	3 540
1991	6 807	2001	6 515	2011	3 117
1992	6 224	2002	6 352	2012	2 271
1993	7 103	2003	4 951	2013	2 138
1994	6 756	2004	5 056	2014	1 865
1995	6 776	2005	5 286	2015	1 871
1996	6 693	2006	5 126	2016	1 807
1997	7 024	2007	4 682	2017	1 893
1998	6 870	2008	4 028	2018	2 224
1999	7 244	2009	4 117	2019	2 375

Источники: Демографический ежегодник Республики Беларусь; Статистический ежегодник Республики Беларусь.

¹¹ Половозрастная структура среднегодовой численности населения по Республике Беларусь за 2019 год: Статистический бюллетень. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. – 92 с.

Следуя методологическим рекомендациям лауреата Нобелевской премии по экономике А. Сены – сравнивать тенденции трехлетних периодов, отметим, что рост смертности, связанной с болезнями органов дыхания в 2017–2019 гг. (еще в доковидный период) по отношению к 2014–2016 гг., составил 16,0%. На эту тенденцию роста количества смертей от болезней органов дыхания в 2020 г. наложился дополнительно коронавирус.

Говоря о смертности от COVID-19 разных возрастных групп на Западе, прежде всего обращают внимание на массовые смерти в домах престарелых. На наш взгляд, это связано с особенностями менталитета западноевропейского населения, у которого преобладает индивидуалистический тип поведения. В следствие таких культурных и психологических особенностей в странах Запада значительная часть пожилых людей заканчивает свои дни в таких пансионатах. В Беларуси с ее коллективистским национальным менталитетом большинство населения престарелого возраста живет в семьях, поэтому в Беларуси ситуация со смертностью пожилых людей от коронавирусной инфекции существенно отличается от тенденций, наблюдаемых на Западе. И все же в целом пожилые люди имеют более высокие риски летального исхода в случае заражения коронавирусом. Динамика же возрастной структуры населения Беларуси характеризуется в ближайшей перспективе тенденцией роста доли старших возрастных когорт, что объективно приведет к росту показателей смертности вне зависимости от эпидемиологической ситуации. К этому следует готовиться даже без пандемии. Соответственным образом следует адаптировать системы социального обеспечения и защиты, бытового обслуживания, здравоохранения, что требует также проведения дополнительных научных исследований по этой проблеме.

Интересно, что Беларусь еще 20 лет назад имела шанс на сегодняшний день оказаться в научном плане в авангарде борьбы с новым коронавирусом. Тогда, в начале 2000-х гг., один из ректоров Гомельского государственного медицинского университета, специалист в области вирусологии, хотел создать в вузе кафедру по юго-восточным вирусам, но не был поддержан вышестоящими органами. В сложившейся же на данный момент в стране и в мире сложной ситуации с COVID-19 особенно важной становится объективная информация, ее точный анализ, построение прогнозов и принятие на их основе наилучших решений, в том числе – и даже в первую очередь – в области демографического развития.

Заключение

Таким образом, распространение COVID-19 и его последствия в мире в целом и в Беларуси в частности связаны с рядом демографических факторов. Во-первых, это процесс урбанизации и рост агломераций, создающих «благоприятную» среду для распространения вирусных заболеваний. Во-вторых, главным фактором являются многообразные миграционные процессы. На межгосударственном уровне в распространении нового коронавируса значительную роль сыграли всевозможные потоки международной миграции. Во внутристрановом масштабе распространение заболевания связано с внутренней миграцией и, прежде всего, с трудовой миграцией от периферии к центру. В плане последствий для демографии COVID-19 влияет более всего на структуру причин смертности, увеличивая количество смертей от болезней органов дыхания. С другой стороны, на динамику смертности оказывают влияние изменения в возрастной структуре населения: увеличение доли населения старших возрастов в ближайшей перспективе само по себе будет вызывать рост показателей

смертности в Республике Беларусь, на что дополнительно теперь накладывается пандемическая составляющая. По мимо этого, смещение приоритетов в работе системы здравоохранения на борьбу с новой коронавирусной инфекцией негативно сказалось на качестве медицинского обслуживания в целом: стало невозможно оказывать в прежнем объеме помощь людям с другими заболеваниями, возникли проблемы с проведением плановых операций, население столкнулось с трудностями в получении доступа к услугам здравоохранения. Отдельно следует отметить, что сложившаяся ныне в Беларуси ситуация с закрытостью текущих основных демографических показателей в целом по стране и по регионам в отдельности является недопустимой. В социально-политическом плане она способствует распространению слухов, домыслов и недостоверных сведений из сомнительных источников. В научном плане она может привести к ошибочным выводам и результатам исследований, а значит, к неверным управленческим решениям, принятым органами власти на основе рекомендаций академического сообщества.

Список литературы

Боброва А. Г. Методика оценки экономических потерь, вызванных преждевременной смертностью населения Республики Беларусь // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. 2013. № 10. С. 43–49.

Боброва А. Г. Современные тенденции смертности населения в Беларуси // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. 2012. № 3. С. 24–33.

Боккаччо Дж. Декамерон. – М.: МП «ФИРМА АРТ», 1992. – 461 с.

Де Роберти Е. В. Новая постановка основных вопросов социологии; Избранные труды / Е. В. де Роберти; отв. ред. А. О. Бороноев. – СПб.: Алетейя, 2008. – 473 с.

Злотников А. Г. Пандемия COVID-19 в Беларуси: демографическое отражение // Наука и инновации, 2021, № 1. С. 70–75.

Кулак А. Г. Оценка динамики ожидаемой продолжительности жизни населения // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2012. № 5. С. 49–57.

Ломоносов М. В. Избранные философские произведения. – М.: Госполитиздат, 1950. – 759 с.

Привалова Н. Н. Демографические проблемы и пути их решения: ожидаемая продолжительность жизни населения Беларуси // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. 2021. № 1. С. 21–30.

Рыбаковский Л. Л. История и теория миграции. Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. – М.: Издательство «Экон-информ», 2017. – 234 с.

Рыбаковский Л. Л., Кожевникова Н. И. Региональная дифференциация результативности демографических процессов // Социально-трудовые исследования. Научно-практический журнал. 2020, № (40) 3. С. 8–17.

Станишевская Л. С. Демографическая ситуация в Республике Беларусь и эффективность мероприятий по ее улучшению // Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. 2018. № 9. С. 16–23.

Топилин А. В. О системном подходе к изучению международных миграционных процессов // ДЕМИС Демографические исследования. 2020 № 1 (1). С. 9–17.

Сведения об авторе:

Злотников Анатолий Геннадьевич, кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры права и экономических теорий Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, Гомель, Беларусь.

Контактная информация: e-mail: zlot@tut.by; ORCID ID: 0000-0002-8182-4970.

Благодарности и финансирование:

Выполнено по гранту БРФФИ-РФФИ Г20Р-054 «Оценка и алгоритм использования резервов воспроизводства и миграции населения для сохранения демографического роста в Союзном государстве – Россия и Беларусь».

Статья поступила в редакцию 31.01.2021; принята в печать 08.04.2021.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MORTALITY IN BELARUS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Anatoly G. Zlotnikov

Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperation, Gomel, Belarus.

E-mail: zlot@tut.by

For citation: Anatoly G. Zlotnikov. Mortality in Belarus during the COVID-19 pandemic. DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 28–46. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.2

Abstract. *The author analyzes the influence of demographic factors on the spread of the coronavirus pandemic. The basis of the analysis is the use of the Big Data methodology. The influence and consequences of urbanization, migration, demographic structure, and information sources on the state and prospects of mortality are considered. The article provides an analysis of the state of mortality processes in the Republic of Belarus for the period 1990-2019, and shows the influence of the coronavirus pandemic on the state of mortality processes and demographic losses in the Republic of Belarus in 2020. The association of the spread of COVID-19, migration and its consequences with the process of urbanization and the growth of agglomerations is revealed. The article formulates the position on the dominance of various types of migration in the spread of viral diseases. Various types of international migration are the carriers of the covid pandemic. The article describes the relationship of the Belarusian labor migration to the spread of the COVID-19 pandemic in the country. Within the country, the carriers of the virus and the magnitude of the incidence are associated with the pendulum and, above all, with labor migration. The article presents comparable information on the spread of the COVID-19 pandemic in the Republic of Belarus in comparison with the countries bordering it – Russia, Ukraine, Poland, Lithuania and Latvia. The article substantiates the position on the influence of changes in the age structure of the population on the dynamics of total mortality. The influence of the coronavirus pandemic on the structure of causes of death was studied. The obvious and latent consequences of the coronavirus pandemic on demographic processes and their underlying factors are revealed. The conclusion is made about the trends and the state of total mortality in Belarus in the future.*

Key words. *pandemic, coronavirus, pneumonia, demographics, mortality, urbanization, migration, age structure.*

References:

- Bobrova A. G. Metodika otsenki ekonomicheskikh poter', vyzvannykh prezhdvremennoy smertnost'yu naseleniya Respubliki Belarus' [Methodology for assessing economic losses caused by premature mortality of the population of the Republic of Belarus]. *Economic Bulletin of the Scientific Research Institute of Economics of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus*. 2013. No. 10. P. 43–49. (In Russ.)
- Bobrova A. G. Sovremennyye tendentsii smertnosti naseleniya v Belarusi [Modern trends in mortality in Belarus]. *Economic Bulletin of the Research Economic Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus*. 2012. No. 3. P. 24–33. (In Russ.)
- Boccaccio J. *Decameron*. Moscow: MP "FIRMA ART". 1992. 464 p. (In Russ.)
- De Roberti E. V. *Novaya postanovka osnovnykh voprosov sotsiologii; Izbrannyye trudy* [A new formulation of the basic questions of sociology; Selected Works] / E. V. de Roberti; ed. by A. O. Boronoev. St. Petersburg: Aleteia, 2008. 473 p. (In Russ.)
- Kulak A. G. Otsenka dinamiki ozhidayemoy prodolzhitel'nosti zhizni naseleniya [Assessment of the dynamics of life expectancy of the population]. *Bulletin of the Belarus State Economic University*. 2012. No. 5. P. 49–57. (In Russ.)
- Lomonosov M. V. *Izbrannyye filosofskiyе proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow: Gospolitizdat, 1950. 759 p. (In Russ.)
- Privalova N. N. Demograficheskiye problemy i puti ikh resheniya: ozhidayemaya prodolzhitel'nost' zhizni naseleniya Belarusi [Demographic problems and ways to solve them: life expectancy of the population of Belarus]. *Economic Bulletin of the Research Economic Institute of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus*. 2021. No. 1. P. 21–30. (In Russ.)
- Rybakovskiy L. L. *Istoriya i teoriya migratsii*. Kn. 2: Migratsiya naseleniya: yavleniye, ponyatiye, determinant [History and theory of migration. Book. 2: Population migration: phenomenon, concept, determinants]. Moscow: Publishing House "Econ-inform", 2017. 234 p. (In Russ.)

Rybakovskiy L. L., Kozhevnikova N. I. Regional differentiation of efficiency of demographic processes. *Social and labor research*. 2020. No. (40) 3. P. 8–17. (In Russ.)

Stanishevskaya L. S. Demograficheskaya situatsiya v Respublike Belarus' i effektivnost' meropriyatiy po yeye uluchsheniyu [Demographic situation in the Republic of Belarus and the effectiveness of measures to improve it]. *Economic Bulletin of the Scientific Research Institute of Economics of the Ministry of Economy of the Republic of Belarus*. 2018. No. 9. P. 16–23. (In Russ.)

Topilin A. V. On a systematic approach to the study of international migration processes. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No 1. P. 17–30. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.2. (In Russ.)

Zlotnikov A. G. COVID-19 pandemic in Belarus: demographic reflection. *Science and Innovation*. 2021. No. 1. P. 70–75. (In Russ.)

Bio note:

Anatoly G. Zlotnikov, Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Law and Economic Theory, Belarusian Trade-Economic University of Consumer Cooperation, Gomel, Belarus.

Contact information: e-mail: zlot@tut.by; ORCID ID: 0000-0002-8182-4970.

Acknowledgements and financing:

The article was prepared under the grant BRFFR-RFBR G20R-054 “Assessment and algorithm for using the reserves of reproduction and migration of the population to maintain demographic growth in the Union State of Russia and Belarus”.

Received on 31.01.2021; accepted for publication on 08.04.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ПРОБЛЕМЫ МОЛДАВСКИХ МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Оставная А. Н.

*Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,
Тирасполь, Приднестровье.*

E-mail: alaost@rambler.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.3

Для цитирования: Оставная А. Н. Проблемы молдавских мигрантов в условиях пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 47–56. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.3

Аннотация. Миграционный процесс сопряжен с большим риском для здоровья. Факторами уязвимости здоровья мигрантов являются сложность миграционного пути; плохие условия жизни и труда; ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию; языковые и культурные барьеры при взаимодействии с поставщиками медицинских услуг и др. Пандемия COVID 19 вызвала новые уязвимости мигрантов в сфере здравоохранения. Совокупность политико-правовых, экономических и социокультурных факторов создают уязвимости для мигрантов и повышают вероятность заражения COVID 19; отсутствия доступа к надлежащему уходу; возникновения серьезных симптомов; плохого психосоциального воздействия; отсутствия доходов и средств к существованию. Содержание настоящего исследования основано на анализе библиографических источников по теме здоровья мигрантов в условиях пандемии COVID-19; вторичном анализе результатов исследований молдавских мигрантов за рубежом; анализе статистической информации о состоянии заболеваемости COVID-19 на территории Республики Молдовы; анализе публикаций по теме молдавских мигрантов в условиях пандемии COVID-19 в СМИ; анализе комментариев в онлайн-группах молдавской диаспоры за рубежом. Правовой статус молдавских мигрантов в стране назначения, их сфера деятельности, тип заключенного трудового договора, а также политика защиты стран приема мигрантов стали факторами уязвимости молдавских мигрантов за рубежом в условиях пандемии COVID-19. При возвращении на родину молдавские мигранты столкнулись с рядом проблем и стали объектом острой критики и стигматизации со стороны своих же соотечественников. Неспособность руководства страны справиться с возникшими проблемами вызвала острую реакцию в рядах молдавских граждан за рубежом и способствовала беспрецедентной явке молдавской диаспоры на президентских выборах в ноябре 2020 г. Победа прозападного кандидата Майи Санду стала возможной благодаря поддержке диаспоры, которая составила 1/4 всего электората избранного президента. Исследование показало, что в условиях пандемии COVID-19 международные мигранты стали социальной проблемой как для стран приема, так и для стран-доноров. Своевременная политика комплексных мер поддержки здоровья мигрантов и их социальной защиты может стать решающим фактором эффективного сдерживания распространения COVID-19 и минимизации масштабов чрезвычайной ситуации и социальной напряженности как в странах приема, так и в странах-донорах мигрантов.

Ключевые слова: молдавские мигранты, здоровье мигрантов, уязвимость мигрантов, стигматизация мигрантов, COVID-19, «красная зона», политическая активность, диаспоры.

Введение

Здоровье мигрантов на протяжении многих лет находится в фокусе внимания международных организаций, правительств стран приема и стран-доноров мигрантов. В ежегодных отчетах Международной организации по миграции (МОМ) отмечается, что данный процесс сам по себе сопряжен с большим риском для здоровья. Факторами уязвимости здоровья мигрантов являются:

- сложность миграционного пути;
- плохие условия жизни и труда;
- ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию;
- языковые и культурные барьеры при взаимодействии с поставщиками медицинских услуг и др. [World..., 2019: 209].

Пандемия COVID-19 вызвала новые уязвимости мигрантов в сфере здравоохранения. Актуальность настоящего исследования связана с необходимостью изучения проблем молдавских мигрантов в условиях пандемии COVID-19 за рубежом и при

возвращении на родину. Значимость обращения к теме положения молдавских мигрантов в условиях пандемии COVID-19 выходит за пределы их интересов, затрагивая внутреннюю и внешнюю политику всей страны.

Материалы и методы

Содержание настоящего исследования основано на:

- 1) анализе библиографических источников по теме здоровья мигрантов в условиях пандемии COVID-19;
- 2) вторичном анализе результатов исследований молдавских мигрантов за рубежом «Картографирование молдавской диаспоры в Италии, Португалии, Франции и Великобритании» [Cheianu-Andrei, 2013], «Картографирование молдавской диаспоры в Германии, Великобритании, Израиле, Италии, Португалии и России» [Mosneaga, 2017] и «Экспресс-оценка Международной организации по миграции воздействия COVID-19 на благосостояние молдавской диаспоры: база фактических данных о стратегиях выживания мигрантов и их вкладе», проведенного, Миссией МОМ в Молдове [IOM rapid field assessment..., 2020];
- 3) анализе статистической информации о состоянии заболеваемости COVID-19 на территории Республики Молдовы;
- 4) анализе публикаций по теме молдавских мигрантов в условиях пандемии COVID-19 в популярном молдавском издании «Комсомольская правда в Молдове»;
- 5) анализе комментариев в онлайн-группах молдавской диаспоры за рубежом.

Обзор литературы

Многие исследователи пандемии COVID-19 отмечают ключевую роль туризма и миграции в стремительном распространении вируса на глобальном уровне. По оценке З. Д. Бергер и др. перемещения мигрантов являются фундаментальной демографической, социальной, культурной и экономической проблемой, формирующей местные условия, на которые влияет пандемия [Berger et al., 2000]. Исследования М. Биванд Эрдал и др. демонстрируют непропорциональное воздействие на мигрантов пандемии COVID-19. [Erdal et al., 2020] По оценке А. Лиём и др., различные аспекты статуса мигрантов создали дополнительные уязвимости мигрантов в условиях пандемии COVID-19. Это условия жизни и работы мигрантов, отсутствие учета культурного и языкового разнообразия мигрантов в предоставлении услуг, ксенофобия, ограниченная осведомленность о местном сообществе, недоступность некоторых прав и услуг, низкий уровень интеграции в принимающем обществе [Liem et al., 2020]. В этом контексте Д. Сандерсон и Н. Собецкий указывают на сложности соблюдения мигрантами социального дистанцирования и правил гигиены [Sanderson, 2020; Sobecki, 2020]. Н. Киньянджуй обращает внимание на внезапную потерю дохода мигрантами. [Kinyanjui, 2020]

Л. Гуаданьо составил классификацию уязвимостей мигрантов в условиях COVID-19 (см. табл. 1). Из нее следует, что совокупность политических, правовых, экономических, социальных и культурных факторов создает уязвимости для мигрантов и повышает вероятность:

- заражения COVID-19;
- отсутствия доступа к надлежащему уходу;
- возникновения серьезных симптомов и осложнений;
- плохого психосоциального воздействия;
- отсутствия доходов и средств к существованию.

Таблица 1.

Анализ уязвимости мигрантов в условиях COVID-19

Table 1.

Analysis of the migrants' vulnerability in the context of COVID-19

Условие уязвимости	Повышенная вероятность
Ограниченная осведомленность о рекомендуемых профилактических мерах, в том числе из-за языковых барьеров	Заражение COVID-19
Неспособность соблюдать социальную дистанцию в многолюдных домах	
Опора на общественный транспорт	
Занятость в профессиях с близким контактом с людьми	
Ограниченный доступ к основным предметам гигиены	
Ограниченные средства индивидуальной защиты на рабочем месте	
Отсутствие права на медицинское обслуживание и приоритета при предоставлении услуг	Отсутствие доступа к надлежащему уходу
Отсутствие доступа к объектам инфраструктуры	
Ограниченная осведомленность о вариантах или праве на получение медицинской помощи	
Языковые барьеры, мешающие общению с поставщиками услуг	
Нежелание обращаться за помощью из-за страха ареста или стигматизации	
Существующие легочные (респираторные) проблемы, связанные с поездками и условиями жизни	Возникновение серьезных симптомов и осложнений
Физическое истощение	
Невозможность получить своевременную помощь	
Ограниченное жилое и бытовое пространство во время изоляции	
Изоляция и неспособность общаться	Плохое психосоциальное воздействие
Препятствия для правильного захоронения умерших	
Беспокойство, связанное с ограничениями передвижения, потенциальным арестом или вероятностью стать жертвой ксенофобских действий	
Прекращение предоставления базовой помощи и услуг по интеграции	Отсутствие доходов и средств к существованию
Потеря ненадежной, незащищенной работы	
Отсутствие включения в схему поддержки доходов COVID-19, программы предоставления жилья или субсидий и льгот на аренду	
Неспособность поддерживать статус регулярной миграции	

Источник: Guadagno, 2020.

Результаты

Республика Молдова – одна из стран-доноров мигрантов. Согласно информации «Расширенного миграционного профиля», в 2018 г. в качестве временных мигрантов из Республики Молдова за рубежом находились порядка 350 тыс. молдавских граждан. По разным оценкам, на сегодняшний день за рубежом проживают порядка 1 млн граждан Республики Молдова, при том, что все население на начало 2020 г. составляли 2,6 млн человек. Из официальных источников известно, что в 2018 г. 41,9% молдавских граждан за рубежом находились в России, 23,5% – в Италии, 7,2% – в США, 3,2% – на Украине, 3,1% – в Канаде, 21,1% – в других странах [Vremiş et al., 2019]. Особенности молдавской миграции повлияли на уязвимость молдавских мигрантов за рубежом.

Вторичный анализ результатов картографирования молдавских мигрантов за рубежом в разные годы (до пандемии COVID-19) выявил несколько закономерностей миграционного поведения граждан Молдовы, которые негативным образом повлия-

ли на их положение стране приема в условиях пандемии.

Во-первых, исследования В. Мошняги показали, что в 2017 г. в целом 24,2% молдавских мигрантов не имели разрешения на проживание в стране назначения, 14,4% – не имели разрешения на работу в стране миграции, 80,5% – не имели гражданства страны пребывания, 10,6% – не были трудоустроены, 44,9% – работали свыше 49 часов в неделю, 47,0% – трудились на низкоквалифицированной работе (в Италии – 54,0%). Большинство молдавских мигрантов в Италии работают в секторах оказания услуг, которые больше всего затронуты COVID-19 (уход за престарелыми, гостиничный бизнес) [Mosneaga, 2017].

Во-вторых, с точки зрения здравоохранения молдавские мигранты наиболее уязвимы на территории Италии – первой из европейских стран, которая столкнулась с кризисом системы здравоохранения в начале пандемии COVID-19. В исследовании Д. Кеяну-Андреи 2013 г. 21,3% молдавских мигрантов указали, что у них нет возможности получить доступ к медицинским услугам. Причины недоступности медицинских услуг были названы следующие: нехватка денег, слишком дорогие медицинские услуги [Cheianu-Andrei, 2013: 60]. Исследования В. Мошняги показали, что в 2017 г. в целом 10,3–22,5% молдавских мигрантов предпочитают получать медицинские услуги по возвращении на родину [Mosneaga, 2017: 152].

В 2016 г. Правительство Республики Молдова приняло национальную стратегию «Диаспора 2025». Ее цель – развитие устойчивых и всеобъемлющих рамок сотрудничества между государственными учреждениями и диаспорой, основанных на доверии и общих инициативах, касающихся облегчения возможностей эффективного возвращения диаспоры. Одна из четырех стратегических задач Стратегии – «обеспечение прав диаспоры и усиление доверия» – направлена на «защиту и поддержку членов диаспоры в случае кризисных ситуаций», «обеспечение соблюдения прав в области труда и социальной защиты трудовых мигрантов в странах назначения». Ответственными за реализацию этих задач являются Министерство иностранных дел и европейской интеграции, Министерство труда, социальной защиты и семьи, Национальная касса социального страхования. Государственная канцелярия (Бюро по связям с диаспорой)¹.

Партнерства Республики Молдова со странами приема мигрантов призваны стать значимым инструментом обеспечения социальных прав и социальной защиты молдавских мигрантов за рубежом. К концу 2019 г. Республика Молдова подписала 14 двусторонних соглашений в области социального обеспечения граждан за рубежом с такими странами как: Румыния, Португалия, Болгария, Люксембург, Австрия, Эстония, Чешская Республика, Польша, Венгрия, Бельгия, Литва, Германия, Турция и Беларусь. Кроме того, продолжают действовать соглашения в области обеспечения социальных прав мигрантов на основе принципа территориальности с некоторыми странами СНГ: Россией, Украиной, Узбекистаном и Азербайджаном. Пять соглашений находятся в процессе переговоров: с Италией, Россией, Испанией, Грецией и Эстонией [Toarta, 2020].

Согласно исследованию 2020 г., несмотря на имеющиеся у Республики Молдова соглашения в области обеспечения социальных прав и социальной защиты молдавских мигрантов за рубежом, у большинства молдавских трудовых мигрантов от-

¹ Национальная стратегия «Диаспора-2025». Утверждено: Постановление Правительства Республики Молдова № 200 от 26.02.2016. Опубликован: 04.03.2016 в Monitorul Oficial № 49-54 / статья № 230. 118 с.

сутствует доступ к механизмам социальной защиты в странах-партнерах. Основная причина такого положения дел – нелегальное трудоустройство за рубежом [Toarta, 2020].

В условиях пандемии COVID 19 повысилась уязвимость молдавских мигрантов за рубежом. Представительство Международной организации по миграции в Молдове в апреле–мае 2020 г. провело экспресс-мониторинг воздействия COVID-19 на благосостояние молдавских мигрантов за рубежом. Были опрошены 1 186 респондентов, проведены интервью с 59 мигрантами и лидерами молдавской диаспоры за рубежом. Согласно результатам исследования:

- 83% респондентов указали, что пандемия затронула их напрямую; 47% молдавских мигрантов в период пандемии потеряли работу или их работа была приостановлена;

- 26% молдавских мигрантов потеряли доходы; у 62% снизились доходы;

- 16% респондентов, оставшихся без источников дохода, указали, что им не к кому обратиться за помощью, и что они находятся на грани выживания; 23% респондентов указали, что им не хватает денег для покрытия расходов по ипотеке или аренде жилья;

- 57% молдавских мигрантов не получили какой-либо компенсации или пособия по безработице [IOM rapid field assessment..., 2020].

Из мониторинга групп молдавской диаспоры в социальной сети Фейсбук известно, что в период первой волны пандемии имели место следующие случаи:

- молдавские мигранты, находящиеся за рубежом нелегально и имеющие симптомы COVID-19, занимались самолечением и не обращались за медицинской помощью из страха депортации из страны;

- молдавские мигранты, зараженные COVID-19 и госпитализированные за рубежом, при отсутствии медицинского полиса сбежали из больниц из страха оплаты больших сумм за медицинское обслуживание²;

- молдавские легальные мигранты из-за слабой языковой интеграции и низкой осведомленности о своих правах в условиях кризиса имели сложности в получении государственной поддержки во время пандемии;

- молдавские нелегальные мигранты в Италии, трудящиеся в сфере домашних услуг для престарелых, в случае смерти клиентов в разгар повсеместных ограничений, связанных с пандемией, оказывались без жилья и доходов³;

- молдавские мигранты, находящиеся за рубежом на основании паспортов зарубежных стран, столкнулись с проблемой выезда из стран миграции и въезда на территорию Республики Молдова⁴;

- молдавские мигранты при наличии возможности во время пандемии вернуться на родину оставались за рубежом из страха закрытия границ и невозможности вернуться обратно, а также из опасения потерять доходы и невозможности распла-

² Новые подробности: Молдаванка, прилетевшая из Милана в Кишинев с коронавирусом, сбежала из итальянской больницы еще 4 марта // «Комсомольская правда» в Молдове. Газета. 08.03.2020. URL: <https://www.kp.md/daily/27101/4175165> (дата обращения: 10.02.2021).

³ Молдаване в закрытой Италии: Жизнь на карантине замерла, почти всех уволили за свой счет, мы едем домой! // «Комсомольская правда» в Молдове. Газета. 10.03.2020. URL: <https://www.kp.md/daily/27101/4175595> (дата обращения: 10.02.2021).

⁴ «Лечу из Москвы в Кишинев последним рейсом»: В аэропорту истерика и рыдания тех, кого не пускают на рейс – нет молдавских паспортов // «Комсомольская правда» в Молдове. Газета. 16.03.2020. URL: <https://www.kp.md/daily/27104/4178898> (дата обращения: 10.02.2021).

тяться с долгами за кредитование миграционных контрактов со стороны агентств по трудоустройству (в частности, такая проблема характеризует молдавских мигрантов, трудоустроенных по контракту в Израиле).

Таким образом, уязвимость молдавских мигрантов за рубежом в условиях пандемии COVID-19 обусловлена такими факторами, как:

- 1) правовой статус в стране назначения;
- 2) сфера деятельности;
- 3) тип трудового договора, заключенного с работодателем до пандемии;
- 4) политика защиты, осуществляемой принимающей страной, и включения мигрантов в число бенефициаров этой политики, а также чрезмерные бюрократические процедуры для доступа к государственной поддержке во время кризиса и т.д.

Опыт молдавских мигрантов показал, что их уязвимости в условиях пандемии COVID-19 создают трудности как для стран приема мигрантов, так и для стран-доноров мигрантов.

С начала пандемии молдавские мигранты массово стали возвращаться на родину. До 15 марта 2020 г., когда в Республике Молдова была объявлена чрезвычайная ситуация, а в большинстве стран введены ограничения по пересечению государственной границы, в страну вернулись порядка 55 тыс. молдавских мигрантов. Первые очаги заражения COVID-19 были связаны с мигрантами. Призывы переждать острую фазу пандемии за рубежом и не возвращаться на родину звучали от руководства страны, прессы, лидеров мнений (в том числе из диаспоры)^{5, 6}.

В 2020 г. в период пандемии Республика Молдова на долгие месяцы была отнесена к «красной зоне» опасности заражения COVID-19. Многие страны ввели запрет на въезд молдавских граждан на их территорию. К 1 января 2021 г. на территории Молдовы (включая Приднестровье) было зарегистрировано 145 258 больных COVID-19. Из них скончались 3 004 человека. До 1% больных COVID-19 приехали из-за рубежа. 99,2% больных заразились на территории Республики Молдова⁷.

Из прессы и данных мониторинга социальных сетей известно, что молдавские мигранты при возвращении на родину использовали различные средства для подавления симптомов COVID-19 для прохождения эпидемиологических кордонов на вокзалах, в аэропортах, тем самым создавая угрозу заражения других пассажиров⁸, а затем и близких по месту жительства⁹.

⁵ Президент Молдовы обратился к тем, кто живет за границей: Не рискуйте отправляться на Пасху домой – можете встретить ее в карантинных зонах на границах // «Комсомольская правда» в Молдове. Газета. 13.03.2020. URL: <https://www.kp.md/daily/27104.7/4177581> (дата обращения: 10.02.2021).

⁶ Обращение к мигрантам, которые едут из Европы в Молдову: Хватит с нас ваших пьянок – бегом на карантин, из-за вашего коронавируса умрут родные и друзья // «Комсомольская правда» в Молдове. Газета. 24.03.2020. URL: <https://www.kp.md/daily/27108/4183987> (дата обращения: 10.02.2021).

⁷ COVID-19 в Республике Молдова: текущая ситуация. Министерство здравоохранения, труда и социальной защиты Республики Молдова [сайт]. URL: <http://gismoldova.maps.arcgis.com/apps/opsdashboard/index.html#/b8a5ead53f214b649ac4ec45e4b4c65f> (дата обращения: 10.02.2021).

⁸ «Эмоции убили логику»: Молдаванка, заболевшая коронавирусом в Италии и понявшая, что умирает, инстинктивно рвалась домой – к родным и близким // «Комсомольская правда» в Молдове. Газета. 08.03.2020. URL: <https://www.kp.md/daily/27101/4175286> (дата обращения: 10.02.2021).

⁹ Вот тебе и Ла мулць ань: Житель Молдовы «привез» из Франции коронавирус и закатил шумную вечеринку на 25 человек – теперь все в больнице // «Комсомольская правда» в Молдове. Газета. 22.03.2020. URL: <https://www.kp.md/daily/27107.5/4182310> (дата обращения: 10.02.2021).

По возвращении в Республику Молдова некоторые мигранты при прохождении пограничного контроля с целью несоблюдения двухнедельного карантина сообщали о себе недостоверные данные относительно места проживания и контактов, т. е., в случае болезни становились источником заражения для окружающих¹⁰.

В начале пандемии все эти случаи превратили молдавских мигрантов в объект острой критики со стороны местного населения Республики Молдова. В прессе, личных отношениях, в социальных сетях молдавские мигранты подверглись стигматизации со стороны своих же соотечественников. Порицанию подверглись не только факты безответственного поведения молдавских мигрантов при возвращении на родину в условиях распространения COVID-19¹¹, нежелание приобретать молдавскую медицинскую страховку¹², но и миграционный процесс в целом: отсутствие патриотизма, занятость за рубежом в низкоквалифицированных, непрестижных нишах, нагрузка на рынок труда и систему социальной защиты при возвращении на родину¹³, политическая активность молдавской диаспоры, проживающей в странах Запада, поддержка оппозиционных сил Республики Молдова.

В это время на повестке дня встали следующие вопросы обеспечения возвращения молдавских мигрантов на родину: организация чартерных рейсов в условиях отмены регулярных рейсов; помощь мигрантам, передвигавшимся наземным транспортом и застрявшим в пограничной зоне различных стран Европейского союза (Румынии, Польши, Венгрии); медицинское страхование молдавских мигрантов (въезд на территорию Республики Молдова был возможен только при условии приобретения медицинского полиса).

На общественное мнение дополнительно влияла политическая обстановка в стране. Дело в том, что в ноябре 2020 г. в Молдове прошли выборы Президента страны. Основными конкурентами избирательной кампании стали действующий Президент Игорь Додон и лидер Партии «Действие и солидарность» Майя Санду, которая в 2019 г. избралась депутатом в Парламент Республики Молдова по 50-му одномандатному избирательному округу к Западу от Республики Молдова. Особенностью прошедших выборов стала беспрецедентная избирательная активность граждан Республики Молдова, находящихся за рубежом. В первом туре голосования приняли участие 1 368 516 избирателей, из которых 104 605 (7,6%) проголосовали за рубежом. Во втором туре проголосовал 1 633 621 избиратель, из которых 263 177 избирателей (16,1%) посетили избирательные участки за пределами Республики Молдовы. Для сравнения, в президентской кампании 2016 г., где основными конкурентами также были Игорь Додон и Майя Санду, в первом туре проголосовали 1 418 518 избирателей, из которых 67 205 избирателей (4,7%) проголосовали за рубежом. Во втором туре проголосовали

¹⁰ Минус 15 врачей в Молдове: «Он приехал из Европы и, даже вызвав «скорую» и попав в больницу, не сказал никому об этом». Газета «Комсомольская правда» в Молдове // «Комсомольская правда» в Молдове. Газета. 25.03.2020. URL: <https://www.kp.md/daily/27109.4/4184192> (дата обращения: 10.02.2021).

¹¹ Жители Молдовы нашли «внешнего врага» - гастарбайтеров: из-за них мы на карантине, их надо полностью изолировать от нас! // «Комсомольская правда» в Молдове. Газета. 02.04.2020. URL: <https://www.kp.md/daily/27112.4/4189183> (дата обращения: 10.02.2021).

¹² Медполисы для диаспоры: почему столько шума в разгар эпидемии в Молдове? // «Комсомольская правда» в Молдове. Газета. 05.04.2020. URL: <https://www.kp.md/daily/27113.7/4190946> (дата обращения: 10.02.2021).

¹³ Жизнь после коронавируса: В Европе работы не будет еще долго, жителям Молдовы придется потесниться // «Комсомольская правда» в Молдове. Газета. 18.04.2020. URL: <https://www.kp.md/daily/27115/4195125> (дата обращения: 10.02.2021).

1 600 674 избирателя, из которых 138 720 избирателей (8,7%) посетили избирательные участки за пределами Республики Молдова.

В президентских выборах 2020 г. по итогам второго тура победила кандидат Майя Санду. Четверть ее электората (25,8%) составили избиратели, проголосовавшие на избирательных участках за границей Республики Молдова (см. рис. 1). Таким образом, голоса избирателей из диаспоры определили не только исход президентских выборов в Республике Молдова, но и, судя по приоритетам внешней политики И. Додона (пророссийские) и М. Санду (прозападные), прозападный геополитический вектор страны на ближайшие четыре года. Так, меры, принимаемые руководством страны в период пандемии и затронувшие в том числе представителей молдавской диаспоры, стали инструментом борьбы в электоральной кампании по выборам Президента Республики Молдова.

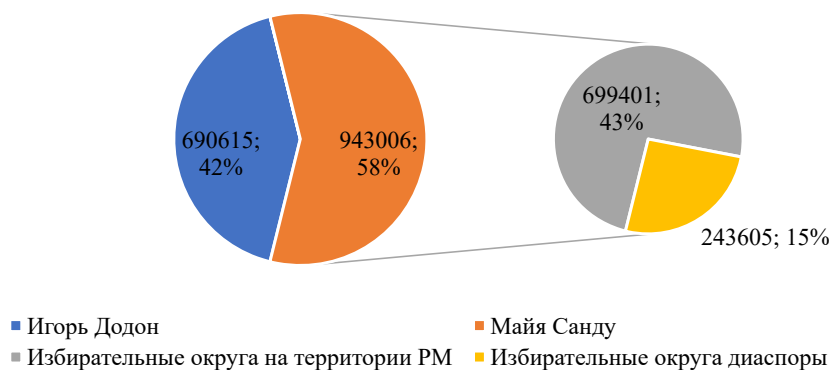


Рис. 1. Результаты президентских выборов 2020 г. в Республике Молдова. Второй тур¹⁴

Fig. 1. Results of the 2020 presidential elections in the Republic of Moldova. Second round

Проведенное исследование на примере молдавских мигрантов показывает, что в условиях пандемии COVID-19 международные мигранты стали социальной проблемой как для стран приема, так и для стран – доноров миграции. Таким образом, существует необходимость в проведении комплексных мер поддержки здоровья мигрантов и их социальной защиты в условиях пандемии как в части международного сотрудничества Республики Молдова в области обеспечения социальных прав и социальной защиты молдавских мигрантов за рубежом, так и развития услуг в данной сфере, предоставляемых молдавскими государственными структурами и диаспоральными организациями. Своевременная политика в этом направлении может стать решающим фактором эффективного сдерживания распространения COVID-19 и сокращения чрезвычайной ситуации и социальной напряженности как в странах приема, так и в странах – донорах мигрантов.

Список литературы

Berger Z. D., Evans N. G., Phelan A. L., Silverman R. D. Covid-19: control measures must be equitable and inclusive. *BMJ*, 2020. 368: m1141. DOI:10.1136/bmj.m1141.

Cheianu-Andrei D. Mapping of the Moldovan Diaspora in Italy, Portugal, France and the United

¹⁴ Rezultatele alegerilor prezidentiale din 2020. Alegeri.md [site]. 01.11.2020. URL: http://alegeri.md/w/Rezultatele_alegerilor_preziden%C8%9Biale_din_2020 (accessed on: 02.11.2020).

Kingdom. Geneva, Switzerland: International Organization for Migration, 2013. 140 p.

Erdal M. B., Aden H., Tellander E., Valland T. D., Sandvik K. B., Borchgrevink K. Migrants and COVID-19 in Norway: Five Reflections on Skewed Impacts. Beyond the COVID Curve, Migration. PRIO blogs. 6 April, 2020. [Electronic source]. Access mode: <https://blogs.prio.org/2020/04/migrants-and-covid-19-in-norway-five-reflections-on-skewed-impacts>.

Guadagno L. Migrants and the COVID-19 pandemic: An initial analysis. Migration Research Series No. 60. Geneva, Switzerland: International Organization for Migration, 2020. 25 p. ISBN: 978-92-9068-833-4.

IOM rapid field assessment of the impact of COVID-19 on the wellbeing of the Moldovan diaspora: an evidence base regarding migrants' coping strategies and contributions. Geneva, Switzerland: International Organization for Migration, 2020. 29 p.

Kinyanjui N. How the COVID-19 Pandemic Will Affect Informal Workers: Insights from Kenya. Political Economy. 2020. Vol. 3. [Electronic source]. Access mode: <https://perma.cc/EY95-2L8R>.

Liem A., Wang C., Wariyantti Y., Latkin C. A., Hall B. J. The neglected health of international migrant workers in the COVID-19 epidemic. The Lancet Psychiatry. 2020. Vol. 7, No. 4. P. e20. DOI: 10.1016/S2215-0366(20)30076-6.

Mosneaga V. Mapping Moldovan Diaspora in Germany, UK, Israel, Italy, Portugal and Russia. Geneva, Switzerland: International Organization for Migration, 2017. 212 p. ISBN: 978-9975-4469-6-9.

Sanderson D. Coronavirus: Having fled crisis before, displaced people living in Africa's cities are especially at risk. Sydney: Kaldor Centre for International Refugee Law, 2020. [Electronic source]. Access mode: <https://www.kaldorcentre.unsw.edu.au/publication/coronavirus-having-fled-crisis-displaced-people-living-africa%E2%80%99s-cities-are-especially>.

Sobecki N. In Nairobi, quarantine is a luxury few can afford. National Geographic. 2020. [Electronic source]. Access mode: <https://www.nationalgeographic.com/history/article/nairobi-coronavirus-quarantine-luxury-few-afford>.

Toarta V. Implementarea cadrului de M&E participativă a politicilor în domeniul Diasporei Migrației și Dezvoltării și a abordării integrate în acest sens. Chisinau: Cancelaria de Stat, Biroul Relații cu Diaspora. 2020. 85 p. [Electronic source]. Access mode: https://brd.gov.md/sites/default/files/document/attachments/raport_m_e_dmd_29.07.2020_def.pdf.

Vremiş M., Craievschi-Toartă V., Burdeinai E., Herm A., Polain M. Profilul Migrațional extins al Republicii Moldova 2014-2018: Raport analitic. Ministerul Afacerilor Interne al Republicii Moldova Biroul Migrație și Azil, 2019. 112 p. [Electronic source]. Access mode: http://bma.gov.md/sites/default/files/media/ra_pme_2014-2018_0.pdf.

World migration report 2020. Geneva, Switzerland: International Organization for Migration, 2019. 480 p. ISSN: 1561-5502.

Сведения об авторе:

Оставная Алла Николаевна, старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Социология» Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, Тирасполь (Приднестровье).

Контактная информация: e-mail: alaost@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-3011-6034; Web of Science Researcher ID: AAJ-8999-2020; РИНЦ Author ID: 851227.

Статья поступила в редакцию 11.01.2021; принята в печать 16.03.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

PROBLEMS OF MOLDOVAN MIGRANTS IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

Alla N. Ostavnaia

Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Pridnestrovie.

E-mail: alaost@rambler.ru

For citation: Alla N. Ostavnaia. Problems of Moldovan migrants in the context of the COVID-19 pandemic. DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 47–56. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.3

Abstract. *The migration process is associated with great health risks. The factors of health vulnerability of migrants are: the complexity of the migration route; poor living and working conditions; limited access to health care; linguistic and cultural barriers when interacting with healthcare providers, etc. The COVID 19 pandemic has created new health vulnerabilities for migrants. The combination of political, legal, economic and socio-cultural factors creates vulnerabilities for migrants and increases the likelihood of: being infected with COVID 19; lack of access to adequate care; the occurrence of serious symptoms; poor psychosocial impact; lack of income and livelihood. The content of this study is based on: analysis of bibliographic sources on the health of migrants in the context of the COVID-19 pandemic; secondary analysis of the results of studies of Moldovan migrants abroad; analysis of statistical information on the state of incidence of COVID-19 on the territory of the Republic of Moldova; analysis of publications on the topic of Moldovan migrants in the context of the COVID-19 pandemic in the media; analysis of comments in online groups of the Moldovan diaspora abroad. The legal status of Moldovan migrants in the country of destination, their field of activity, the type of employment contract concluded, as well as the policy of protecting the countries of destination of migrants have become factors of vulnerability of Moldovan migrants abroad in the context of the COVID 19 pandemic. When returning home, Moldovan migrants faced a number of problems and became an object sharp criticism, and stigmatization from their own compatriots. The inability of the country's leadership to cope with the problems that arose caused a sharp reaction in the ranks of Moldovan citizens abroad and contributed to an unprecedented turnout of the Moldovan diaspora in the presidential elections in November 2020. The victory of the pro-Western candidate Maia Sandu became possible thanks to the support of the diaspora, which made up ¼ of the entire electorate elected president. The study showed that in the context of the COVID-19 pandemic, international migrants have become a social problem for both receiving countries and donor countries. A timely policy of comprehensive measures to support the health of migrants and their social protection can be a decisive factor in effectively containing the spread of COVID-19 and reducing the emergency and social tensions in both receiving countries and countries that are donor migrants.*

Key words: *Moldovan migrants, health of migrants, vulnerability of migrants, stigmatization of migrants, COVID 19, "Red Zone"; political activity of the diaspora.*

Bio note:

Alla N. Ostavnaia, Senior Lecturer, Department of Sociology and Social Technologies, Research Fellow, Scientific Research Laboratory "Sociology", Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Pridnestrovie.

Contact information: e-mail: alaost@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-3011-6034; Web of Science Researcher ID: AAJ-8999-2020; RSCI Author ID: 851227.

Received on 11.01.2021; accepted for publication on 16.03.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЯ РЫНКА ТРУДА

РАЗВИТИЕ ВИРТУАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Глущенко Г. И.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

E-mail: gala@gluschenko.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.4

Для цитирования: Глущенко Г. И. Развитие виртуальной миграции в контексте цифровизации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 57–64. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.4

Аннотация. Мировые тенденции постоянного увеличения цифровой составляющей свидетельствуют о том, что происходит всё больший крен экономики в «виртуальную плоскость». Цифровые технологии, проникающие во все отрасли и сферы жизни, кардинально изменяют практически все существующие профессиональные сферы. Цифровизация не только коренным образом трансформирует трудовые отношения, но также требует и способствует развитию новых форм миграции. Возникает «транснациональное виртуальное пространство», в котором огромное количество данных пересекает национальные границы без физического перемещения работников. В условиях старения населения виртуальная миграция превращается в одно из важнейших условий динамичного развития цифровой экономики. Цель данной статьи состоит в исследовании алгоритмической организации труда, сочетающейся с гибкими трудовыми отношениями и способствующей включению мобильного труда в стратифицированный мировой рынок труда. Методом, используемым автором, является анализ основных трендов развития виртуальной миграции. Новизна исследования заключается в рассмотрении влияния цифровизации на трудовые отношения, а также на развитие новых форм мобильности.

Ключевые слова: цифровизация, глобализация, человеческий капитал, трудовые платформы, краудворкинг, алгоритмическая организация, виртуальная миграция, реконфигурация труда, онлайн трудовые платформы, эргономика.

Введение

Человеческий капитал является интенсивным фактором развития цифровой экономики. Под воздействием стремительно происходящей цифровизации изменяется характер труда. Эта трансформация не является чисто технической, но осуществляется в контексте политических, социальных и правовых изменений и сопровождающих их конфликтов. Искусственный интеллект, большие данные, роботизация и автоматизация, наряду с глобализацией и демографическими изменениями, приводят к цифровой трансформации рынков труда. Происходящие перемены на рынке труда создают как беспрецедентные возможности, так и существенные риски, которые нуждаются в осмыслении и выработке ответной политики, повышающей устойчивость и адаптивность в различных областях: развития навыков, социальной политики и других [Kässi, Lehtonvirt, 2016].

Одной из основных трансформаций в мире труда за последнее десятилетие стало появление онлайн-платформ цифрового труда. Работа в Интернете во многом

связана с ростом гиганомики¹, опосредованной онлайн-платформами. «Экономика онлайн-гигантов» - по сути, новый рынок труда, «где работодатели используют онлайн трудовые платформы для привлечения работников к частичной, краткосрочной или проектной работе, выполняемой через Интернет»². Труд в условиях гиганомики представляет опосредованные отношения, вовлекающие не менее трёх участников: онлайн платформу, работника и клиента. Платформа функционирует как онлайн-бизнес, который облегчает коммерческое взаимодействие как минимум между двумя сторонами – работниками и работодателями, опосредуя эти отношения.

Для обслуживания различных рынков функционируют постоянно появляющиеся и всё более активно конкурирующие с кадровыми агентствами платформы. Примерами могут служить Fiverr, Freelancer, Upwork, Outsourcely, Guru, Peopleperhour и Mechanical Turk, которые представляют собой новый способ организации работы и предложения услуг. Работа глобальных платформ носит, как отмечалось, транснациональный характер. Сегодня в мире насчитывается более 2 000 платформ, обеспечивающих самые разнообразные формы цифрового труда. Однако это не точная цифра, поскольку в настоящее время сложно точно определить количество платформ, функционирующих в мире. Например, в Европе, по оценкам Европейской комиссии, существует 273 платформы в девяти странах, в то время как другой источник считает, что только во Франции их насчитывается 300. Значительные расхождения в цифрах приводят к различиям в собранных данных и различным выводам относительно масштаба работы платформ.

Новые формы мобильности: виртуальная миграция

Современную глобализацию характеризуют цифровые технологии. Происходит трансформация природы рынка, главным механизмом которого становится информация. Создаётся экономика с принципиально новой системой «информационного управления на расстоянии» глобальными операторами. Взрывной спрос на знания, образование в мировой экономике привёл к погоне за высококвалифицированными работниками. Одновременно в результате активно происходящей цифровизации специалисты конкурируют между собой на глобальном рынке труда. Выстраивается органичная среда, знаменующая формирование виртуального рынка труда, который позволяет всё большему числу работников трудиться, независимо от того, где географически находятся их работодатели. Появляются «цифровые кочевники», занимающиеся интернет-работой в онлайн-пространстве. Например, индийские или китайские специалисты по компьютерным технологиям, работающие в США, до появления виртуального рынка труда вынуждены были становиться иммигрантами, но цифровая революция сняла эту необходимость, связав онлайн работника с работодателем через платформу, создав в области трудовой миграции такую инновацию, как «виртуальная трудовая миграция». Виртуальная миграция не отменяет физическую миграцию работников, обе они – части трудовой миграции в глобальной экономике.

Виртуальную трудовую миграцию можно определить как работу, которая пересекает национальные границы посредством онлайн-капитала, рабочей силы и

¹ Гиганомика - экономика свободного заработка, зачастую построенная с помощью технологий. В основе неё лежат нетрадиционные рабочие отношения, характерные для фриланса, временного трудоустройства и т. д.

² Rise of Online Work Captured in the First Online Labour Index // University of Oxford [site]. 21.09.2016. URL: <http://www.ox.ac.uk/news/2016-09-21-rise-online-work-captured-first-online-labour-index> (accessed on 15.10.2020).

информационных потоков. Это, по сути, офшорная рабочая сила, которая сочетает в себе местный, национальный и глобальный контексты [Digital labour platforms..., 2018: 8]. Благодаря цифровизации, работники могут участвовать в цифровой экономике в любое время из любой точки мира: задания разбиваются на отдельные части, а затем передаются на внешний подряд или автоматизируются. Феномен виртуальной миграции демонстрирует, что суть глобальной экономики заключается не только в транснациональных корпорациях, но и в том, что мировая экономика перемещается из физического пространства в информационное [Aneesh, 2006]. Цифровые технологии сегодня производят и структурируют всё возрастающую часть современной практики мобильности.

Цифровизация, фундаментально изменяя трудовые отношения, одновременно вызывает и облегчает разнородные формы мобильности. Виртуальная миграция усложняет широко распространенное определение миграции как физического перемещения людей через границы. Появляются концептуально и юридически новые формы цифровой мобильности, ставящие под сомнение однозначность понимания правовых территорий и, следовательно, фундаментальных категорий регулирования и понимания миграции. Де Стефано выделяет три различных варианта работы: работа с капитальной платформой, работа с приложениями и коллективная работа или краудворкинг [De Stefano, 2016].

Работа с капитальной платформой (Airbnb, Etsy) использует цифровые платформы для продажи товаров или для аренды активов. В этом контексте роль цифровой платформы состоит в том, чтобы связать клиентов с требуемыми активами, принадлежащими физическому лицу. Термин «шеринговая экономика», часто используемая как синоним «гиганомики», наиболее тесно связан с работой платформы капитала. Подобная деятельность имеет больше схожих черт с электронной коммерцией или с отношениями между бизнесом. Иногда это называют формой мелкого предпринимательства, поскольку деятельность этих «работников» больше похожа на ведение малого бизнеса, чем на деятельность сотрудников компаний.

Работа с приложениями / труд оцифрованной городской логистики (Deliveroo, Foodora, Lyft, Uber и др.) осуществляется организациями-посредниками, предоставляющими услуги на цифровой платформе (или в «приложениях») на местном уровне, например, в сфере транспорта и доставки еды. Приложения вмешиваются в установление минимальных стандартов качества обслуживания, а также в отбор работников и управление ими [Duggan et al., 2020]. «Цифровые» трудовые платформы на основе определения местоположения направляют работников на оказание местных услуг, в том числе на транспорте (Uber, Lyft), в доставке еды (Foodora, Deliveroo), при ремонте дома (Task Rabbit) и при оказании бытовых услуг (Care.com). Deliveroo, компания, занимающаяся доставкой продуктов питания, имеет более 3 5000 «райдеров» в 200 городах, но только около 2 000 из них работают напрямую³. Работники, как правило, классифицируются как независимые подрядчики, а количество работающих на законных основаниях значительно меньше. Ещё один пример: в Uber в настоящее время работает почти 40 000 000 водителей в более, чем 700 городах по всему миру, но всего официально оформлено 22 000 [Duggan et al., 2020: 116]. Определяющей чертой цифровых рабочих платформ является алгоритмическое управление рабочей

³ Hurley J. Boss determined to deliver the right ingredients for success // The Times. Newspaper. 26.02.2018. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/boss-determined-to-deliver-the-right-ingredients-for-success-6gtczs8xq> (accessed on 15.10.2020).

силой, при котором «назначение, оптимизация и оценка сотрудников осуществляется с помощью алгоритмов и постоянно отслеживаемых данных» [Lee et al., 2015: 1603]. Алгоритмическая организация позволяет сотрудникам для продажи своих услуг связываться с клиентами. При этом осуществляется пристальное слежение за работниками, и оплата связывается с производительностью [Healy et al., 2017]. Это создаёт условия для сравнения гигономики с современным цифровым тейлоризмом [McGaughey, 2018].

Краудворкинг (Amazon, Mechanical Turk, Fiver). Платформы для массового использования предоставляют совершенно новое измерение мобильной работы, не зависящей от местоположения. Компании могут получить доступ к рабочей силе «толпы» работников (краудворкинг) по требованию и на временной основе по всему миру, не меняя своего физического местоположения. Платформы обеспечивают поиск самых разнообразных уровней квалификации цифрового труда, требующих как выполнения небольших простых задач, обычно мизерно оплачиваемых, так и сложных и трудоемких. Примерами могут послужить такие «микрозадачи» как: распознавание изображений и голоса или запись примеров предложений, необходимых для машинного обучения. На другой стороне спектра – решение так называемых «макрозадач»: программирования или проектирования. Временная и пространственная реконфигурация труда в двойственном смысле становится обыденностью.

Типология цифровых трудовых платформ



Рис. 1. Типология цифровых трудовых платформ

Fig. 1. Typology of digital labor platforms

Источник: The digital labour market under debate⁴.

Краудворкинг относится к цифровым платформам, опосредующим работу, с помощью которых сотрудники удаленно выполняют задачи. В одних случаях между клиентом и работником существуют четкие отношения: они выполняют задачу автономно и получают оплату от клиента. В других, напротив, платформы, берут на себя ответственность за оплату выполненной работы, затем предоставляют результат

⁴ The digital labour market under debate. Platforms, Workers, Rights and WorkerTech // Cotec Foundation [site]. 2017. URL: https://cotec.es/media/COTEC_PIA_Ouishare_WorkerTech_EN_Executive_Summary.pdf (accessed on 25.10.2020).

клиенту. Крауд-работа популярна как среди работников, так и среди клиентов. Например, на Amazon Mechanical Turk публикуется 10000 новых задач в час, а выполняется 7500 [Berg, 2016].

Трудовой процесс при краудворкинге осуществляется с помощью гибких контрактных форм. Происходит временная и пространственная реконфигурация труда. Появляется новая форма удаленной работы: работа из любого места (WFA)⁵, в которой место жительства и место работы сотрудников могут не совпадать. Можно находиться в любой точке мира с надежным подключением к Интернету. В то время как многие компании только начинают рассматривать вопрос о разрешении сотрудникам работать из любого места, разработанные программы WFA можно найти в таких фирмах, как Akamai и SAP. Работа на дому может также способствовать повышению производительности труда сотрудников. Исследование, проведенное в 2015 г. в китайском туристическом агентстве, показало, что при переводе сотрудников колл-центра на работу из дома их производительность возросла в среднем на 13% [Choudhury et al., 2019]⁶.

При краудворкинге платформы играют особую роль. Цифровые платформы – центральный элемент трансформации мира труда, позволяющий осуществлять виртуальную миграцию в форме краудворкинга. При этом очевидно, что миграция больше не может рассматриваться исключительно с точки зрения физического перемещения человека, необходимо учитывать и виртуальные потоки [Digital labour platforms..., 2018].

Потоки онлайн-труда растут быстрыми темпами. Пытаясь восполнить пробел в данных, Оксфордский интернет-институт создал Индекс труда в Интернете (OLI) – один из первых экономических показателей для экономики онлайн-гигантов. Индекс показывает, как использование онлайн-рабочей силы меняется во времени, в зависимости от страны и профессии. За 100 индексных пунктов по оси Y принимается среднесуточное количество новых проектов. По данным OLI, с мая по сентябрь 2016 г. индекс вырос примерно на 9%, что означает ежегодный темп роста в 25%⁷. Наиболее востребованы специалисты в сфере разработки программного обеспечения, технологии, за которыми следуют решения творческих и мультимедийных задач. Отмечается существенный рост в продажах и предоставлении профессиональных услуг. Рост экономики онлайн-гигантов за этот период обеспечивался исключительно квалифицированной работой.

В соответствии с Индексом онлайн-труда большинство клиентов базируется в Соединенных Штатах (44%), Соединенном Королевстве (8%), Австралии (6%) и Индии (5%). Вместе европейские страны обеспечивают примерно 23% клиентов. Работники,

⁵ WFA – working from anywhere.

⁶ Результаты опроса 9000 менеджеров и сотрудников по всей Европе, проведенного Boston Consulting Group и KRC Research по заказу Microsoft, свидетельствуют, что их удаленные команды были очень продуктивными: 82% заявили, что уровень продуктивности либо оставался неизменным, либо повышался по мере перехода людей на удаленную работу. Более половины также считают, что это мощный способ удержать лучшие таланты. В то же время инновационный дух компаний резко упал по сравнению с аналогичным опросом, проведенным за год до этого, когда 56% руководителей считали свои компании новаторскими. В этом году данный процент упал до 40%. См.: McKendrick J. Work from Home Fallout: Productivity Up, Innovation Down // Forbes. Magazine. 18.10.2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/joemckendrick/2020/10/18/work-from-home-fallout-productivity-up-innovation-down> (accessed on 15.10.2020).

⁷ Rise of Online Work Captured in the First Online Labour Index.

как правило, находятся в странах с более низким уровнем дохода, что отражает традиционные модели аутсорсинговой отрасли. Большинство из них трудится в Индии (26%), Бангладеш (21%) и Филиппинах (5%). Тем не менее, в Соединенных Штатах находятся 12% таких работников. Что касается географического распределения по отраслям, то на рынке разработки программного обеспечения и технологий доминируют работники из Индии (55%), в то время как услуги бухгалтерского учёта, юридические услуги и бизнес-консалтинг, возглавляются работниками из Великобритании⁸.

Характерной особенностью структуры использования рабочей силы в Интернете является схожесть профилей профессионального спроса в странах-лидерах-работодателях. Тот факт, что национальные профили онлайн-спроса на рабочую силу схожи, свидетельствует о том, что спрос в основном исходит от одних и тех же отраслей в каждой стране: в целом – это сектор информационных технологий. В России наблюдается чрезвычайно большой онлайн-спрос на рабочую силу с опытом разработки программного обеспечения и технологий в различных областях. Профессиональный профиль может быть связан с исторически сильной ориентацией региона на формирование навыков в области информационных технологий. Это также может быть признаком того, что со временем различные отрасли и секторы начали использовать онлайн-рабочую силу в больших количествах. Следовательно, онлайн-спрос на рабочую силу всё больше начинает напоминать профиль национальной экономики⁹.

Роль онлайн работы, виртуальной миграции кардинально возрастает и приобретает качественно новое звучание в условиях распространения коронавируса COVID-19. Введение общенациональных карантинных и всеобщей изоляции переводит существенную часть жизни и работы в «виртуальную плоскость». Предлагаются рекомендации по успешной адаптации к удалённой работе из дома. Ограничение на передвижение ставит блокирует приём мигрантов, даже тех, за которыми до последнего времени шла борьба. Очевидно, что правительства и предпринимательское сообщество будут создавать условия для стимулирования развития виртуальной миграции, способствующей экономии средств на онлайн труде, с одной стороны, а с другой – адаптированной к новым вызовам, возникающим перед человечеством и мировой экономикой.

Заключение

Стремительное развитие технологий оказывает огромное влияние на занятость и миграцию во всём мире. В XXI в. промышленная революция 4.0 характеризуется активно проходящей цифровизацией, внедрением искусственного интеллекта и биотехнологий. Процессы развиваются чрезвычайно быстро и перекрываются, сталкиваясь друг с другом. Новые технологии и лежащая в их основе цифровизация трансформируют процесс труда, предъявляя рынку труда новые требования, трансформируя его. Для успешного развития экономик на первый план выходят пассивность, активность и предпринимательство. Безусловно, наивысшую конкурентоспособность демонстрируют страны, у которых человеческий капитал обладает боль-

⁸ Lehdonvirta V. Where are online workers located? The international division of digital gig work // The iLabour Project / Oxford Internet Institute [site]. 11.07.2017. URL: <https://ilabour.oii.ox.ac.uk/where-are-online-workers-located-the-international-division-of-digital-gig-work> (accessed on 15.10.2020).

⁹ Fabian S. The Exception to the Rule – Why Russia Demands more Online Jobs in Tech // The iLabour Project / Oxford Internet Institute [site]. 04.03.2020. URL: <https://ilabour.oii.ox.ac.uk/the-exception-to-the-rule-why-russia-demands-more-online-jobs-in-tech> (accessed on 10.10.2020).

шей ценностью. Однако этому противодействует процесс стремительного старения населения данной группы стран.

Алгоритмическая организация труда сочетается с очень гибкими трудовыми отношениями. Различные факторы способствуют включению мобильного труда в стратифицированный рынок труда, связанный с различными миграционными маршрутами и проектами. Виртуальная мобильность и онлайн-рынок труда, в частности, бросают вызов традиционным границам и подходам. Происходящая трансформация сопровождается серьезными последствиями во всех сферах: от структурных сдвигов на рынках труда до миграции и налогообложения. При их осмыслении и выработке ответной политики, повышающей устойчивость, необходимо использовать комплексный подход, основывающейся на анализе, оценке и адаптации к новым реалиям для решения сложных задач в условиях неопределенности.

Список литературы

Aneesh A. Virtual migration: The programming of globalization. Durham; London: Duke University Press, 2006. 208 p. DOI: 10.2307/j.ctv125jms5.

Berg J. Income Security in the On-Demand Economy: Findings and Policy Lessons from a Survey of Crowdworkers. *Comparative Labor Law & Policy Journal*. 2016. Vol. 37, No. 3. P. 543.

Choudhury P., Foroughi C., Larson B. Work-From-Anywhere: The Productivity Effects of Geographic Flexibility. *Strategic Management Journal*. 2021. Vol. 42, No. 4. Pp. 655–683. DOI: 10.1002/smj.3251.

De Stefano V. The Rise of the ‘Just-in-Time Workforce’: On-Demand Work, Crowd Work and Labour Protection in the ‘Gig-Economy’. *Comparative Labor Law & Policy Journal*. 2016. Vol. 37, No. 3. Pp. 461–471.

Digital labour platforms and the future of work: Towards decent work in the online world. Geneva: International Labour Office, 2018. 165 p. ISBN: 978-92-2-031024-3.

Duggan J., Sherman U., Carbery R., McDonnell A. Algorithmic management and app work in the gig economy: A research agenda for employment relations and HRM. *Human Resource Management Journal*, 2020; 30. Pp. 114–132. DOI: 10.1111/1748-8583.12258.

Healy J., Nicholson D., Pekarek A. Should we take the gig economy seriously? *Labour and Industry: A Journal of the Social and Economic Relations of Work*. 2017. Vol. 27, No. 3. Pp. 232–248. DOI: 10.1080/10301763.2017.1377048.

Kässi O., Lehdonvirta V. Online Labour Index: Measuring the Online Gig Economy for Policy and Research. MPRA Paper No. 74943. Oxford Internet Institute. 03.11.2016. 19 p.

Lee M. K., Kusbit D., Metsky E., Dabbish L. Working with machines: The impact of algorithmic and data-driven management on human workers. *Proceedings of the 33rd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems*. April 2015. Pp. 1603–1612. DOI:10.1145/2702123.2702548.

McGaughey E. Taylorism: when network technology meets corporate power. *Industrial Relations Journal*. 2018. Vol. 49, No. 5–6. Pp 459–472. DOI:10.1111/irj.12228.

Сведения об авторе:

Глуценко Галина Ивановна, доктор экономических наук, старший научный сотрудник Экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: gala@gluschenco.ru; ORCID ID: 0000-0002-5762-6659; РИНЦ Author ID: 250218.

Статья поступила в редакцию 18.01.2021; принята в печать 12.03.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEVELOPMENT OF VIRTUAL MIGRATION IN THE CONTEXT OF THE ONGOING DIGITALIZATION

Galina I. Glushchenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

E-mail: gala@glushchenko.ru

For citation: Galina I. Glushchenko. Development of virtual migration in the context of the ongoing digitalization. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 57–64. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.4

Abstract. *The global trends of the constant increase in the digital component indicate that the economy is increasingly tilting into the “virtual plane”. Digital technologies are fundamentally changing almost all existing professional areas. Digitalization is not only fundamentally transforming labor relations, but also requires and facilitates the development of new forms of migration. A “transnational virtual space” is emerging, in which vast amounts of data across national borders without the physical movement of workers. With an aging population, virtual migration is becoming one of the most important conditions for the dynamic development of the digital economy. The purpose of this report is to investigate the algorithmic organization of work, combined with flexible labor relations and contributing to the inclusion of mobile labor in a stratified global labor market focused on the penetration of digital technologies into all sectors and spheres of life. The method used by the author is the analysis of the main trends in the development of virtual migration. The novelty of the study lies in examining the impact of digitalization not only on labor relations, but also, in terms of the development of new forms of mobility.*

Key words: *digitalization, globalisation, human capital, labor platforms, crowdworking, algorithmic organization, virtual migration, labor reconfiguration, online labor platforms, gigonomics.*

Bio note:

Galina I. Glushchenko, Doctor of Economics, Senior Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: gala@glushchenko.ru; ORCID ID: 0000-0002-5762-6659; RSCI Author ID: 250218.

Received on 18.01.2021; accepted for publication on 12.03.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ГЛОБАЛЬНЫЙ РЫНОК ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Белова Л. Г.

*Институт международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета, Москва,
Россия.*

E-mail: belovalg@mail.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.5

Для цитирования: Белова Л. Г. Глобальный рынок высококвалифицированных специалистов в условиях пандемии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 65–76. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.5

Аннотация. В статье рассматривается состояние глобального рынка высококвалифицированных специалистов в условиях пандемии (спрос, предложение, основные направления движения). Автор указывает на возросшее значение такого экономического ресурса как знания. В большинстве стран мира возросла потребность в квалифицированных, здоровых и предприимчивых специалистах. Рабочая сила стала оцениваться не количеством, а качеством. Приводятся данные «глобального индекса талантов» по подготовке и удержанию профессионалов в крупнейших странах мира. Уделяется особое внимание предпринимательскому таланту, который поощряется, развивается и влияет на относительную конкурентоспособность различных экономик. Отмечается интенсивность перемещения профессионалов между странами в результате внутрифирменных переводов, проводимых в результате профессионального обмена совместных программ, международного перемещения научных кадров. В связи с цифровизацией расширяются научные связи между странами и повышается результативность сотрудничества в онлайн-формате. Возрастает роль студенческой мобильности в международном образовательном обмене как одной из форм международной миграции высококвалифицированных специалистов. Автором определены основные направления перемещения научно-технических кадров – это США, страны Западной Европы, Китай, Южная Корея, Таиланд, Гонконг, Сингапур и другие страны. Установлено, что в период пандемии ограничительные мероприятия значительно сократили приток высококвалифицированных специалистов во все страны мира, в том числе и в Россию. Отмечен рост безработицы в Канаде, Норвегии, Испании, Швеции, США и других странах. В этом периоде особое значение приобретает международный аутсорсинг, позволяющий выходить на профессиональный рынок труда при закрытых границах. В результате появились стартапы в виде онлайн-выставок и прочее. В период пандемии особенно востребованными стали ученые, специалисты в области информационных технологий, инженеры, преподаватели и врачи. Автор выделяет основные проблемы на мировом рынке труда, возникшие в условиях пандемии и указывает на возросший глобальный спрос на всевозможные цифровые проекты, с участием российских профессионалов.

Ключевые слова: экономика, миграционная политика, рынок труда, иммиграция, высококвалифицированный специалист, экономическое развитие, инвестиции.

Введение

Одной из важных тенденций в современном мире, принимающей все более закономерный характер, является глобализация мировых миграционных потоков. Это обусловлено вовлеченностью в поток мировых миграций практически всех стран мира: как богатых западных стран, так и развивающихся, – при этом большинство из них нуждается в высококачественной рабочей силе [Доклад о миграции в мире, 2020].

За последние годы резко возросло значение такого ресурса, как знания. Экономика нуждается в квалифицированных, здоровых и предприимчивых специалистах, а рабочая сила оценивается не количеством, а качеством. Намного стало проще привлекать готовых иностранных профессионалов, чем обучать собственных. Существенное влияние оказывают и демографические последствия, сопровождающиеся уменьшением доли талантливых выпускников вузов определенных направлений подготовки, в которых есть потребность на рынках труда развитых стран.

Независимо от уровня экономического развития большинство стран мира сегодня активно привлекают в национальную экономику иностранных талантливых специалистов, которые с собой привозят знания, технологии и инвестиции. В принимающих странах для них создаются привлекательные условия для работы, разрабатываются специальные программы.

Растет потребность в специалистах, связанных с цифровыми технологиями, креативной индустрией, туристическим бизнесом, с сервисными отраслями. Дефицит наблюдается среди специалистов, занимающихся анализом и обработкой большого объема данных, искусственным интеллектом. В дальнейшем спрос на таких специалистов для крупных компаний будет только расти.

Страны-экспортеры и страны-импортеры рабочей силы часто взаимно заинтересованы в перемещении трудовых мигрантов, поэтому между ними существуют международные соглашения связанные с вопросами миграции.

Рабочая сила часто сталкивается с рядом препятствий в результате своего перемещения в другие страны, поскольку практически каждая страна устанавливает собственные ограничения для иностранцев. Регулируя численность прибывающих трудовых иммигрантов, принимающая страна, учитывает состояние своего национального рынка труда, возможности социального обеспечения и создания условий для их проживания.

Несмотря на то, что мобильность рабочей силы играет меньшее значение, чем мобильность товаров и капитала, она также оказывает особое влияние на экономику. Например, страны-экспортеры рабочей силы даже в условиях ее избытка часто считают, что отток ее из страны тормозит экономическое развитие, несмотря на приток иностранной валюты в виде денежных переводов в национальную экономику и уменьшения безработицы в этих странах. Статистика денежных переводов такова: в 2018 г. они составили 689 млрд долл., в 2017 г. составили 0,3% от ВВП в США, 0,6% – в Германии, 1,3% – в России, 3,9% – в Швейцарии [Мировая экономика..., 2021].

По мнению западных и российских специалистов, в долговременном периоде международная миграция оказывает положительное влияние на мировое сообщество, но в узких временных рамках становится сложно определить баланс всех плюсов и минусов данного явления.

Тенденции на рынке высококвалифицированных специалистов

Сегодня на мировом рынке высококвалифицированных специалистов (ВКС), можно наблюдать целый ряд тенденций в плане привлечения профессионалов в национальную экономику.

Для профессионалов характерными являются высокий уровень образования, достаточный опыт работы и способность переквалифицироваться для работы в другой стране. Большую часть таких профессионалов составляют сотрудники многонациональных корпораций, переезжающих из одной страны в другую. Основную их массу составляют квалифицированные сотрудники и менеджеры.

Значительная часть высококвалифицированных специалистов перемещается между странами в результате перевода внутри фирм, тем самым обеспечивая профессиональную и техническую поддержку местным специалистам. Такие внутрикорпоративные переводы свойственны богатым странам или государствам-членам Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и часто носят краткосрочный характер.

В современном мире профессионалы перемещаются не по направлению к капиталу, а их перемещение часто связывают с движением капитала. Например, производство продукции, сбыт, а также операции, связанные с продажами, принадлежащие транснациональным корпорациям распределены по всей планете, но руководящий состав компании и исследовательские функции могут находиться в одной стране, поэтому возникает необходимость в соответствующем распределении персонала.

В промышленно развитых странах наблюдается постоянный поток высококвалифицированных специалистов в страну и из нее в результате проводимых совместных программ профессионального обмена. Такие страны охотно привлекают из-за рубежа специалистов высокой квалификации особенно технического профиля, рассчитывая на их помощь в повышении конкурентоспособности продукции и освоении новых производств.

Для большинства развитых стран особенностью является двойной рынок труда: на одном из них осуществляется купля-продажа национальной квалифицированной и высококвалифицированной рабочей силы, а на втором иностранной, где предлагаются менее престижные работы и более низкая оплата труда.

Привлекаются в национальную экономику иностранные высококвалифицированные специалисты, переезжающие на постоянное место жительства в другую страну, и временно эмигрировавшие, и те, кто приобретает недвижимость за рубежом и в дальнейшем нацелен на переезд. Чаще всего они трудоустраиваются в другой стране в результате приглашения от работодателя, разрешения на работу, визы.

Сегодня проблемы талантов стали основной заботой фирм, стран и городов, а фактором роста и процветания является эффективная работа этих талантливых сотрудников.

Согласно ежегодному отчету Global Talent Index 2020 г. (Глобальному Индексу Конкурентоспособности Талантов 2020 г.), определяющему потенциал 132 стран мира по подготовке и удержанию профессионалов в стране и созданию в ней условий для реализации этого потенциала (по 100 бальной шкале) с учетом таких факторов как стоимость жизни, образование, качество жизни, бизнес-потенциал. В первую пятерку мировых лидеров в области человеческого капитала вошли: Швейцария, набравшая 81,26 баллов и сохранившая первенство с 2018 г., вторая и третья строка индекса досталась США (79,09) и Сингапuru (78,48). За ними последовали Швеция (75,82), Дания (75,18)¹.

Кроме индекса ранжирования стран, в 2020 г. ранжировались и 155 городов. Это обуславливалось тем, что города наиболее гибко приспосабливаются к новым трендам и подходам. Среди таких городов первое место занял Нью-Йорк, за ним следуют Лондон, Сингапур, Сан-Франциско и Цюрих.

Нью-Йорк, привлекает талантливых людей своей устойчивой экономикой, выдающейся инфраструктурой и связью, динамичным населением, образованием мирового класса и высококвалифицированной рабочей силой.

Россия занимает 48-е место (из 132), а Москва – 55-е место (из 155) по результатам ежегодного отчета Global Talent Index 2020 г.

Также особое внимание уделяется предпринимательскому таланту – тому, как он поощряется, возвращается и развивается, и влияет на относительную конкурентоспособность различных экономик. Вырабатываются новые подходы к стимули-

¹ Special Section: The GCTCI // 2020 Global Talent Competitiveness Index [site]. URL: <https://gtcistudy.com/special-section-gctci> (accessed on 15.02.2021).

рованию предпринимательских талантов перспективных сотрудников. Наиболее открытыми для таких талантов являются страны и города с наиболее высоким рейтингом привлекательности.

Россия, с первенством в мире по доле населения, имеющая средний и высший уровень образования и достаточно высокий уровень глобальных знаний, продолжает сохранять низкий показатель привлекательности для талантов международного уровня (54 место из 63)².

К категории профессионалов также относятся профессорско-преподавательский состав и студенты, циркулирующие в мировой системе высшего образования.

В последние десятилетия значительно увеличился объем и интенсивность международного перемещения научных кадров. Цифровизация ускорила расширение научных связей, повысила результативность и сотрудничество в онлайн-формате. Новый формат общения значительно расширил географию взаимодействия между учеными и дополнительно расширил международное сотрудничество в научном обмене.

Например, в условиях пандемии COVID-19 ускорились процессы цифровизации научных кадров во всем мире, за счет научного обмена и кооперации в борьбе с вирусом, что способствовало переходу научной мобильности в онлайн-формат и позволило сократить логистические и организационные издержки, а также расширить географический охват научных кадров.

При этом стоит отметить, что на сотрудничество в научном обмене между странами все чаще стали влиять технологические войны и политические факторы. Во всем мире международная миграция научных кадров имеет как краткосрочное перемещение в другую страну с целью повышения квалификации и возвращения на родину, так и среднесрочное перемещение для получения карьерного и профессионального роста, а также переезд на постоянное место жительства, связанный с экономическими причинами.

Научно-профессиональные кадры в последние годы стали более востребованным ресурсом в связи с глобализацией и построением экономики знаний. Заметной стала конкуренция между странами за таланты с целью создания центров компетенций, соответствующих международному уровню. В таких странах, как Великобритания, Германия, Франция, Россия и ряде других, действуют государственные программы привлечения иностранных ученых. Наиболее интенсивной внешней и внутренней краткосрочной мобильностью обладают научные кадры из стран, имеющих высокие расходы на НИОКР. Например, в таблице 1 приведены данные по высококвалифицированным мигрантам, прибывшим в Российскую Федерацию и выбывшим из нее в период с 2015 г. по 2019 г.

² The IMD World Talent Ranking 2020 results // Institute for Management Development (IMD) [site]. URL: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-talent-ranking-2020> (accessed on 15.03.2021).

Таблица 1.

Динамика численности высококвалифицированных мигрантов, прибывших в Российскую Федерацию и выбывших из нее (чел.)

Table 1.

Dynamics of the number of highly skilled migrants who arrived in and left the Russian Federation (people)

	Численность мигрантов с высшим профессиональным образованием			Имеющих ученую степень					
				доктора наук			кандидата наук		
	2015	2018	2019	2015	2016	2019	2015	2018	2019
прибыло	104 885	93 263	42 041	227	216	77	444	320	181
выбыло	36 889	68 675	62 382	110	157	139	198	280	221
миграционный прирост	67 996	24 588	-20 341	117	59	62	246	40	-40

Источник: Составлено автором по данным статистических бюллетеней Росстата за 2016 г., 2019 г., 2020 г.³

Кроме миграции научных кадров, во всем мире наблюдается студенческая мобильность, как одна из форм международной миграции высококвалифицированных специалистов. Студенты наряду с педагогическим и административным составом образовательных учреждений активно участвуют в международном образовательном обмене. С помощью зарубежного образования они приобретают новые компетенции и навыки, у них появляется доступ к рынкам, с помощью которых можно получить высокую отдачу от знаний и карьерный рост. Студенческая мобильность создает базу для дальнейшей научной мобильности. Расширяется партнерство, открываются зарубежные отделения крупных университетов, международные образовательные организации, региональные университетские центры и различные образовательные кластеры. Наиболее привлекательными для иностранных студентов являются Великобритания, Франция, Швейцария, Люксембург. Однако из-за ограничительных мер, связанных с пандемией, большинство студентов в 2020 г. не смогли прибыть к месту назначения и продолжили обучаться в онлайн-формате, не покидая своей страны.

На масштабы трудовой миграции существенное влияние оказывают экономические циклы. В кризисных условиях в наихудшем положении оказываются специалисты с низкой квалификацией, занятые на временных работах и в основном это международные мигранты.

Так, в условиях экономических кризисов значительно сокращался приток мигрантов из Центральной и Восточной Европы в Западную Европу. А в таких странах как Германия и Ирландия наблюдался отток иностранных специалистов. В некоторых регионах мира в последнее время идет замещение потоков мигрантов из других континентов на миграцию внутриконтинентальную. Например, увеличивается приток в США мексиканских трудовых мигрантов, а в ЮАР африканских мигрантов. Новыми международными центрами притяжения рабочей силы становятся страны

³ Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: rosstat.gov.ru (дата обращения: 01.03.2021).

Персидского залива, ЮАР, Аргентина, Бразилия, Сингапур, Таиланд, Россия и Казахстан [Мировая экономика..., 2021].

Со временем стали меняться сами мотивы трудовой миграции. Разница в заработной плате в стране-экспортере и стране-импортере в большей степени стали волновать работников низкой квалификации. Для специалистов с высокой квалификацией наряду с разницей в заработной плате важным мотивом является интересная работа, карьерный рост, совершенствование профессиональных навыков, улучшение социальных условий. Высококвалифицированные специалисты направляются в те страны, где они смогут быть продуктивными с учетом их квалификации и за счет высокой заработной платы смогут покрыть свои расходы, связанные с переездом в другую страну.

В основном наблюдается отток ученых, врачей юристов, архитекторов, артистов, тренеров и специалистов других профессий из менее развитых странах в поисках наилучших условий для труда и реализации своих способностей. Такая же тенденция характерна и для России [Рязанцев и др., 2018].

Основными странами назначения для более чем двух третей всех высококвалифицированных мигрантов в мире являются – США, Великобритания, Канада и Австралия. Многие высококвалифицированные работники из стран Западной Европы с высоким уровнем доходов, в т. ч. из Франции и Германии, предпочитают переезжать из Европы в четыре упомянутые страны по различным причинам. Ими движет то, что сосредоточение высококвалифицированных специалистов порождает синергетические эффекты и дополнительные эффекты, повышающие производительность труда [Миграция и «утечка мозгов», 2019].

Согласно данным Международной организации по миграции, квалифицированные специалисты в развитых странах составляют около 25–30% среди иммигрантов, которые прибыли на постоянное место жительства. Например, в США численность прибывших трудовых мигрантов с высокой квалификацией превышает число мигрантов, имеющих низкую квалификацию.

В условиях глобализации, кроме экономических мотивов трудовой миграции, действуют и не экономические причины, к которым относятся: политические, религиозные, военные действия, национальные волнения, а также природные бедствия и различные стихийные катаклизмы.

По данным Организации Объединенных Наций, в 2019 г. общее число мигрантов во всем мире достигло отметки в 272 млн, что на 14 млн превышает данные за 2017 г. От общего числа мигрантов 4,4 млн составляют международные студенты и 164 млн – трудовые мигранты. Из общего количества мигрантов 75% составляет трудоспособная рабочая сила в возрасте от 20 до 64 лет. Проживают из них в Азии почти 31%, в Европе – 30%, в Северной и Южной Америке – 26%, в Африке – 10%, в Океании – 3%⁴.

Накопленные за длительный период времени данные показывают, что международная миграция во всем мире не однообразна и на ее формирование влияет целый ряд экономических факторов, демографических, географических и иных, приводящих к появлению различных моделей миграции, так называемых миграционных «коридоров», пролегающих из развивающихся стран в страны с более развитой экономикой. Например, в такие страны как Соединенные Штаты, Франция, Германия, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и другие. Возможно, такая

⁴ Миграция // Организация объединенных наций [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/> (дата обращения: 14.11.2020).

тенденция может сохраняться и оставаться неизменной на протяжении многих лет, учитывая, что в ближайшие десятилетия в некоторых развивающихся странах прогнозируется рост населения, который будет усиливать миграционное давление.

В 2019 г. наиболее популярной страной назначения у международных мигрантов являлись США. Международное перемещение лиц здесь достигло рекордных высот, а внутри страны превысило 41 млн человек.

По-прежнему не утратила своей актуальности миграция из России, а наоборот, обозначилась новыми направлениями и массовостью. Ежегодно переселяются в более благополучные регионы около 5 млн россиян. Согласно статистике, на начало 2020 г. из России уехали 300 тыс. человек, из них около 250 тыс. переселились в страны СНГ. Наиболее популярными для наших граждан являются государства, не принадлежащие постсоветскому пространству, такие как: Германия, Канада и Китай, а также Латинская Америка, Израиль и Турция⁵.

Во всем мире миграционные потоки с каждым годом только увеличивались, и был достигнут определенный прогресс в улучшении интеграции иммигрантов в принимающих странах. Значительную часть прогресса, достигнутого за последнее десятилетие в области занятости среди иммигрантов, разрушила пандемия, оказывая негативное влияние не только на рынок труда во всем мире, но прежде всего на здоровье людей и их эмоциональное состояние.

В период пандемия COVID-19 Германия, как и другие европейские страны, столкнулась с серьезными проблемами на рынке труда. По некоторым прогнозам, число безработных из-за последствий карантинных мер в обозримом будущем может составить до 6 млн человек. Но некоторые отрасли, наоборот, испытывали острый дефицит рабочих рук. Прежде всего это сельское хозяйство⁶.

Только с апреля по май 2020 г. оказались без работы около 20 млн жителей Европы. Например, во Франции согласно статистическим данным, около 50% работников частного сектора оформили вынужденный отпуск без сохранения заработной платы, третья часть населения Ирландии трудоспособного возраста в период пандемии осталась без работы. Аналогичная ситуация складывается и в остальных странах Евросоюза. Для покрытия расходов, вызванных безработицей, Евросоюз вынужден был потратить более 100 млрд евро. Но, несмотря на прилагаемые усилия сохранить полностью рабочие места в сфере услуг, туристических агентствах и общепите оказывается невозможным.

Кроме того, малый и средний бизнес столкнулся с проблемой поиска квалифицированных и высококвалифицированных кадров, а третья часть европейских соискателей нуждаются в компьютерной грамотности для работы на производствах в своей стране. Например, в Сингапуре для повышения квалификации и уровня знаний в информационных технологиях трудоспособному населению были специально выделены средства на обучение. Наблюдается рост безработицы в Канаде, Норвегии, Испании, Швеции и Соединенных Штатах.

Согласно миграционному прогнозу ОЭСР, кризис в период COVID-19 имел беспрецедентные последствия для миграционных потоков. До пандемии в 2019 г. по-

⁵ Виды трудовой миграции в России // Migrant Visa [сайт]. URL: <https://migrantvisa.ru/russia/migraciya/trudovaja/> (дата обращения: 10.01.2021).

⁶ «Корона» подбирает кадры: Как пандемия COVID-19 за считанные недели радикально изменила рынок труда в мире // Российская газета. Федеральный выпуск № 87 (8141). 21.04.2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/21/kak-pandemiia-covid-19-izmenila-rynok-truda-v-mire.html> (дата обращения: 21.12.2020).

стоянные миграционные потоки в ОЭСР составили 5,3 млн человек, при этом аналогичные показатели были в 2017 г. и 2018 г. Постоянная трудовая миграция в 2019 г. возросла более чем на 13%. Во всех странах ОЭСР после начала пандемии выдача виз и разрешений в первом полугодии 2020 г. упала на 46%, по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Во втором квартале такое снижение составило 72%. По прогнозам экспертов, 2020 г. станет историческим минимумом для международной миграции в регионе ОЭСР.

Особое место среди современной трудовой миграции занимает вовлеченность рабочей силы в международный рынок труда без смены места жительства. Здесь важная роль принадлежит международному аутсорсингу или виртуальной иммиграции, которая появилась в связи с глобализацией рынка трудовых ресурсов и развитием сектора информационно-коммуникационных технологий.

Не только последствия финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., но и охватившая весь мир пандемия COVID-19 в 2020 г. для рынка труда показали, особое преимущество виртуальной иммиграции перед перемещением физических лиц в другую страну, которое заключается в том, что виртуальным работникам не грозит безработица в условиях кризиса. В отличие от обычных мигрантов, они заняты в основном в сфере услуг и менее привязаны к различным колебаниям бизнес-цикла, что подтверждают статистические данные о спросе на труд виртуальных и обычных мигрантов в кризисный период как в США, так и в других развитых странах.

Например, только Великобритания в кризисный период в 2009 г. снизила квоты на 50% на работников новых стран-членов ЕС. В этот же период сократился на 60% найм иностранных работников в Объединенных Арабских Эмиратах (ОАЭ). В первый год рецессии (2008 г.) наблюдался рост числа сотрудников с удаленным режимом работы в исследованиях и разработках, в учете, в юридических услугах, в управлении и консалтинге, а также в телекоммуникациях и некоторых других областях.

В условиях пандемии COVID-19 удалось сохранить только те компании, которые оказывают услуги дистанционно. Например, к такой международной компании относится GitHub, которая занимается Веб-сервисом, хостингом для IT-проектов. В условиях пандемии она предлагала вакансии удаленной работы IT-специалистам из США, Европы и России.

Российские специалисты из самых разных сфер в период пандемии, продолжали выходить на профессиональный рынок труда, несмотря на закрытие границ. Наиболее квалифицированным кадрам COVID-19 даже способствовал возросшему глобальному спросу на всевозможные цифровые проекты, над которыми можно работать из любой точки мира. Появились различные стартапы в виде онлайн-выставок. Если ранее высококвалифицированные специалисты переезжали в другие страны, то в условиях пандемии, в этом не было необходимости. Сегодня профессионалы, представленные на глобальном рынке, остаются жить в своей стране. Многие из них работают на иностранные компании удаленно из России, а место их жительства не привязывается к стране работодателя. В основном это работники, которые трудоустроились и работают в Индии в аутсорсинговых фирмах.

Стоит отметить, что официальной статистики работающих профессионалов за рубежом не существует. По данным различных источников, общая численность мигрантов в России в 2017 г. достигла 10,6 млн человек, в то время как численность рос-

сийских профессионалов, работающих за рубежом, в этот период составила 1,5 млн человек⁷.

В период пандемии на глобальном рынке высококвалифицированных специалистов особенно востребованными являются не только ученые, специалисты в области информационных технологий, инженеры, преподаватели, но и врачи. Больше всего их в Европе. Здесь предпочтение отдают врачам из стран СНГ. Это объясняется низкой заработной платой для местных специалистов, но при этом она в разы выше, чем в странах экспортерах. В частности, ограничительные мероприятия в период пандемии COVID-19 значительно повлияли на приток трудовых мигрантов в Россию.

Таблица 2.

Трудовая миграция квалифицированных и высококвалифицированных специалистов (по числу оформленных разрешений на работу) в Российской Федерации (тыс. человек)

Table 2.

Labor migration of qualified and highly qualified specialists (according to the number of issued work permits) in the Russian Federation (thousand people)

Год	Число оформленных разрешений для квалифицированных специалистов	Число оформленных разрешений для высококвалифицированных специалистов
2011	43,6	11,3
2012	44,0	11,8
2013	129,4	26,3
2014	158,6	34,2
2015	22,1	41,8
2016	4,2	25,5
2017	18,0	26,5
2018	20,2	28,2
2019	17,9	34,3
2020	7,6	20,5

Источник: данные ФМС РФ, ГУВМ МВД РФ.

Данные Главного управления по вопросам миграции МВД России в период с января по сентябрь 2020 г. показали, что всего оформлено приглашений в страну 98 427. Прибыли с целью трудоустройства – 1 904 314 человек, а с целью учебы 216 819 человек. Разрешения на работу получили 40 491 иностранных граждан и лиц без гражданства, а в 2019 г. этот показатель составил 91 391.

Иностранцам высококвалифицированным специалистам в период с января по декабрь 2020 г. было выдано разрешений на работу 20,5 тыс. человек, что на 13, 8 тыс. человек меньше, чем за отчетный период 2019 г.⁸

Заключение

В России в ближайшие годы все актуальные тенденции на рынке труда должны

⁷ Число работающих за границей высококвалифицированных россиян превысило 1,5 млн. Интерфакс. Информационное агентство. 12.01.201. URL: <https://www.interfax.ru/business/545024> (дата обращения: 14.11.2020).

⁸ Главное управление по вопросам миграции МВД РФ [сайт]. URL: <https://гувм.мвд.рф> (дата обращения: 17.10.2020).

сохраниться. Во-первых, по-прежнему будут нужны специалисты, связанные с информационными технологиями во всех направлениях и на всех уровнях, начиная от программистов до директоров по информационным технологиям. Во-вторых, будут востребованы специалисты по цифровым продуктам и решениям, а также позиция Head of Digital Transformation, которая встречается в вакансиях гораздо чаще остальных позиций топ-уровня. Также будут востребованы специалисты по онлайн-обучению и digital-маркетологи. В-третьих, значительно увеличится потребность в аналитиках, экспертах по big data и разного рода аналитическим инструментам. Сохранится потребность в хороших электриках, сантехниках, краснодеревщиках, сборщиках со знанием механики.

Текущее состояние глобального рынка труда в сегменте высококвалифицированной рабочей силы показывает, что привлечение иностранных профессионалов во всем мире складывается по-разному, и на это оказывает существенное влияние миграционная политика стран-реципиентов, потребность национальных экономик в трудовых ресурсах, а также сложившееся социально-экономическое положение в стране. Многие ниши сегмента высококвалифицированных специалистов уже заняты развитыми странами, которые являются центрами притяжения и перераспределения трудовых ресурсов, прежде всего, из числа развивающихся стран.

С точки зрения спроса и предложения, состояние мирового рынка труда высококвалифицированных специалистов в условиях пандемии COVID-19, еще раз доказывает, что мобильность высококвалифицированных специалистов не вернется к прежним уровням в течение некоторого времени из-за снижения спроса на рабочую силу, жесткие ограничения на поездки, широкое использование удаленной работы среди профессионалов и дистанционного обучения студентов.

В условиях серьезного экономического спада в период пандемии COVID-19 и растущих проблем, связанных с поддержанием социальной сплоченности, не только уменьшится потребность в международном наборе персонала, но, возможно, будет затронута поддержка активной миграционной политики.

Кроме того, может меняться наем высококвалифицированных специалистов для международной мобильности и поездок, что повлияет на деловые поездки, внутрифирменные, международные исследования и культурные обмены.

Долгосрочные последствия после пандемии COVID-19 могут также отразиться на намерении эмигрировать из менее развитых стран в развитые страны в результате глобального экономического спада. Сократятся денежные переводы, а это еще больше увеличит миграционное давление и растущее беспокойство в обществе всех принимающих стран. При этом могут появиться возможности для более эффективного использования технологий в области управления миграцией и интеграцией.

Учитывая происходящие и уже свершившиеся изменения в России, в условиях пандемии, становится важным вопрос о необходимости модернизации вызовов в области миграции.

В этой связи необходимо проведение грамотной государственной политики, в основе которой должна быть четкая стратегия развития; снижение бюрократических преград; прозрачность экономики; стабильность политической обстановки в стране.

Список литературы

Доклад о миграции в мире 2020. – Женева, Швейцария: Международная организация по миграции, 2020. – 529 с. E-ISBN: 978-92-9068-880-8.

Миграция и «утечка мозгов». Доклад об экономике региона ЕЦА, осень 2019 года. – Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 2019. – 58 с. DOI: 10.1596/978-1-4648-1506-5.

Мировая экономика и международные экономические отношения. Полный курс: учебник / коллектив авторов; под ред. А. С. Булатова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: КНОРУС, 2021. – 678 с.

Рязанцев С. В., Письменная Е. Е., Лукьянец А. С., Сивоплясова С. Ю., Храмова М. Н. Современная эмиграция из России и формирование русскоговорящих сообществ за рубежом // Мировая экономика и международные экономические отношения. 2018. Том 62. № 6. С. 93–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-93-107.

Сведения об авторе:

Белова Лидия Григорьевна, кандидат экономических наук, заместитель директора Института международных отношений и социально-политических наук, доцент кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: belovalg@mail.ru; PИНЦ Author ID: 916254; ORCID ID: 0000-0003-3853-256.

Статья поступила в редакцию 12.01.2021; принята в печать 15.03.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

GLOBAL MARKET OF HIGHLY QUALIFIED SPECIALISTS UNDER PANDEMIC CONDITIONS

Lidia G. Belova

Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

E-mail: belovalg@mail.ru

For citation: Lidia G. Belova. Global market of highly qualified specialists under pandemic conditions. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 65–76. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.5

Abstract. *The article examines the state of the global market of highly qualified specialists under the pandemic conditions (demand, supply, and the main areas of activity). The author points at an increased importance of such an economic resource as knowledge. In most countries there is a need for qualified, healthy, and entrepreneurial specialists. The labor force began to be evaluated not by quantity, but by quality. The author gives data on “global talent index” how to prepare and keep professionals in the largest countries of the world. This paper pays special attention to entrepreneurial talent that is being encouraged, developed, and has an impact on relative competitiveness of various economies. The author indicates intensive movements of professionals between countries because of intra-firm transitions, common programs because of professional exchange, international movements of scientific personnel. Due to digitalization scientific connections are expanding between countries and effectiveness of cooperation in the online format is increasing. The role of a student mobility is increasing in an international educational exchange as one of the forms of an international migration of highly qualified specialists. The author defines the main travel directions of scientific personnel such as the USA, western European countries, South Korea, Thailand, Hong Kong, Singapore, and others. It is established that during the pandemic restrictive measures have dramatically reduced the inflow of highly qualified specialists to all countries of the world, including Russia. There is an increase in unemployment in Canada, Norway, Spain, Sweden, the USA and in other countries. During this period, an international outsourcing becomes particularly important allowing to penetrate to the professional labor market at closed borders. As a result, start-ups in the form of online exhibitions have appeared. During the pandemic scientists, information technology specialists, engineers, teachers, and doctors have become popular. The author highlights the problems at the labor market occurred in pandemic terms and indicates an increased demand for all kinds of digital projects with the participation of Russian professionals.*

Key words: *economy, migration policy, labor market, immigration, high qualified professional, economic growth, investments.*

References

Europe and Central Asia Economic Update, Fall 2019: Migration and Brain Drain. Washington, DC: World Bank, 2019. 58 p. DOI: 10.1596/978-1-4648-1506-5. (In Russ.)

Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye ekonomicheskiye otnosheniya [World economy and international economic relations]. Complete course: textbook / group of authors; ed. by A. S. Bulatov. 4th ed., rev. and. add. Moscow: Publishing House "KNORUS", 2021. 678 p. (In Russ.)

Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E., Lukyanets A. S., Sivoplyasova S. Y., Khramova M. N. Modern emigration from Russia and formation of Russian-speaking communities abroad. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* (World Economy and International Relations). 2018. Vol. 62, No. 6. Pp. 93–107. DOI: 10.20542 / 0131-2227-2018-62-6-93-107. (In Russ.)

World Migration Report 2020. Geneva, Switzerland: International Organization for Migration, 2020. 529 p. E-ISBN: 978-92-9068-880-8. (In Russ.)

Bio note:

Lydia G. Belova, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences; Associate Professor, Department of Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: beloval@mail.ru; RSCI Author ID: 916254; ORCID ID: 0000-0003-3853-256.

Received on 12.01.2021; accepted for publication on 15.03.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

О ПРАВОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ ОГРАНИЧЕНИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Иванов Д. В.

Кафедра международного права МГИМО МИД России, Москва, Россия.

E-mail: prof.ivanovdv@gmail.com

Левина М. М.

Первый департамент стран СНГ МИД России, Москва, Россия.

E-mail: marylevis95@mail.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.6

Для цитирования: Иванов Д. В., Левина М. М. О правовых возможностях ограничения трудовой миграции в рамках Евразийского экономического союза: от теории к практике в условиях пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 77–85. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.6

Аннотация. Статья посвящена изучению правовых возможностей ограничения трудовых миграционных потоков в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз). С учетом того факта, что углубление экономической интеграции государств – членов Союза (Армении, Беларуси, Казахстана, Киргизии и России) во многом зависит и от эффективной работы общего рынка труда, особенно актуальным представляется обеспечение соответствия новых, в том числе законодательных мер, направленных на преодоление негативных последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), правовым условиям его развития. Проводимый авторами анализ базируется на двухуровневой системе изучения соответствующих правовых норм, включающей уровень международных договоров и актов, составляющих право ЕАЭС, и уровень национального законодательства государств – членов Союза. Хотя в разделе XXVI Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. определена свобода передвижения рабочей силы на евразийском пространстве, однако нормы данного соглашения предусматривают возможность введения определенных ограничений по допуску на общий рынок труда граждан государств – членов Союза. Ввиду того, что соответствующие положения права ЕАЭС были широко апробированы на практике в 2020 г., авторы рассматривают их через призму тех антикризисных и стабилизационных мер, которые были приняты союзными государствами в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции. Вместе с тем вводимые ограничения исследуются в настоящей работе с применением сравнительного метода анализа: в каком объеме в национальном законодательстве союзных стран изменилась степень регламентации правового положения граждан государств – членов Союза на территориях государства пребывания. В заключительной части настоящей статьи авторы дают оценку правового соответствия принятых мер уставным целям ЕАЭС, а также рассматривают актуальные проблемы в сфере дальнейшего развития согласованной и эффективной системы регулирования миграционных процессов с учетом действий государств по предупреждению и предотвращению распространения коронавирусной инфекции.

Ключевые слова Евразийский экономический союз; евразийская интеграция; общий рынок труда; миграционные процессы; трудовая миграция; COVID-19.

Введение

Прогрессивные интеграционные процессы на евразийском пространстве за последние несколько лет позволили устранить ключевые барьеры, ограничивающие

доступ трудящихся государств – членов ЕАЭС на национальные рынки труда¹, а обеспечение реализации одной из четырех составляющих экономических свобод – свободы перемещения трудовых ресурсов – стало одним из ключевых условий перехода евразийского проекта на новый, более глубокий уровень интеграции. При этом если ранее укрепление интеграционных процессов в обозначенной сфере ставилось в зависимость от различий в уровнях экономического развития «пятерки» [Воронина, 2017: 95], то в условиях актуальной политико-экономической конъюнктуры фактором значительного замедления миграционных потоков стало распространение новой коронавирусной инфекции COVID-19. Так, общее число трудящихся-мигрантов стран Союза лишь в первом полугодии 2020 г. по сравнению с тем же периодом 2019 г. сократилось почти на 41% – с 471 тыс. трудящихся до 279 тыс.²

Для целей настоящего исследования полагаем целесообразным обозначить два уровня правового регулирования трудовой миграции – наднациональный, или право ЕАЭС³, и национальный, включающий в себя законодательства государств – членов Союза.

Первый уровень правового регулирования – наднациональный

Наднациональный уровень правового регулирования охватывает Договор о Евразийском экономическом союзе, международные договоры и соглашения ЕАЭС, в том числе с третьими странами, решения и распоряжения, принимаемые высшими органами Союза. При значительном объеме нормативной базы, определяющей режим труда граждан государств – членов ЕАЭС, учредительный договор, тем не менее, является основополагающим для правового взаимодействия государств в обозначенной сфере [Иванчак, 2015: 90]. В этом контексте также важно обратить внимание на вывод, представленный Судом ЕАЭС в решении по спору России с Республикой

¹ Положения Договора о Евразийском экономическом союзе, в частности раздел XXVI, вывели на качественно новый уровень институционально-правовое регулирование миграционных потоков на евразийском пространстве: обеспечение свободы передвижения в рамках Союза граждан при осуществлении ими трудовой деятельности и членов их семей, нераспространение мер по защите национального рынка труда и правил миграционного учета в отношении трудящихся мигрантов государства – члена Союза, освобождение от необходимости заполнения миграционных карт при пересечении границы другого государства – члена Союза по одному из действительных документов, допускающему проставление отметок органов пограничного контроля о пересечении государственной границы, взаимное признание документов об образовании без проведения соответствующих процедур аккредитации за некоторыми исключениями в ряде сфер, правовое обеспечение интеграции трудящихся мигрантов и членов их семей в социальную систему страны-реципиента путем предоставления права на равное с гражданами страны трудоустройства социальное обеспечение, равно как и получение бесплатной неотложной и экстренной медицинской помощи. Более подробно см.: Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 01.10.2019). Раздел XXVI: Трудовая миграция // КонсультантПлюс [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 (дата обращения: 07.02.2021).

² Брифинг помощника Председателя Коллегии ЕЭК Ии Малкиной от 25.11.2020. // Евразийская экономическая комиссия [сайт]. 25.11.2020. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-11-2020-2.aspx> (дата обращения: 07.02.2021).

³ Статья 6 Договора о Евразийском экономическом союзе вводит понятие «право ЕАЭС», которое образуют следующие составляющие: сам учредительный договор; международные договоры, заключаемые в рамках Союза и между ЕАЭС и третьей стороной; решения и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета, Евразийского межправительственного совета и Евразийской экономической комиссии, принятые в рамках их компетенции. Более подробно о «праве ЕАЭС» см.: [Ануфриева 2016: 59–69; Капустин 2015: 48–62].

Беларусь от 21 февраля 2017 г: нормы договоров, заключенных в рамках Союза, приоритетны над существующими и применимыми внутренними нормами государств – членов ЕАЭС⁴.

Ключевыми положениями Договора о Евразийском экономическом союзе в соответствующей сфере правового регулирования являются нормы статьи 97, предусматривающие отмену ограничений по допуску трудящихся государств – членов Союза на общий рынок трудовых ресурсов: страны «пятерки» не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда⁵. Закрепление данных норм в праве ЕАЭС исключает для трудящихся государств – членов Союза применение миграционного квотирования иностранных работников на территории государства трудоустройства, равно как и обязательную выдачу разрешения на работу, которая действует, в свою очередь, в отношении трудящихся-мигрантов из третьих стран.

Тем не менее вышеуказанная статья договора предусматривает дискрецию для союзных государств в установлении по отношению к своим трудящимся определенных ограничений в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка⁶.

Общими для пяти государств являются также ограничения в определенных сферах, где иностранные лица вне зависимости от своего гражданства не вправе осуществлять трудовую деятельность: государственная и муниципальная служба, адвокатура и нотариат, частная охранная деятельность, разработка и реализация наркотических средств и психотропных веществ.

Конкретный перечень ограниченных сфер деятельности, вводимых на своей территории государствами – членами ЕАЭС в отношении трудящихся-мигрантов Союза, представлен в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 112 «Об утверждении индивидуальных национальных перечней ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского экономического союза для Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации», действующем в редакции от 16 октября 2015 г. (далее – индивидуальный национальный перечень ограничений). В настоящее время Россия выступает за организацию системной работы по устранению и сокращению ограничений в государствах – членах ЕАЭС. До начала содержательной проработки данного вопроса российская сторона исходит из необходимости для союзных государств совместно с Евразийской экономической комиссией определить, должны ли устраняться изъятия и ограничения на зеркальной основе, каковы будут критерии выбора подлежащих устранению изъятий и ограничений, как и кем будут определяться сроки их исключения.

Помимо этого, определенного рода ограничением для трудящихся государств – членов ЕАЭС является обязательность прохождения установленной законодатель-

⁴ П. 5 Решения Большой коллегии Суда ЕАЭС от 21 февраля 2017 г. № СЕ-1-1/1-16-БК «Об установлении факта исполнения Республикой Беларусь не в полном объеме положений статей 1, 3, 4, 25 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014, статьи 125 Таможенного кодекса Таможенного союза, статей 11 и 17 Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств – членов Таможенного союза от 21.05.2010» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты российской Федерации [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/reshenie-suda-evraziiskogo-ekonomicheskogo-soiuza-ot-21022017-ob-ustanovlenii/> (дата обращения: 07. 02.2021).

⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе от 25 мая 2014 г., статья 97.

⁶ Там же.

ством государства трудоустройства процедуры признания документов об образовании для занятия педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельностью, в то время как для осуществления трудовой деятельности во всех других сферах принимаются на взаимной и равной основе документы об образовании без проведения вышеуказанной процедуры признания, согласно положениям соглашений, заключенных между правительствами стран ЕАЭС на двусторонних и многосторонних уровнях⁷.

Второй уровень правового регулирования – национальный

Второй уровень правового регулирования трудовой миграции в рамках Союза – национальный – предусматривает четкое определение вводимых ограничений трудовой деятельности для трудящихся государств – членов ЕАЭС в национальных законодательных актах каждого из пяти государств. Российская Федерация, согласно действующему законодательству⁸, не допускает иностранных лиц к работе в структурных подразделениях, деятельность которых связана с использованием сведений, составляющих государственную тайну, объектах и организациях Вооруженных Сил Российской Федерации, организациях, деятельность которых связана с ядерным оружием, радиационно опасными материалами и изделиями, а также к работе в сферах трудовой деятельности, определенных в индивидуальном национальном перечне ограничений.

Законодательство Республики Беларусь, в свою очередь, запрещает замещение иностранными лицами, вне зависимости от страны гражданства, должности прокурорского работника, судьи, государственного и частного нотариуса, работника Комитета государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных

⁷ Соглашение между Правительством Республики Беларусь, Правительством Республики Казахстан, Правительством Кыргызской Республики, Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях от 24.11.1998 (ред. от 26.02.2002) // КонсультантПлюс [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22578 (дата обращения: 07.02.2021); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях (Заключено в г. Москве 27.02.1996) (ред. от 18.07.2012) // КонсультантПлюс [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88637 (дата обращения: 07.02.2021); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения о взаимном признании документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях (Ереван, 15 сентября 2001 г.) // ГАРАНТ [сайт]. URL: <http://base.garant.ru/1155993> (дата обращения: 07.02.2021) и др.

⁸ Более подробно см.: Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // КонсультантПлюс [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868 (дата обращения: 07.02.2021); Закон РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993 № 5485-1 (последняя редакция) // КонсультантПлюс [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481 (дата обращения: 07.02.2021); Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601 (дата обращения: 07.02.2021); Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329 (дата обращения: 07.02.2021) и др.

органов, сотрудника органов внутренних дел, органов финансовых расследований⁹.

Законодательные акты, предусматривающие определенные ограничения в статусе трудовых мигрантов на территории Казахстана, связаны, помимо всего прочего, с профессиональной деятельностью адвокатов, патентных поверенных, работников, задействованных в сфере ядерной энергетики и обращения с радиоактивными отходами¹⁰.

В свою очередь, в Законе Республики Армения «Об иностранных лицах» не содержится указания на конкретные ограничения в трудовой деятельности применительно к иностранным лицам, однако такого рода предписания изложены в ряде специальных законов, большинство норм которых носят отсылочный характер и дублируются в индивидуальном национальном перечне ограничений (см.: [Евразийское трудовое право, 2017: 105]).

В отношении трудового законодательства Кыргызской Республики отметим, что общие положения об ограничениях применительно ко всем категориям иностранцев закреплены в ст. 7 Закона «О правовом положении иностранных граждан в Кыргызской Республике». Тем не менее, поскольку правовая регламентация конкретных вопросов в сфере трудовой миграции осуществляется в отсутствие четкости в разграничении предметов регулирования целого ряда законов, представляется целесообразным руководствоваться положениями вышеуказанного индивидуального национального перечня ограничений, подробно определяющего сферы действующих для трудящихся государств – членов Союза ограничений на территории Кыргызской Республики.

Практическое применение правовых возможностей ограничения трудовой миграции

В части введения ограничений в целях обеспечения безопасности и общественного порядка отметим, что примером практического применения данного договорного положения стало решение четырех государств – членов ЕАЭС (Армении, Казахстана, Киргизии и России) запретить въезд на свою территорию иностранных граждан, в том числе из союзных государств, в целях повышения эффективности осуществления превентивных мер по предотвращению распространения коронавирусной инфекции. При этом Республика Беларусь воздержалась от принятия жестких ограничительных мер (прежде всего, закрытия границ) в целях предупреждения ухудшения эпидемиологической ситуации.

⁹ Более подробно см.: Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь» // Законодательство стран СНГ [сайт]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=30108 (дата обращения: 07.02.2021); Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 225-З «О внешней трудовой миграции» // Законодательство стран СНГ [сайт]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=32475 (дата обращения: 07.02.2021); Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» // Законодательство стран СНГ [сайт]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3688 (дата обращения: 07.02.2021) и др.

¹⁰ Более подробно см.: Закон Республики Казахстан от 19 июня 1995 г. № 2337 «О правовом положении иностранных граждан в Республике Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2021 г.) // § ЮРИСТ: база данных правовой информации. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1003764 (дата обращения: 07.02.2021); Закон Республики Казахстан от 23 ноября 2015 г. № 416-V «О государственной службе Республики Казахстан» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 11.01.2021 г.) // § ЮРИСТ: база данных правовой информации. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36786682 (дата обращения: 07.02.2021) и др.

Вместе с тем в условиях практического применения статьи 97 Договора о ЕАЭС правительствами государств – членов Союза был разработан и реализован ряд мер по минимизации негативных последствий для общего рынка труда ЕАЭС и сохранения занятости населения.

В частности, в рамках введенного в Республике Армения чрезвычайного положения срок пребывания иностранных граждан был продлен до окончания действия данного режима. По решению межведомственной Комиссии по координации работ по профилактике распространения коронавирусной инфекции, при окончании срока пребывания всем иностранным гражданам предоставлялось 20 дней для выезда из страны или оформления необходимых документов для дальнейшего пребывания на территории Республики¹¹.

В соответствии с Постановлением Правительства Республики Казахстан от 11 сентября 2020 г. № 574 сроки пребывания в стране иностранных граждан без визы были продлены до 1 ноября 2020 г. с освобождением от административной ответственности за их несоблюдение. При этом разрешения на въезд и выезд, временное и постоянное проживание, действие которых истекло или истекает в период с 16 марта по 1 ноября 2020 г., были признаны юридически действительными, а исчисление срока нахождения за пределами Республики Казахстан тех иностранцев, которые обладают видом на жительство в Республике Казахстан и в настоящее время находятся за рубежом, было приостановлено¹².

Российской стороной в соответствии с Указом Президента № 274 от 18 апреля 2020 г. «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)¹³ для иностранных граждан была расширена возможность законного нахождения на территории РФ. В частности, если в период с 15 марта по 15 июня 2020 г. у граждан государств – членов ЕАЭС заканчивались срок пребывания без регистрации (первые 30 суток с даты въезда) либо сроки действия регистрации (постановки на миграционный учет), разрешения на временное проживание или вида на жительство, то эти сроки продлевались до 15 сентября 2020 г. автоматически, без необходимости посещения территориальных органов МВД России. Кроме того, в указанный период было приостановлено рассмотрение дел о депортации или административном выдворении при нарушении гражданами государств – членов ЕАЭС законодательства Российской Федерации, а ранее вынесенные (до 15 марта 2020 г.) соответствующие решения откладывались. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2020 г.

¹¹ Более подробно см.: Временные меры в сфере миграции предоставляют возможность законного нахождения гражданам государств-членов на территориях государства пребывания в рамках ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия [сайт]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/migration/Pages/covid.aspx> (дата обращения: 07.02.2021).

¹² Постановление Правительства Республики Казахстан от 11 сентября 2020 г. № 574 «О признании действительными некоторых документов граждан Республики Казахстан и иных лиц, пребывающих на территории Республики Казахстан» // § ЮРИСТ: база данных правовой информации. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34143665 (дата обращения: 07.02.2021).

¹³ Указ Президента Российской Федерации от 18 апреля 2020 г. № 274 (ред. от 02.01.2021) «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // КонсультантПлюс [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350638 (дата обращения: 07.02.2021).

№ 1170-р «О внесении изменений в некоторые распоряжения Правительства РФ»¹⁴ ограничение на выезд за пределы Российской Федерации перестало применяться к гражданам Российской Федерации, имеющим также иное гражданство либо вид на жительство или иной действительный документ, подтверждающий право на постоянное проживание в иностранном государстве, для однократного выезда из России к месту постоянного проживания.

Заключение

Хотя некоторые партнеры по Евразийскому экономическому союзу подверглись критике за односторонние и несогласованные шаги во время пандемии COVID-19¹⁵, тем не менее в условиях реализации положений статьи 97 учредительного договора, а именно введения определенных ограничений для трудящихся государств – членов ЕАЭС, такие действия не противоречили нормам права ЕАЭС. В подтверждение данной позиции приведем соответствующее разъяснение Суда Евразийского экономического союза. Ключевым положением Консультативного заключения, вынесенного 7 декабря 2018 г. Большой коллегией Суда¹⁶, является то, что государственные меры по введению ограничений должны быть пропорциональны, то есть соответствовать достижению поставленных задач по обеспечению национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка, и предусматривать лишь то, что необходимо для их достижения. На наш взгляд, несомненен тот факт, что в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки принимаемые государствами – членами ЕАЭС оперативные меры в полном объеме соответствовали заявленным критериям и уставным целям Союза и в то же время были направлены на сохранение условий для стабильного развития единого рынка трудовых ресурсов.

Вместе с тем органам наднационального управления миграционными процессами в долгосрочной перспективе еще предстоит провести объемную и последовательную работу по решению ряда правовых вопросов в сфере формирования и функционирования внутреннего рынка труда Союза, не ограничивающуюся лишь разрешением последствий введенных ограничений. В частности, необходимы правовое закрепление «зеркальных» обязательств Сторон по предоставлению медицинской помощи трудящимся и членам их семей во всех государствах – членах Союза; разработка правовых норм, предусматривающих особый статус мигрантов, что позволит обеспечить единовременность регистрационных процедур и снизить теневую занятость; проработка вопросов предоставления гражданам ЕАЭС, имеющим долгосрочные трудовые договоры, права на временное или постоянное проживание в стране

¹⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2020 г. № 1170-р «О внесении изменений в некоторые распоряжения Правительства РФ» // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал. 30.04.2020. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73869855> (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁵ Лукашенко призвал страны ЕАЭС не принимать эгоистичные решения в борьбе с COVID-19 // Интерфакс-Запад. Информационное агентство. 14.04.2020. URL: https://interfax.by/news/policy/vneshnyaya_politika/1274565 (дата обращения: 07.02.2021).

¹⁶ Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 07 декабря 2018 г. «О разъяснении применения пункта 2 статьи 97 Договора о ЕАЭС в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств – членов ЕАЭС, и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений к данной категории лиц при осуществлении трудовой деятельности» // КонсультантПлюс [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_313086 (дата обращения: 07.02.2021).

трудоустройства для целей повышения комфортности ведения трудовой деятельности на едином рынке труда; законодательная проработка возможности изменения цели въезда без выезда за пределы государства пребывания в случае трудоустройства граждан государств ЕАЭС. Не менее важным представляются формирование системы обмена правовой информацией об административных правонарушениях и предоставления гражданам возможности уплаты штрафов в любой стране Союза, равно как и объединение существующих цифровых и информационных систем пяти стран ЕАЭС, содержащих информацию о свободных рабочих местах и соискателях вакансий, в целях создания единой электронной биржи труда, что лишь подтверждает актуальность совершенствования правовой базы по данному направлению.

Список литературы

Ануфриева Л. П. ЕАЭС и «право ЕАЭС» в международно-правовом измерении // Московский журнал международного права. 2016. №4. С. 48–62. DOI: 10.24833/0869-0049-2016-4-48-62.

Воронина Н. А. Внешняя трудовая миграция в условиях евразийской интеграции: правовые аспекты // Труды Института государства и права РАН. 2017. №1 (59). С. 94–113.

Евразийское трудовое право: учебник / Е. А. Волк, Е. С. Герасимова, С. Ю. Головина [и др.]; под ред. М. В. Лушниковой, К. С. Раманкулова, К. Л. Томашевского. – М.: Проспект, 2017. – 496 с. ISBN: 978-5-392-24887-2.

Иванчак А. И. Правовое регулирование труда работников-мигрантов стран ЕАЭС // Право и управление: XXI век. 2015. № 3(36). С. 84–91.

Капустин А. Я. Право Евразийского экономического Союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права. 2015. №11. С. 59–69.

Сведения об авторах:

Иванов Дмитрий Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: prof.ivanovdv@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1231-6072; РИНЦ Author ID: 639844.

Левина Мария Михайловна, магистр юриспруденции, секретарь-референт Первого департамента стран СНГ МИД России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: marylevis95@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6133-9513; РИНЦ Author ID: 511157.

Статья поступила в редакцию 18.12.2020; принята в печать 10.03.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

ON LEGAL POSSIBILITIES OF LIMITING LABOR MIGRATION WITHIN THE EURASIAN ECONOMIC UNION: FROM THEORY TO PRACTICE IN CONDITIONS OF THE COVID-19 PANDEMIC

Dmitry V. Ivanov

International Law Department, MGIMO University, Moscow, Russia.

E-mail: prof.ivanovdv@gmail.com

Maria M. Levina

First CIS Department, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

E-mail: marylevis95@mail.ru

For citation: Dmitry V. Ivanov, Maria M. Levina. On legal possibilities of limiting labor migration within the Eurasian Economic Union: from theory to practice in conditions of the COVID-19 pandemic. DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 2. P. 77–85. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.6

Abstract. The article is focused on the study of the legal possibilities of restricting labor migration flows within the framework of the Eurasian Economic Union (hereinafter – the EAEU, the Union). Taking into account the fact that the deepening of the economic integration between the EAEU's member states (Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia) also largely depends on the efficient operation of the common labor market, it is especially relevant to ensure that legislative measures aimed at overcoming the negative consequences of the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) fully correspond to the legal conditions for its development. The analysis carried out by the authors is based on a two-level system of studying the relevant legal norms – the level of international treaties and acts that constitute the law of the EAEU, and the level of national legislation of the Union member states. Although Section XXVI of the Treaty on the EAEU secures the freedom of movement of labor in the Eurasian space, the norms of this agreement, however, provide for the possibility of introducing certain restrictions on admission to the common labor market of citizens of the Union member states. In view of the fact that the relevant provisions of the EAEU law were widely tested in practice in 2020, the authors consider them through the prism of those anti-crisis and stabilization measures that have been taken by the states in connection with the threat of further spread of the new infection. At the same time, the imposed restrictions are to be examined in this work with the use of a comparative method of analysis: to what extent the regulation of the legal status of citizens of the Union member states in the territories of the host state has been changed in the national legislation of the Union countries. In the final part of the present article, the authors assess the legal compliance of the taken measures with the statutory goals of the EAEU, as well as review the current problems in the further development of an agreed and effective system for regulating migration processes, given the actions of states to prevent the spread of coronavirus infection.

Key words: Eurasian Economic Union; Eurasian integration; general labor market; migration processes; labor migration; COVID-19.

References

- Anufrieva L. P. Eurasian Economic Union and “the law of the Eurasian Economic Union” as per international law dimension. *Moscow Journal of International Law*. 2016. No. 4. Pp. 48–62. DOI: 10.24833/0869-0049-2016-4-48-62. (In Russ.)
- Ivanchak A. I. Legal regulation of migrant labor in the EEU countries. *Journal of Law and Administration*. 2015. No. 3(36). P. 84–91. (In Russ.)
- Kapustin A. Ya. The law of Eurasian Economic Union: International legal discourse. *Journal of Russian Law*. 2015. No. 11. P. 59–69. (In Russ.)
- Voronina N. A. External labor migration within the framework of the Eurasian integration: legal aspects. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2017. No. 1 (59). P. 94–113. (In Russ.)
- Yevraziyskoye trudovoye pravo [Eurasian labour law]: textbook / E. A. Volk, E. S. Gerasimova, S. Y. Golovina [et al.]; ed. M. V. Lushnikova, K. S. Ramankulova, K. L. Tomashevsky. M.: Prospect publishing house. 2017. 496 p. ISBN: 978-5-392-24887-2. (In Russ.)*

Bio note:

Dmitry V. Ivanov, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, International Law Department, MGIMO University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: prof.ivanovdv@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1231-6072; RSCI Author ID: 639844.

Maria M. Levina, executive assistant, First CIS Department, Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: marylevis95@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6133-9513; RSCI Author ID: 511157.

Received on 18.12.2020; accepted for publication on 10.03.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.

МЕСТНЫЕ УРОЖЕНЦЫ И МИГРАНТЫ В СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И БАШКОРТОСТАНА

Ахметова Г. Ф.

*Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, Уфа,
Россия.*

E-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.7

Для цитирования: Ахметова Г. Ф. Местные уроженцы и мигранты в структуре населения России и Башкортостана // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 86–95. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.7

Аннотация. Автором на основе данных всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., а также микропереписи 2015 г. рассматривается динамика структуры городского и сельского населения России и Башкортостана по представленности в ней двух категорий жителей: «немигрантов» – местных уроженцев, проживающих в месте постоянного жительства безвыездно, и мигрантов – тех, кто проживает с определенного времени, среди которых представлены и местные уроженцы с миграционным опытом. Сравнительный анализ данных переписей позволил выявить тенденции миграционной подвижности населения России и Башкортостана в первые полтора десятилетия нынешнего столетия. Итоги переписи 2002 г. показали доминирование «немигрантов» в составе городского и сельского населения как в целом по стране, так и по Башкортостану. В республике они были представлены больше, чем в России. Активизация миграционных процессов в последующие годы привела к обратному соотношению разных категорий населения в 2010 г. – преобладанию мигрантов и снижению удельного веса местных уроженцев, проживающих безвыездно. В этот период усилились миграционные потоки не только в город, но и в сельскую местность, что сказалось и на более высокой представленности сельских мигрантов. Через пять лет данные микропереписи 2015 г. приблизили структуру населения к ситуации 2002 г. – доминированию местных уроженцев, что в определенной степени говорит о снижении миграционной подвижности населения. На это указывают и результаты репрезентативных социологических исследований как в целом по стране, так и по Республике Башкортостан. В то же время на итоги микропереписи могли повлиять причины организационно-методического характера, связанные с разными подходами в учете наиболее мобильных категорий населения. В основном общая тенденция изменения структуры населения между 2002 и 2015 гг. характеризуется меньшей представленностью мигрантов и большей местных уроженцев в Башкортостане по сравнению с Россией в начале рассматриваемого периода и выравниванием республиканских и общероссийских показателей к 2015 г. В определенной степени это может быть связано с тем, что снижение миграционной подвижности населения в республике было не столь интенсивным как в целом по стране. Предстоящая перепись населения даст возможность получить более полную картину о характере изменений в генетической структуре населения в течение последнего десятилетия.

Ключевые слова: структура населения, местные уроженцы, мигранты, миграционная подвижность, перепись населения.

Введение

Важными источниками для исследования миграционных процессов являются материалы переписей населения. Показательно, что именно на основе их анализа были сформулированы первые концептуальные подходы в изучении миграции, определены закономерности миграционных процессов – так называемые «законы миграции» Г. Равенштейна, основанные на данных переписи населения Великобритании 1841 г. [Grigg, 1977].

Несмотря на определенные методологические трудности в сопоставлении данных за длительный период, материалы переписей дают возможность проследить интенсивность, направленность миграционных потоков, уровень миграционной подвижности населения отдельных территорий. Результаты таких исследований и методология их использования нашли отражение в работах отечественных ученых.

Значение материалов переписей как важного источника для анализа миграционных процессов подчеркивал Переведенцев В. И., отмечая, что их сопоставление

с данными текущей статистики позволяет более полно описывать причинно-следственные зависимости миграционных процессов [Переведенцев, 1975: 48].

О важной роли материалов переписей писала Моисеенко В. М., указывая, что только эти источники позволяют исследовать состав населения по двум категориям – мигрантам и «немигрантам» в сочетании с самыми различными социально-демографическими признаками [Моисеенко, 1997: 30].

В этом контексте Рыбаковский Л. Л. обращался к понятию генетической структуры населения, содержание которой он раскрыл следующим образом: «...как в районах выхода переселенцев, так и в местах их вселения население состоит из различных по генезису частей. Их совокупность образует генетическую структуру. В ней, прежде всего, выделяется коренное и пришлое население, в свою очередь то и другое состоит из местных уроженцев и уроженцев других мест, а последние распределяются в зависимости от срока пребывания в местах вселения на новоселов и старожилов. Такое деление является основой для оценки уровня стабильности населения той или иной местности» [Рыбаковский, 2019: 466].

В научной литературе существуют разные подходы к определению этих категорий населения. С точки зрения этногенетических процессов коренными жителями, как правило, называют автохтонное, аборигенное население, которое проживает на своей территории издревле, испокон веку, в отличие от пришлого, прибывшего и осевшего позже [Этнология, 2005: 8]. В то же время в контексте исследования социальных, демографических, миграционных процессов понятие «коренное население» рассматривается иначе – с позиции рождения на исследуемой территории в границах одного-трех поколений. В частности, к коренным жителям Зайончковская Ж. А. и Переведенцев В. И. относили тех, кто родился в данной местности, т. е. местных уроженцев [Зайончковская, 1965; Рыбаковский, 2019].

К новоселам относят лиц, переселившихся и проживших на новом месте жительства менее десяти лет; к старожилам – более указанного периода [Демографическая энциклопедия, 2013: 536; Рыбаковский, 2019: 304]. В то же время при анализе проблем приживаемости новоселов часто рассматривается период в два и менее года [Топилин, 2018: 30].

В работах советского и постсоветского периода показатель представленности разных категорий населения в зависимости от миграционного опыта и длительности проживания активно использовался при анализе миграционных процессов на основе материалов переписей.

Переведенцевым В. И. при исследовании миграционных процессов в Западной Сибири было определено соотношение местного и прибывшего населения в крае, темпы миграционного прироста в разные десятилетия. В частности, он выявил, что в 1939–1959 гг., несмотря на значительный, почти вдвое превышающий по стране в целом, общий прирост населения, в Западной Сибири миграция не имела положительных значений. [Переведенцев, 1965: 10].

Особенно высоко ученым, как и другими советскими исследователями, оценивалась перепись 1926 г., в которой вопросы по миграции, по его мнению, были представлены намного полнее, чем в переписи 1970 г., куда они были включены после длительного перерыва 1939 и 1959 гг. [Переведенцев, 1975: 48].

Подробный анализ структуры населения России, в т. ч. Дальнего Востока, через выделение в ее составе разных категорий населения был проведен Рыбаковским Л. Л. Эти вопросы ученым рассматривались через призму третьей стадии миграционного

процесса, содержанием которой является приживаемость новоселов. Исследователем проанализирована динамика миграционной активности населения в советский период. Он отмечал, что процессы индустриализации, Великая Отечественная война внесли существенные изменения в соотношение между местными уроженцами и мигрантами [Рыбаковский, 2019: 457].

Анализ данных переписи 1926 г. позволил Рыбаковскому Л. Л. выявить тенденцию существенного сокращения в населении доли местных уроженцев, которая на Дальнем Востоке была значительно меньше, чем в Центрально-Черноземном регионе. [Рыбаковский, 2019: 456].

Динамику соотношения этих категорий населения в экономических районах страны, а также в городе и на селе в течение четырех десятилетий, охвативших конец и начало двух столетий (с 1970 г. по 2010 г.), рассмотрели Топилин А. В., Воробьева О. Д. и др. В частности, они выявили разные темпы прироста новоселов в отдельные межпереписные периоды: значительный их рост к 1979 г., особенно в азиатской части страны, и снижение прироста – к 1989 г. Ученые отметили существенные колебания доли мигрантов между переписями 1989, 2002, 2010 гг.: значительное их снижение к 2002 г. и рост к 2010 г. [Топилин, 2016: 31, 32, 34].

Подробный анализ социально-демографической структуры мигрантов в общероссийском и региональном аспектах проведен на основе данных микропереписи 2015 г. учеными Института демографии НИУ ВШЭ. Авторы, рассматривая представленность накопленных мигрантов в разных возрастных, гендерных, социально-территориальных группах, отмечают наибольший их рост к 24-м годам, относительно большую миграционную активность мужского населения по сравнению с женским и сельского – по сравнению с городским. Ученые указывают, что наличие факторов, сдерживающих миграцию населения (жилищные проблемы, трудности с пропиской и другие), способствуют относительно большей представленности лиц без миграционного опыта [Карачурина и др., 2018: 394–399].

Российскими учеными проводится анализ материалов переписей населения при исследовании миграционных процессов не только в России, но и в зарубежных странах. Так, Абылкаликов С. И. на основе выделения категории «пожизненных мигрантов» (лиц, у которых по материалам переписей не совпадают место рождения и жительства) рассматривает особенности внутренних миграций в разных странах – Венесуэле, Индии, США, а также объемы миграции в Россию из стран постсоветского пространства [Абылкаликов, 2015, 2016].

Для анализа генетической структуры населения исследователи обращаются и к социологическим данным. Например, Максимовой А. С. на основе результатов лонгитюдного исследования «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения» НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проанализирована генетическая (генезисная) структура населения России с 1998 по 2018 г. Автором сделаны выводы о росте доли местных уроженцев в течение рассматриваемого периода, о тенденции снижения миграционной подвижности населения России в последние годы [Максимова, 2021].

Таким образом, в перечисленных и других работах отечественных ученых показатель представленности разных категорий населения широко используется при анализе интенсивности и характера миграционных процессов на определенных территориях. Однако отсутствие вопросов о месте рождения и длительности проживания в определенные годы проведения переписей ограничивает возможности науч-

ного анализа этих данных за длительной период. Как дополнительный источник в этом отношении могут служить результаты социологических исследований.

Источники и методы

В статье проводится сравнительный анализ динамики изменения структуры населения России и Башкортостана – одного из крупных по численности населения российских регионов, в первые полтора десятилетия XXI в. в зависимости от представленности двух категорий жителей. К первым относятся лица, проживающие в месте постоянного жительства с рождения, безвыездно, и не имеющие миграционного опыта; ко вторым – лица, которые родились и прибыли из других территорий, а также местные уроженцы, проживающие в месте своего рождения с перерывами и имеющие миграционный опыт. Первую категорию мы будем обозначать как «местных уроженцев» или «немигрантов», вторую – как «мигрантов».

Эмпирическую базу исследования составили материалы всероссийских переписей населения 2002¹ и 2010 гг.², а также микропереписи 2015 г.³ по России и Республике Башкортостан. В указанные годы в переписных листах были сформулированы вопросы о месте рождения, продолжительности проживания, предыдущем месте жительства, что дает возможность выявить разные категории жителей в составе населения в зависимости от миграционного опыта.

Автором в качестве дополнительного источника используются данные репрезентативных социологических исследований, проведенных в Республике Башкортостан в 2007 и 2015 гг.⁴

Результаты анализа

По итогам переписи 2002 г. разница в соотношении разных категорий населения была в пользу местных уроженцев. Не имели миграционного опыта и проживали в своих населенных пунктах с рождения около 78 млн жителей страны или 55%; имели миграционный опыт около 62 млн – 43,6%. Доля мигрантов была больше в населении городов (45,1%), чем сел (39,6%), так как города – это место притяжения мигрантов, и преимущественно – из сел (см. табл.1).

В Республике Башкортостан итоги переписи 2002 г. также показали доминирование лиц, никогда не менявших место жительства. Однако их было значительно

¹ Всероссийская перепись населения 2002 года [сайт]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 16.12.2020).

² Том 1. Численность и размещение населения // Всероссийская перепись населения 2010 [сайт]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 16.12.2020).

³ Итоги микропереписи населения // Микроперепись населения 2015 [сайт]. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 16.12.2020).

⁴ Социологические исследования: «Демографическое развитие Республики Башкортостан», 2007 г., объем выборки – 1000 человек; 2) «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года», 2015 г., объем выборки – 6264 человек. Выборка вероятностная, стратифицированная по типу населенного пункта и социально-экономической зоне РБ с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по возрасту, полу, национальности и уровню образования. Метод исследования: личное интервью по месту жительства респондентов. Организатор исследований: Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (ранее – Институт социально-политических исследований РБ) и Башкирский филиал Института социологии ФНИСЦ РАН в 2015 г.

больше, чем в целом по России – примерно две трети всего населения республики: 62% или 2,5 млн человек. Соответственно, мигрантов в республике было меньше, чем по стране – 38% или 1,5 млн человек. В городской местности Башкортостана их доля была больше (43%) как в среднем по республике, так и по сельской местности (29%) (см. табл.2).

Таблица 1.

Соотношение местных уроженцев и мигрантов в населении России (по материалам переписей 2002, 2010 гг. и микропереписи 2015 г.)

Table 1.

The ratio of local natives and migrants in the population of Russia (based on the data of the censuses of 2002, 2010 and the micro-census of 2015)

	Все население		Городское		Сельское	
	Человек	%	Человек	%	Человек	%
2002 г.						
Все население, в т.ч. проживают	141 684 498	100	104 215 242	100,0	37 469 256	100
Непрерывно с рождения	77 910 485	55,0	55 425 415	53,2	22 485 070	60
Не с рождения	61 843 409	43,6	47 002 998	45,1	14 840 411	39,6
Не указали	1 930 604	1,4	1 786 829	1,7	143775	0,4
2010 г.						
Все население, в т.ч. проживают	140960073	100	103 940 950	100	37 019 123	100
Непрерывно с рождения	62 586 256	44,4	47 901 907	46,0	14 684 349	39,7
Не с рождения	72 741 028	51,6	50 847 183	49,0	21 893 845	59,1
Не указали	5632789	4,0	5191860	5,0	440 929	1,2
2015 г.						
Все население, в т.ч. проживают	2 154 254	100	1 414 547	100	739 707	100
Непрерывно с рождения	1 231 502	57,2	849 479	60,0	382 023	51,6
Не с рождения	909 784	42,2	554 173	39,2	355 611	48,0
Не указали	12968	0,6	10 895	0,8	2 073	0,4

Меньшую представленность мигрантов в составе жителей Башкортостана можно объяснить относительно низкой миграционной подвижностью населения, чем в России; большей направленностью миграционных потоков в города и низкой – в села.

В течение следующих лет происходило усиление миграционных процессов как по стране, так и по отдельным ее регионам, что привело к доминированию в 2010 г. мигрантов в структуре населения. Как отмечают Топилин А. В. и Воробьева О. Д., рост представленности мигрантов в структуре населения наблюдался во всех экономических районах страны [Топилин, 2016: 34, 35].

В населении России мигранты составили чуть более половины – 51,6% или более 72, млн человек; лица, проживающие в своих населенных пунктах с рождения – 44,4% или 62,5 млн человек. Особенно сильно эти изменения произошли на селе. Так, если в городе доля мигрантов выросла до 49%, то на селе – до 59%.

Похожие тенденции наблюдались и в Башкортостане. По итогам 2010 г. доля мигрантов по республике в целом выросла до 54,3% (2,2 млн человек), в городе – до

49,6%, на селе – до 61,4%. Как видно, за межпереписной период в сельской местности республики доля мигрантов увеличилась почти вдвое. Можно предположить, что между 2002 и 2010 гг. усилились миграционные потоки в сельскую местность, как из городов, так и из сел.

В последующие годы можно было ожидать дальнейшего роста удельного веса мигрантов. Однако микроперепись 2015 г. зафиксировала их сокращение как в целом по России (до 42,2%), так и среди городского (39,2%) и сельского населения (48%). При этом общероссийские и «городские» показатели оказались ниже значений 2002 г.

По мнению исследователей, такая ситуация во многом связана с вопросами организационно-методического характера. Например, разными подходами в учете «мобильных» категорий населения (студентов и др.). Возможно, в 2002 и 2010 гг. они были переучтены, тогда как в 2015 г. – недоучтены. На итоги микропереписи 2015 г. мог повлиять и характер выборки домохозяйств [Карачурина и др., 2018: 401].

Таблица 2.

Соотношение местных уроженцев и мигрантов в населении Башкортостана (по материалам переписей 2002, 2010 гг. и микропереписи 2015 г.)

Table 2.

The ratio of local natives and migrants in the population of Bashkortostan (based on the data of the censuses of 2002, 2010 and the micro-census of 2015)

	Все население		Городское		Сельское	
	Человек	%	Человек	%	Человек	%
2002 г.						
Все население, в т.ч. проживают	4 066 649	100	2 592 909	100	1 473 740	100
Непрерывно с рождения	2 517 121	61,9	1 472 906	56,8	1 044 215	70,8
Не с рождения	1 546 699	38	1 117 297	43,1	429 402	29,1
Не указали	2829	0,1	2706	0,1	123	0,1
2010 г.						
Все население, в т.ч. проживают	4 037 405	100	2 434 655	100	1 602 750	100
Непрерывно с рождения	1 757 316	43,5	1 146 945	47,1	610 371	38,1
Не с рождения	2 192 133	54,3	1 208 077	49,6	984 056	61,4
Не указали	87 956	2,2	79633	3,3	8323	0,5
2015 г.						
Все население, в т.ч. проживают	46 444	100	26 501	100	19943	100
Непрерывно с рождения	26 399	56,8	15 923	60,0	10 476	52
Не с рождения	20 042	43,2	10 575	40,0	9 467	48
Не указали	3	0,2	3	0,0	0,0	0,0

В Башкортостане результаты микропереписи 2015 г. были отличны от российских. Доля мигрантов по республике, а также в сельской местности снизилась, но не опустилась ниже значений 2002 г. и составили 43,2% и 48% соответственно. В городе же они стали меньше, чем в 2002 г.: доля мигрантов составила 40%.

Репрезентативные социологические данные по Республике Башкортостан также показывают снижение доли мигрантов в составе населения между 2007 и 2015 гг.

В течение восьми лет как в целом по республике, так и в отдельных типах поселений их доля сократилась с 42–43% до 32–33% (см. табл.3)⁵.

Согласно социологическим данным НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), в течение последнего десятилетия аналогичная динамика в соотношении мигрантов и местных уроженцев, никогда не выезжавших за пределы своего населенного пункта, наблюдалась и в целом по России. В 1998, 2008 и 2018 гг. доля мигрантов составила 49,9; 47,7; 42,9%, соответственно [Максимова, 2021].

Если рассматривать динамику общей структуры населения России и Башкортостана (без выделения городского и сельского населения), то можно увидеть, что к концу рассматриваемого периода (к 2015 г.) она сложилась в одинаковом соотношении и в стране, и в республике: примерно по 57% проживающих с рождения; по 42–43% – с определенного времени. Такое сближение показателей вероятно произошло как за счет сокращения доли мигрантов в России и их увеличения в Башкортостане.

Таблица 3.

Соотношение местных уроженцев и мигрантов в населении Башкортостана (по данным социологических исследований 2007, 2015 гг., %)

Table 3.

The ratio of local natives and migrants in the population of Bashkortostan (according to the data of sociological studies in 2007, 2015, %)

Проживают	РБ		Города		Село	
	2007	2015	2007	2015	2007	2015
Непрерывно с рождения	57,3	67,0	57,6	66,4	56,9	68,0
Не с рождения	42,7	33,0	42,4	33,6	43,1	32,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Выводы.

Таким образом, материалы переписей населения дают возможность проследить структуру населения отдельных территорий через призму миграционной подвижности населения – представленности жителей, имеющих и не имеющих миграционного опыта. Отечественными учеными данный показатель генетической структуры населения активно использовался при исследовании миграционной подвижности населения страны и отдельных ее территорий в советский и постсоветский периоды.

Проведенный анализ данных переписей по России и Башкортостану показал, что в республике в основном наблюдались те же тенденции, что и в стране – повышение миграционной подвижности населения между переписями 2002 и 2010 гг. и ее снижение между 2010 и 2015 гг. Однако это снижение в Башкортостане было не столь значительным, как в России, что приблизило республиканские показатели к общероссийским по представленности мигрантов и «немигрантов». В полной мере оценить характер изменений в генетической структуре населения страны и регионов в течение последнего десятилетия мы сможем благодаря предстоящей переписи населения.

⁵ Отличия данных микропереписи и социологического исследования 2015 г. во многом связано с разными возрастными границами выборок: при социологическом опросе опрашивалось взрослое население старше 18-ти лет.

Список литературы

- Абылкаликов С. И.* Изучение миграционных процессов в переписях населения в разных странах мира // Социально-политические и эколого-хозяйственные проблемы развития балтийского региона / отв. ред. А. И. Слинчак. – Псков: Изд-во Псков. гос. ун-та, 2015. – С. 99–106.
- Абылкаликов С. И.* Уроженцы стран бывшего СССР в структуре населения современной России // Социологические исследования. 2016. № 4. С. 42–49.
- Демографическая энциклопедия* / [С. Ю. Аксенов и др.]; редкол.: гл. ред. А. А. Ткаченко и др. – М.: Энциклопедия, 2013. – 942 с. ISBN: 978-5-94802-051-8.
- Зайончковская Ж. А., Переведенцев В. И.* Проблемы приживаемости новоселов и методы их изучения // Известия СО АН СССР. 1965. № 5. Вып. 2.
- Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Абылкаликов С. И.* Внутривососсийская миграция населения и новые данные микропереписи населения 2015 г. о миграционной активности россиян // Население России 2016: Двадцать четвертый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – С. 376–405.
- Максимова А. С.* Генезисная структура населения России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 1. С. 31–37. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.3.
- Моисеенко Т. В.* Миграция населения в переписях России и СССР // Вопросы статистики. 1997. № 3. С. 30–37.
- Переведенцев В. И.* Методы изучения миграции населения. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
- Переведенцев В. И.* Миграция населения Западной Сибири. – Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1965. – 95 с.
- Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения. – М.: Издательство «Юрайт», 2019. – 486 с.
- Топилин А. В., Воробьева О. Д., Максимова А. С., Гребенюк А. А., Лебедева Т. В.* Территориальные сдвиги в размещении населения РФ в социально-экономическом развитии регионов. – М.: Креативная экономика, 2018. – 168 с.
- Этнология. Основные понятия и термины.* – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. – 184 с.
- Grigg D. B. E. G.* Ravenstein and the «laws of migration». Journal of Historical Geography. 1977. Vol. 3, No. 1. Pp. 41–54.

Сведения об авторе:

Ахметова (Хилажева) Гюльдар Фаритовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан, Уфа, Россия.

Контактная информация: e-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru, ПИНЦ Author ID: 185209, Scopus Author ID: 55489625300, ORCID ID: 0000-0001-9367-0246.

Статья поступила в редакцию 15.12.2020; принята в печать 10.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

NATIVES AND MIGRANTS IN THE POPULATION STRUCTURE OF RUSSIA AND BASHKORTOSTAN

Guldar F. Akhmetova

Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia.

E-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru.

For citation: Guldar F. Akhmetova. Natives and migrants in the population structure of Russia and Bashkortostan. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 86–95. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.7

Abstract. Based on the data of the All-Russian population censuses of 2002 and 2010, as well as the micro-census of 2015, the author examines the dynamics of the structure of the urban and rural population of Russia and Bashkortostan in terms of the

representation of two categories of residents – local natives living in a place of permanent residence without leaving, and migrants, that is, those who live in a place since a certain time or are a local native with migration experience. A comparative analysis of the population census data revealed the following trends in the migration mobility of the population of Russia and Bashkortostan in the first decade and a half of this century. The results of the 2002 census showed the dominance of “non-migrants” in the urban and rural population both in the whole country and in Bashkortostan. They were more represented in the republic than in Russia. The intensification of migration processes in the following years led to the reverse ratio of different categories of the population in 2010 – the predominance of migrants and a decrease in the proportion of local natives living without leaving. During this period, migration flows increased not only to cities, but also to rural areas, which also affected the higher representation of rural migrants. Five years later, the 2015 micro-census data brought the population structure closer to the situation in 2002 – the dominance of local natives, which to a certain extent indicates a decrease in the migration mobility of the population. However, the results of the micro-census could also be influenced by organizational and methodological reasons related to different approaches to accounting for the most mobile categories of the population. At the same time, the decline in migration activity of the population in the period between 2010 and 2015 is also indicated by the results of representative sociological studies both in the country as a whole and in the Republic of Bashkortostan. The general trend of changes in the population structure between 2002 and 2015 is characterized by a lower representation of migrants and a greater representation of local natives in Bashkortostan compared to Russia at the beginning of the period under review and the alignment of national and all-Russian indicators by 2015. To a certain extent, this may be due to the fact that the decline in migration mobility of the population in the republic was not as intense as in the whole country. The upcoming population census will provide an opportunity to get a more complete picture of the nature of changes in the genetic structure of the population over the past decade.

Keywords: population structure, local natives, migrants, migration mobility, population censuses.

References

- Abylkalikov S. I. Izucheniye migratsionnykh protsessov v perepisyakh naseleniya v raznykh stranakh mira [Study of migration processes in population censuses in different countries of the world]. In: *Sotsial'no-politicheskiye i ekologo-khozyaystvennyye problemy razvitiya baltiyskogo regiona* [Socio-political and ecological-economic problems of the development of the Baltic region]. Ex. ed. A. I. Slinchak. Pskov: Pskov State University Publishing house, 2015. Pp. 99–106. (In Russ).
- Abylkalikov S. I. Natives of the former Soviet Union countries in contemporary Russia. *Sociological Studies*. 2016. No. 4. P. 42–49. (In Russ).
- Demograficheskaya entsiklopediya* [Demographic Encyclopedia] / [S. Yu. Aksenov et al.]; editorial board: Ch. ed. A. A. Tkachenko et al. Moscow: Encyclopedia, 2013. 942 p. ISBN: 978-5-94802-051-8. (In Russ).
- Etnologiya. Osnovnyye ponyatiya i terminy* [Ethnology. Basic concepts and terms]. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern University, 2005. 184 p. (In Russ).
- Grigg D. B. E. G. Ravenstein and the «laws of migration». *Journal of Historical Geography*. 1977. Vol. 3, No. 1. Pp. 41–54.
- Karachurina L. B., Mkrtychyan N. V., Abylkalikov S. I. Vnutrirossiyskaya migratsiya naseleniya i novyye dannyye mikroperepisi naseleniya 2015 g. o migratsionnoy aktivnosti rossiyan [Intra-Russian population migration and new data from the 2015 microcensus on the migration activity of Russians]. In: *Russia's Population in 2016: 24rd Annual Demographic Report* / Ex. ed. S.V. Zakharov; National Research University Higher School of Economics. Moscow: HSE Publishing House, 2018. 448 pp. (In Russ).
- Maksimova A. S. Genesis structure of the population of Russia. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1, No 1. P. 30–37. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.3. (In Russ).
- Moiseenko T. V. Migratsiya naseleniya v perepisyakh Rossii i SSSR [Population migration in the censuses of Russia and the USSR]. *Voprosy statistiki*. 1997. No. 3. Pp. 30–37. (In Russ).
- Perevedentsev V. I. *Metody izucheniya migratsii naseleniya* [Methods of studying population migration]. Moscow: Nauka, 1975. 231 p. (In Russ).
- Perevedentsev V. I. *Migratsiya naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Migration of the population of Western Siberia]. Novosibirsk: Publishing House “Zapadno-Sibirskoye”, 1965. 95 p. (In Russ).
- Rybakovsky L. L. *Migratsiya naseleniya* [Population migration]. Moscow: Publishing House “Yurayt”, 2019. 486 p. (In Russ).
- Topilin A. V., Vorobieva O. D., Maksimova A. S., Grebenyuk A. A., Lebedeva T. V. *Territorial changes in population distribution in the Russian Federation and socio-economic development of regions*. Moscow: Kreativnaya ekonomika, 2018. 168 p. (In Russ).
- Zayonchkovskaya Zh. A., Perevdeyentsev V. I. Problemy prizhivayemosti novoselov i metody ikh izucheniya [Problems of settling-in of new settlers and methods of their study]. *Izvestiya SO AN SSSR*. 1965. No. 5. Issue. 2. (In Russ).

Bio note:

Guldar F. Akhmetova (Khilazheva), Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia.

Contact information: e-mail: hilazhevagf@isi-rb.ru, RSCI Author ID: 185209, Scopus Author ID: 55489625300, ORCID ID: 0000-0001-9367-0246.

Received on 15.12.2020; accepted for publication on 10.02.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЕ В 1917–1920-Х ГГ.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ГЛОБАЛЬНЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ XX ВЕКА

Наземцева Е. Н.

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия.

E-mail: elenanazz@mail.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.8

Для цитирования: Наземцева Е. Н. Миграционный кризис на российско-китайской границе в 1917–1920 гг.: региональный аспект глобальных миграционных процессов XX века // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 96–112. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.8

Аннотация. В публикации проанализированы причины и особенности миграционного кризиса на российско-китайской границе в 1917–1922 гг. Данный кризис был вызван революцией и Гражданской войной в России. Огромная масса бывших подданных Российской империи, несогласных с новым строем, вынуждена была покинуть родину и в начале 1920-х гг. сформировала на территории Китая одну из самых крупных эмигрантских диаспор в мире. Основная часть остатков Белой армии и гражданского населения пересекла русско-китайскую границу на Дальнем Востоке, образовав в китайском приграничье лагеря русских беженцев. Значительное количество русских перешло границу на западе Китая – в районе провинции Синьцзян, где также возникли несколько лагерей беженцев. Состав русских беженцев вызвал серьезные опасения как центральных, так и приграничных властей Китая: основную часть беженцев представляли хорошо вооруженные опытные военные, прошедшие не только русскую Гражданскую, но и Первую мировую войны и отказывающиеся сдавать оружие, не желавшие никому подчиняться казаки и их атаманы, крестьяне и торговцы из приграничных областей, нуждавшиеся в помощи. Небольшую часть ушедших в Китай русских составляли дворяне и интеллигенция, обосновавшиеся преимущественно в Харбине и Шанхае. Особенность миграционной ситуации на Дальнем Востоке, а также на российско-китайской границе в Центральной Азии заключалась не только в огромной численности прибывших в Китай русских, но и в том, что в самом Китае уже несколько лет развивался тяжелый внутривнутриполитический кризис. Китайские власти были не в силах контролировать обстановку в стране, а русские беженцы усугубили ситуацию. Кроме того, китайские власти не хотели обострять отношения с Советской Россией, которая неоднократно угрожала ввести войска для ликвидации остатков Белой армии, обосновавшихся в китайском приграничье. Это могло серьезно обострить политическую ситуацию и на Дальнем Востоке, и в Центральной Азии. Поэтому китайские власти активно принимали меры для регулирования потока русских беженцев и предотвращения возможного кризиса: перекрывали на некоторых участках границу с Россией, выдворяли беженцев обратно, не выдавали разрешения на пересечение границы и т. д.

Ключевые слова: Россия, Китай, граница, революция, Гражданская война, миграционный кризис, беженцы, лагерь беженцев, консульства.

Введение

Миграция населения – одна из важнейших проблем современного мирового развития. Этот процесс затрагивает социально-экономическую, общественно-политическую, нравственно-психологическую, религиозно-духовную стороны жизни народов и государств. Различные категории мигрирующего населения сегодня – бе-

женцы, переселенцы, репатрианты и эмигранты – являются постоянным объектом обсуждения государственных, общественно-политических структур и научных кругов. Активизация миграционных процессов, как правило, связана с политическими причинами: внутривнутриполитическим кризисом в государстве, сменой политических режимов, борьбой политических групп, гражданскими войнами, агрессивной идеологией и пропагандой находящихся у власти политических элит, репрессиями в отношении одной или нескольких социальных групп населения и т.д. На втором месте по значимости стоят экономические причины: финансовые кризисы, смена экономической политики, связанные с ними ухудшение социальной обстановки, положения населения и т.д. Важной причиной также могут стать и природные факторы: землетрясения, наводнения, пожары и др.

Русский исход после революции 1917 г. и последующей за ней Гражданской войны является одним из первых глобальных миграционных кризисов XX в., вызванных сменой государственного строя. В 1917 – начале 1920-х гг. бывшую Российскую империю покинули по разным данным от двух до четырех млн человек. Исход из России миллионов русских впервые в истории поставил перед мировым сообществом массу новых задач при решении проблем беженцев: определение их правового статуса, выделение нуждающимся русским беженцам и эмигрантам хотя бы минимальной финансовой помощи, оказание им моральной поддержки и т. д.

Главными задачами, требующими безотлагательного решения на первом этапе формирования русского эмигрантского сообщества для международных организаций и государств, в которых оказались русские, были регулирование потоков беженцев, организация беженских лагерей и контроль политической ситуации на границах, через которые следуют потоки русских беженцев.

Безусловно, основное внимание международной общественности было приковано к европейскому театру русской Гражданской войны и исходу остатков Белой армии из Крыма. Однако важным и по масштабности, и по международно-политическим последствиям было и другое направление – восточное – исход русских на восток из Урала, Сибири и Дальнего Востока, так как этот процесс растянулся по всей российско-китайской границе. Учитывая ее протяженность, а также то, что русские, покидая Родину, раздираемую Гражданской войной, оказались в Китае, который уже давно погрузился в водоворот тяжелейшего внутривнутриполитического кризиса, окончание которого в начале 1920-х гг. было еще весьма далеким, ситуация на Дальнем Востоке и в Центральной Азии оказалась еще более сложной, чем в Европе. Определенное влияние оказывали цивилизационные различия местного населения и прибывающих русских, особенно в отдаленных от центра районах Китая. Важным фактором, оказывающим влияние на ситуацию в регионе, было и присутствие здесь интересов великих держав: Японии, США, Англии, а также Советской России. Кроме того, миграционный кризис мог серьезно обострить ситуацию в не успевшей еще успокоиться после восстания 1916 г. Центральной Азии.

Особую роль в описываемый период играли русские консульства в Китае. В 1918–1920 гг. они официально подчинялись сначала российскому Временному правительству, а затем Омскому правительству во главе с Колчаком А. В. Российские консулы пытались контролировать поток русских беженцев и решать вопросы, связанные с оказанием им необходимой помощи. Однако на это не хватало средств, так как финансирование из России не осуществлялось, и консулы вынуждены были использовать для этих целей имеющиеся у них финансы, оставшиеся с дореволюционного

времени. Более того, Омское правительство неоднократно пыталось использовать консульские средства для организации борьбы с большевиками, что вызывало недовольство консулов. Особенно это проявлялось в Синьцзяне.

Миграционные процессы в данном регионе сегодня также довольно значительны и оказывают серьезное влияние на международно-политическую и международно-экономическую ситуацию. В связи с этим изучение миграционного кризиса на российско-китайской границе, развернувшегося в начале XX в., сегодня особенно актуально.

Обзор литературы

Материалами для подготовки данной статьи послужили актуальная научная литература по истории Гражданской войны в России и русской эмиграции в Китае: труды Аблажей Н. Н., Абловой Н. Е., Бармина В. А., Ганина А. В., Говердовской Л. Ф., Залесской О. В., Подалко П. Э., Сабенниковой И. В., посвященные истории русской эмиграции в Китае и Японии, миграционным процессам на Востоке [Аблажей, 2007; Аблова, 1998; Аурилене, 2008; Бармин, 2006; Ганин, 2004; Говердовская, 2004].

Однако следует отметить, что, поскольку в литературе события 1918–1922 гг., развернувшиеся на Дальнем Востоке, достаточно подробно описаны, более пристальное внимание в статье уделено ситуации, сложившейся на западных границах Китая.

Кроме того, для характеристики международной политики в области определения правового статуса русских беженцев важна была литература по международному праву [Гудвин-Гилл, 1997; Потапов, 1986; Сабенникова, 2007 и др.].

Методы исследования и источники информации

При подготовке статьи использовались метод периодизации, историко-системный, историко-сравнительный, историко-генетический методы.

Историко-системный метод позволил представить совокупность действий и советских, и китайских властей в отношении русских военных и гражданских беженцев на завершающем этапе Гражданской войны. Историко-сравнительный метод помог сопоставить и сравнить положение русских беженцев в ряде приграничных провинций Китая, выделить его особенности. Историко-генетический метод дал возможность реконструировать эволюцию миграционного кризиса на российско-китайской границе на фоне меняющейся политической ситуации, показать его особенности в отдельные периоды. Метод периодизации позволил выделить этапы миграционного процесса и связанного с ним кризиса.

Источниками исследования стали неопубликованные архивные документы из Архива внешней политики российской империи (далее – АВП ИИ), Архива внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), Центрального архива Федеральной службы безопасности России (далее – ЦА ФСБ России), Российского государственного военного архива (далее – РГВА), Государственного архива Российской Федерации (далее – ГА РФ), а также Государственного архива Новосибирской области (далее – ГАО).

Важную роль при характеристике личностного отношения к описываемым событиям сыграли и мемуары непосредственных участников событий: Еловского И., Казакова В. Г., Камского, Понькина Ю. [Еловский, 1921; Казаков, 1936; Камский, 1923; Понькин, 1997].

Результаты

Первый шаг в урегулировании проблем беженцев был сделан Советом Лиги Наций, который в июне 1921 г. принял решение о созыве конференции по этому вопросу [Потапов, 1997]. На протяжении 1920-х – 1930-х гг. было проведено несколько конференций, посвященных проблемам русских беженцев. Впервые было дано определение понятия «беженец» [Гудвин-Гилл, 1997].

Однако, несмотря на проводившиеся конференции и принятые в результате меры, полностью проблему беженцев в 1920-е гг. решить не удалось.

На российско-китайской границе в 1920 г. миграционный кризис оказался наиболее масштабным в силу ряда причин. Во-первых, внутривосточная обстановка в Китае была не менее сложной чем в России, так как страну также раздирала гражданская война. Во-вторых, экономическое положение Китая после революции и кризисов начала XX в. было катастрофическим. В-третьих, Китай, в котором в начале 1920-х гг. оказалось около 400 тыс. русских, находился на втором месте по численности русских беженцев после достаточно развитой в экономическом и политическом плане, несмотря на также разразившийся здесь серьезный послевоенный кризис, Германии, где в начале 1920-х гг. нашли приют около 600 тыс. русских. В-четвертых, исход русских в Китай представлял собой не разовую эвакуацию, а несколько волн эмиграции с 1918 г. по 1922 г., а также в более поздний период – в конце 1920-х – начале 1930-х гг. – не затрагивающийся в данной публикации.

Разумеется, положение беженцев непосредственно зависело от руководства тех государств, в которых они оказались, и постоянно менялось из-за изменения политической ситуации [Сабенникова, 2007].

Это касалось и Китая. Первые потоки русских беженцев направились сюда еще в 1918 г. [Аблова, 1998]. Так, по сообщениям российского консула в Цицикаре, весной 1918 г. начался массовый отъезд населения из г. Благовещенска. Уезжающие направлялись по почтовому тракту Айгунь – Цицикар в г. Харбин. По данным самих беженцев, обратившихся за помощью в российское консульство, численность намеревающихся выехать в Китай русских была значительной – около 5 тыс. человек. По мнению же консульства, «даже если эта цифра и является преувеличенной, то все же можно ожидать значительного наплыва беженцев»¹. Некоторые из уже прибывших, не имея средств к существованию, обращались в консульство с ходатайством о выдаче им денег на проезд до станции Цицикар. Однако у консульства уже тогда не было возможности оказать помощь всем нуждающимся, так как, во-первых, их было много, во-вторых, курс рубля был низким и отпущенных консульству еще в 1914 г. денег могло хватить лишь на несколько дней. В связи с этим консул просил российскую миссию в Пекине о помощи и выделении необходимых средств, но получил отказ.

Китайские власти не были в восторге от прибывающих в страну русских беженцев и на местном уровне реагировали довольно жестко. По данным российского вице-консула в Айгуни, к осени 1918 г. ситуация осложнилась, и бывшие русские подданные начали обращаться в консульство с жалобами на китайских солдат, которые переходящих с русской стороны людей выгоняли обратно и пропускали их лишь после получения взятки. Бывали случаи, когда китайские солдаты не принимали выданные русским вице-консульством удостоверения на право проживания в Хэйхэском районе Китая, даже несмотря на их визирование хэйхэским даоинем. Они называли такие удостоверения «хунхузскими», а когда русские заявляли протесты, то китайские

¹ АВП РИ. Ф. 304. Оп. 757/2. Д. 184. Л. 2.

солдаты называли «хунхузом»² даже самого русского вице-консула. Последний неоднократно просил губернатора провинции Хэйлунцзян решить возникшую проблему, так как подобные случаи нарушали «добрососедские отношения между русским и китайским населением, установленный порядок в отношении переходящих границу русских подданных»³. Однако обращения оказывались безрезультатными.

На западных рубежах российско-китайской границы ситуация была не менее сложная. Первые потоки русских беженцев начали направляться из Семиречья в провинцию Синьцзян также в 1918 г. В этот период беженцы были представлены в основном гражданскими людьми: крестьянами, торговцами. Однако власти провинции закрыли границу. Как и на Дальнем Востоке, российские консулы, находившиеся в Синьцзяне, пытались решать вопросы, связанные с пропуском русских в провинцию и оказанием им необходимой помощи. Они постоянно обращались непосредственно к губернатору. Так, управляющий российским консульством в Кашгаре Успенский А. просил губернатора Синьцзяна: «Дабы в будущем устранить всякие даже самые незначительные пограничные недоразумения я прошу Ваше Превосходительство разрешить кашгарскому даоиню и заведующему дипломатическими делами пропускать в Кашгар тех людей, за коих консульство может поручиться. [...] Я надеюсь, что Ваше Превосходительство, внимательно ознакомившись с моим сообщением, отменит Ваше распоряжение о полном закрытии границы и последующем уведомит меня через господина Кашгарского Даоиня»⁴. Но китайские власти не шли на встречу.

Кроме того, уже в 1918 г. в Семиречье была создана Особая комиссия по оказанию помощи беженцам, избранная 4-м кругом Семиреченского казачьего войска. Для оказания помощи российским консульством в Кульдже комиссии было выделено 207 тыс. рублей⁵. На семью отпускалось около 350 рублей⁶.

Из-за закрытия границы руководством провинции лагеря беженцев из России образовывались в непосредственной близости от нее. Например, в Илийском округе Синьцзяна в 1919 г. у самой границы образовался Сюмбинский лагерь беженцев. (Село Сюме сейчас расположено на территории Алматинской области Республики Казахстан – Е. Н.). Несмотря на небольшую численность находившихся в лагере беженцев – 36 человек, положение в нем было тяжелым⁷.

Для оказания помощи российским консульством в Кульдже в ноябре 1919 г. в Сюмбинский лагерь были командированы исполняющий обязанности драгомана консульства Шебалин П. В. и состоявший в распоряжении российского консула прапорщик Лебедев, которые представили подробный отчет, характеризующий положение беженцев в лагере. Согласно этому отчету, беженцы жили в землянках, расположенных в широком и пологом устье ущелья в урочище Малый Караганды. Избушки были разбросаны по обоим сторонам ручья. Тип построек представлял собой три стены вырытых в горе, четвертая была выложена землей, сверху – одна-две толстых балки, на которые положены жерди; все это покрыто хворостом и землей. В каждой землянке была выложена русская печь, сделаны деревянные нары или земляное возвышение.

² Хунхузы (кит. trad. 紅鬃子) – разбойники из китайских ссыльных и беглых солдат в пограничной с Южно-Уссурийским краем местности (Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Павленков Ф. Ф., 1911. 368 с.)

³ АВП РИ. Ф. 304. Оп. 757/2. Д. 184. Л. 222.

⁴ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 87.

⁵ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1580. Л. 1.

⁶ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1580. Л. 6.

⁷ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 174.

В избытках были вставлены рамы или одно стекло, иногда окно было затянато материей или бумагой. Благодаря близости леса, дров не жалели и в землянках было тепло. Однако жилища были маленькими, скудно освещенными, «с громадным количеством мышей», которые уничтожали запасы продовольствия⁸.

Сложно обстояли дела с одеждой: не хватало теплых вещей, многие, в том числе, дети, были разуты. Пища была скудной. Чтобы сгладить ситуацию, в сентябре 1919 г. консульство направило в лагерь хлеб. Кроме того, в ноябре от консульства в лагерь было направлено еще 795 пудов муки⁹. Она была роздана по следующей норме: на взрослого 1 ½ фунт муки на день; ребенка 5 лет – 1 фунт; 4–3 лет – ½ фунта; 2–1 года – ¼ фунта. На ребенка до года муки не полагалось, но зато кормящей матери выдавалось по ¼ фунта на день «ввиду необходимости для нее усиленного питания». Всего муки было роздано 704 пуда 37 ½ фунтов. Остаток сдан на руки атаману, для выдачи из этой муки пайков в особых случаях¹⁰. Беженцам также были розданы вещи, пожертвованные ранее для фронта: шубы, детские сапоги и шапки, а также печи, топоры и подпилки, один топор приходился приблизительно на 6–8 семейств, а подпилочек – на 3–4 семьи. В целом, по мнению командированных, «состояние беженцев в настоящем вполне удовлетворительное и теперь смело можно считать их обеспеченными до самой весны»¹¹.

Таким образом, уже в 1918–1919 гг. сотрудники российских консульств, расположенных в китайских провинциях, находящихся в непосредственной близости от русской границы, предпринимали все возможные меры для решения проблем первых потоков русских беженцев по обе стороны границы, как на Дальнем Востоке, так и в Центральной Азии.

Весной 1920 г. положение ухудшилось, и в Китай хлынули новые, более многочисленные, потоки русских беженцев, к которым присоединились военные. На северо-восток Китая направились остатки белых армий, действовавших в Сибири.

Ситуация осложнялась параллельными попытками продолжить борьбу. Так, с декабря 1920 г. по январь 1921 г. происходила переброска через КВЖД частей белой Дальневосточной армии из Забайкалья в Приморье. Усугубляло положение на Дальнем Востоке и вмешательство европейских государств, не оставлявших надежды на победу над большевиками. В частности, в 1921 г. Франция стремилась создать в Приморье базу для нового наступления¹². Но не все хотели продолжать борьбу. Одновременно с переброской частей в полосу отчуждения КВЖД рассеялось, по данным Аблажей Н. Н., около 5 тыс. человек [Аблажей, 2007]. В результате целые подразделения остатков Дальневосточной армии остались в Харбине. По данным Смирнова С. В., иногда сами командиры частей стремились убрать из своих подразделений непригодный для продолжения антибольшевистской борьбы «материал» и побуждали тех, у кого были родственники в полосе отчуждения, оставить военную службу.

В начале февраля 1920 г. в Харбине был даже организован «Комитет по разработке вопросов об устройстве, службе и довольствии офицеров, прибывших в полосу отчуждения из мест, захваченных большевиками». Его возглавил генерал Плешков. Но комитет не обладал необходимыми средствами. Большинство беженцев первые

⁸ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 175.

⁹ 1 пуд = 16, 380 кг; 1 русский фунт = 0,409 кг.

¹⁰ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 175.

¹¹ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 176.

¹² РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 668. Л. 46.

месяцы пребывания в Харбине жили в железнодорожных вагонах, размещавшихся на запасных путях Харбинского вокзала [Смирнов, 2019].

К уже ушедшим в Китай в 1920 г. остаткам Белых армий в конце 1920 – начале 1921 гг. присоединились забайкальские казаки, проживавшие на российской территории вблизи границы с Китаем по берегам рек Аргунь и Онон, также уходившие на территорию Китая уже из ДВР [Аблажей, 2007].

Такие масштабные миграционные процессы на русско-китайской границе в 1920 – начале 1921 гг., осложненные продолжавшимися боевыми действиями, вызывали закономерные опасения китайского руководства. Руководство Китайской Республики предприняло новые меры для регулирования потока русских беженцев и контроля прибывающих в страну военных. В 1920 г. для въезжающих в Китай русских китайские власти ввели обязательное визирование паспортов. Въезд в некоторые приграничные районы был запрещен. Так, с начала мая 1920 г. русские, направлявшиеся в Айгуньский район, были обязаны представить свои паспорта, визированные для въезда в пределы Китая китайским генеральным консульством в Благовещенске. С 15 мая 1920 г. въезд русских в Айгунь был запрещен. Русские пассажиры, прибывающие из Харбина на пароходах, не допускались на китайский берег и должны были или отправляться в Россию, или возвратиться в Харбин [Залесская, 2002].

Аналогичное положение сложилось в Хэйхе: лица, проживающие здесь без паспортов, арестовывались и препровождались в Российское вице-консульство в Айгуне. Все русские граждане, как постоянно проживающие в Хэйхе, так и беженцы, по требованию местных китайских властей должны были получить в российском вице-консульстве в Айгуне удостоверения на право проживания в Хэйхэском округе и представить эти удостоверения в управление хэйхэского даоиня.

Опасаясь, что многочисленные группы русских беженцев, прибывающих в Китай и имеющих оружие, будут представлять опасность, тем из них, которые не имели документов, а таких было большинство, был закрыт доступ в Харбин и на станции КВЖД. При переходе границы все белогвардейские части разоружались и интернировались, при этом многие белые офицеры поступали на службу в штабы китайских войск¹³.

Беженские и воинские эшелоны, следовавшие по Китайской Восточной железной дороге (КВЖД), тщательно обыскивались и осматривались китайскими патрулями, «отбирались все военные предметы, не говоря уже об оружии». Беженцы ютились в товарных вагонах, примерзали к их стенам, так как большинство из них не имело теплой одежды, «дымом и собственным дыханием нагревали вагоны». Заведующий беженскими эшелонами Казаков В. Г. неоднократно обращался с просьбой к российскому министру путей сообщения о снабжении беженских эшелонов топливом, но получал отказы. Однако ему все же удалось добиться специального распоряжения о снабжении беженских эшелонов углем и дровами. Приходилось заботиться и об обеспечении беженцев питанием, иногда прибегали и к «реквизициям», в то же время «заметную помощь» беженскому эшелону оказывало, японское командование, которое проявляло в этом отношении «много внимания» [Казаков, 1936].

30 октября 1920 г. Госсовет и Министерство внутренних дел Китая издали «Правила административного подчинения проживающих в Китае русских граждан». В соответствии с ними российские подданные перешли под юрисдикцию управления по иностранным делам, им гарантировалось проживание в местах, открытых

¹³ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 544. Л. 21-об.

для иностранцев, право заниматься хозяйственной деятельностью, личная и имущественная защита. Правила ограничивали свободу передвижения по стране. Россияне должны были получить санкцию на поездки в качестве охранного листа полиции или местного комиссара по иностранным делам. Всего же в Маньчжурии на 1921 г. насчитывалось 69,9 тыс. русских [Аблажей, 2007].

Оказавшись в Китае, остатки Белых сибирских армий и правительств во главе с бывшим послом Российской империи в Пекине Коростовцом И. Я., епископом Иннокентием, генералом Хорватом Д. Л. не прекратили борьбы и в начале 1922 г. создали так называемый «Восточный национальный Русский Центр», который обладал серьезными финансовыми средствами и координировал все действия белых сил в Китае и Монголии и планировал новое наступление на советскую территорию весной 1922 г.¹⁴ Это вызвало опасение китайских властей и недовольство советского руководства, которое заявило протест Пекинскому правительству и потребовало «немедленного прекращения свободного передвижения частей противника по киттерритории» и их деятельности¹⁵.

Борьба в Приморье на завершающем этапе Гражданской войны и новые попытки организовать сопротивление большевикам в 1921–1922 гг. не принесла Белым правительствам и поддерживающим их военным силам победы. В конце 1922 г. новая волна русских беженцев с присоединившимися к ним военными, общей численностью около 20 тыс. человек, снова направилась в Китай и постепенно смешивалась с теми, кто уже оказался здесь в ходе предыдущих волн 1918–1920 гг. Основная часть беженцев перешла китайскую границу в ноябре 1922 г. и первое время находилась в районе Хунчуна в Маньчжурии [Смирнов, 2020].

В Хунчуне по приказу последнего командующего дальневосточными силами белых, генерала Дитерихса М. К. воинские части были переименованы в беженские группы: Приволжская, Прикамская, железнодорожная, артиллерийская, Московская, Оренбургско-Уральская, Сибирско-Енисейская, Забайкальская, Сибирская. Также в состав лагеря входили санитарная часть, управление и комендатура. Однако Хунчунский лагерь не был приспособлен для проживания большого количества людей, и в декабре 1922 г. все они были переведены в район города Гирина (Цзилинь). Здесь сформировались четыре беженских лагеря: Западный, Восточный, Северный и Южный, просуществовавшие до осени 1923 г. Общая численность русских беженцев в Гириных лагерях, по данным Смирнова С. В., насчитывала до 10 тыс. человек. Те, кто не желали оставаться в Гирином лагере, самостоятельно уходили в Чанчунь, Мукден и даже в Харбин. Но в Харбине китайские власти арестовывали русских и выдворяли из города под конвоем [Смирнов, 2019]. Следует отметить, что точная численность находившихся в этих лагерях русских беженцев до сих пор вызывает вопросы.

Пребывание в лагерях было очень тяжелым. Беженцы не обладали материальными ресурсами, не могли устроиться на работу, депрессия и безысходность приводили к распространению пробольшевистских настроений, пьянству, дебошам. Многие возвращались в Россию. Санитарную помощь оказывало Особое совещание Красного Креста. Его представители работали в Харбине и на линии КВЖД. В Чанчуне даже находился санитарный поезд, который распределял хлебные пайки, горячую пищу, белье, обувь; оказывал медицинскую помощь. Лагерь просуществовали до 1923 г. За-

¹⁴ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 668. Л. 50.

¹⁵ РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 668. Л. 32.

тем китайские власти прекратили продовольственную помощь и начали перемещать беженцев в другие города и районы страны [Смирнов, 2019].

Решить проблему русских беженцев на северо-востоке Китая пытались и японские власти. Например, находившихся в Чанчуне около 25 тыс. беженцев японские власти с 20 октября 1923 г. начали регистрировать и отправлять в Россию. Этому активно содействовал консул Японии в Чанчуне, который старался увеличить число отъезжающих обратно в Россию «или вообще куда угодно, лишь бы выбрались из Чанчуня»¹⁶. При этом японские власти были против направления беженцев в Японию. Чтобы воспрепятствовать этому, 20 февраля 1920 г. они ввели так называемую «систему предъявления денег». Согласно ее правилам, в Японию допускались лишь те иностранцы, которые могли подтвердить наличие у себя валюты на сумму не менее чем 1500 иен (около 700 долларов) [Подалко, 2004].

К 1923 г. на северо-востоке Китая сформировалась огромная по своей численности колония русских. По данным исследователя Ципкина Ю. Н., опиравшегося на сведения анкетных данных карточек беженцев, зарегистрированных в Харбинском комитете помощи русским беженцам, среди эмигрантов, оказавшихся в Харбине в 1918–1923 гг. основную массу составляли крестьяне (40,6%), мещане (24,7%), казаки (15%), рабочие (7,1%), дворяне составили всего 2,4%, еще 2,5% – лица купеческого и духовного сословий [Ципкин, 1994; Аурилене, 2008]. По некоторым данным, всего в полосе отчуждения в первой половине 1920-х гг. оказалось около 400 тыс. человек.

На северо-западе Китая – в Синьцзяне – ситуация также была непростой. Значительные военные части остатков Белой армии, отступавшие в сторону Китая, не могли свободно перейти закрытую властями провинции границу. На некоторых ее участках беженцев и военных встречали отряды красноармейцев, которые по требованию китайской стороны не пропускали их на территорию провинции¹⁷.

На начало 1920 г. отступавших было около 15,5 тыс. человек военных и более тысячи гражданских беженцев. Командующий Оренбургской армией генерал-лейтенант Дутов А. И., обращался в Пекин к российскому Посланнику в Китае князю Кудашеву Н. А.: «Нужна срочная помощь войскам и населению деньгами через Пекин Русско-Азиатский банк в Чугучаке. Нужна дипломатическая помощь через Пекин – разрешение отправить беженцев через Китай или в Китай, а больных и раненных приютить за границей в Китае. Нужна помощь золотом, серебром, романовскими, иначе верный оплот России в Семиречье будет осужден на смерть и лишения. Оренбургская армия, сделав 1500 верст по голодной степи и совершив исторический поход, надеется на помощь Правительства». Однако ответ Кудашева лишил отступавших последней надежды: «Правительство фактически перестало существовать, так что некому передавать телеграмму [...] Китайское Правительство обещало поручить вниманию властей беженцев, но [я] принужден держать нейтралитет в нашей междоусобной войне, помощь и защита будут оказаны лишь по мере возможности, дабы не навлечь гнева большевиков»¹⁸.

Проблемы с беженцами пытался решить и командующий Отдельной Семиреченской армией генерал-майор Анненков Б. В.: «Большое количество беженцев из мест, занятых красными, прибыло в район военных действий отдельной Семиреченской армии. Их присутствие крайне стесняет наши действия. Прошу спешного

¹⁶ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 541. Л. 10.

¹⁷ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 73.

¹⁸ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 66.

оказания [помощи] китайскими властями [и] принятии наших беженцев под свое покровительство»¹⁹.

Бывшие российские консулы также постоянно направляли телеграммы в Пекин с просьбой решить проблему с пропуском беженцев, скопившихся на границе России и Китая в районе Синьцзяна. Они выступали за то, чтобы «для сохранения спокойствия на границе» разрешить беженцам проследовать по дороге на столицу провинции – г. Урумчи, так как «удерживать долго беженцев невозможно»²⁰. Однако на свои просьбы консулы получили отказ китайских властей. Тогда они предложили разместить беженцев в русских приграничных районах. По мнению консула в Чугучаке Долбежева В. В., в сложившейся ситуации «самовольный переход беженцами границы при нейтралитете китайцев является для беженцев очень небезопасным, так как за самовольный переход китайцы могут выдворить беженцев хотя бы в Зайсанский уезд, в районы расположения большевиков. Остановка беженцев в приграничных русских районах около Бахтов (Так в тексте – Е. Н.) ослабит панику, между тем, как самовольный побег беженцев через границу сильно увеличит панику, которая неблагоприятно отразится и на прочих неустойчивых элементах населения»²¹.

Весной 1920 г. ситуацию на границе контролировать уже не представлялось возможным. В Синьцзян хлынули все скопившиеся здесь остатки Оренбургской и Семиреченской армий вместе с гражданскими беженцами. Общее количество солдат, казаков, офицеров и других беженцев составляло около 15 тыс. человек, из которых более 10 тыс. не имело никаких средств. Местные китайские власти обращались в теперь уже бывшие российские консульства, продолжавшие, несмотря на крушение государства, исполнять свои функции, с просьбой выдать беженцам продовольствие. Однако консульства к этому времени достаточных средств уже не имели²².

Следует отметить, что на территории провинции к тому времени находились беженцы из Российской империи, бежавшие сюда после восстания 1916 г. в Средней Азии. Численность их была весьма значительной: только в приграничном с Россией Илийском округе Синьцзяна их насчитывалось около 100 тыс. человек [Аблажей, Наземцева, 2020].

Положение было критическим. Переходившие границу гражданские и военные беженцы оказались на грани голодной смерти. В первые месяцы нахождения на территории провинции доходило до продажи русскими беженцами своих родственников – несовершеннолетних девушек, молодых женщин, даже детей – местному населению²³.

Все это создавало взрывоопасную ситуацию в провинции и в регионе в целом. Китайские власти медлили с решением беженской проблемы, опасаясь реакции советских властей и осложнения внутривосточного положения в провинции, и только в первых числах мая 1920 г. разрешили направлять беженцев небольшими партиями в города провинции Чугучак, Урумчи и Кульджу²⁴.

Как уже отмечалось выше, вместе с гражданскими беженцами на территорию провинции перешли и военные: остатки Семиреченской и Оренбургской армий под командованием Анненкова Б. В., Дутова А. И., Бакича А. С., Щербакова Н. П., а так-

¹⁹ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 209.

²⁰ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 221.

²¹ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 194.

²² АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 377.

²³ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 288.

²⁴ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 419.

же отдельные отряды Кайгородова А. П., Шишкина Д. Я., Сидорова П. И. и др., действовавшие в районе русско-китайской границы на ее синьцзянском участке [Ганин, 2004; Наземцева, 2010; Смирнов, 2019].

Как и на северо-востоке Китая, все военные, перешедшие в Синьцзян, были интернированы. На территории провинции в 1920–1922 гг. образовалось несколько лагерей гражданских беженцев и лагерей для интернированных военных.

Весной 1920 г. остатки отряда во главе с атаманом Дутовым А. И. расположились на р. Боротале и простояли здесь около месяца. Вскоре из Советской России было получено предложение об амнистии всех белых, находящихся на территории Китайского Туркестана. В связи с этим Дутов А. И. издал приказ по отряду: «Кто желает возвратиться на Родину, препятствий с моей стороны не будет ... Кто слаб духом, устал физически и духовно, тот может записаться в список для возвращения на Родину...»²⁵. Решение вернуться приняли 240 человек. После этого, оставив лагерь на р. Боротале, отряд атамана Дутова А. И. направился в г. Суйдун. Через некоторое время к нему присоединились 500 человек аннековцев под командой войскового старшины Завершинского Н. Е. и некоторые другие мелкие группы. Часть их, вместе с самим Дутовым А. И., была расквартирована в Суйдуно, другие – в двух китайских поселениях по близости – Мазаре и Чимпаньцзы (Чингихоцзи – Е.Н.) к северо-западу от г. Кульджа. Небольшая часть оренбургских казаков обосновалась в самой Кульдже.

В Суйдуно осталось около 400 человек казаков. Они были размещены в двух местах: в консульской казарме и в одном из туземных караван-сараяев, у южных городских ворот. Сам Дутов А. И. так описывал положение: «Конечно, от казарм остались только стены. Все остальное отсутствует, но мы собственными силами потихоньку их ремонтируем, хотя часть помещается прямо во дворе». Сам он занимал комнатку без окон, готовил себе обед, состоявший из рисового супа с бараниной и лапшой, и даже считал себя буржуем: «ибо со мною самовар, и его воркотня напоминает мне Родину»²⁶.

На человека отпускалось 1½ фунта муки в день, уголь для отопления, два снопа клевера и 4 джина ячменя на лошадь. Для надзора, охраны порядка и поддержания дисциплины среди интернированных казаков были поставлены 100 человек китайских солдат, размещенных в тех же помещениях, где и казаки. Незначительные размеры самой казармы, а также офицерского флигеля, где было размещено свыше 250 человек, вызвали чрезмерную скученность, что усугублялось еще и тем, что в общей массе оказались больные, раненые, жены казаков. Для разрежения массы, облегчения и улучшения положения больных и женатых было решено выделить эту категорию и поместить ее отдельно²⁷.

В лагере сохранялась дисциплина. Были организованы мастерские: кузнечная, слесарная, столярная и швальня. При казармах сделана хорошая русская баня, устроена хлебопекарня. Большая часть отряда распущена на заработки. Однако в лагере все же не хватало одежды, обуви и питания, основную часть казаки должны добывать самостоятельно²⁸.

В тяжелейшем положении оказались гражданские и военные беженцы, в лагере г. Чимпаньцзы. Пришедшие одиночками и смешанными командами, не имея ни

²⁵ ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 90.

²⁶ ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 6. Л. 92.

²⁷ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 284.

²⁸ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 457.

средств, ни общего руководителя, они оказались в лагере, где для них китайцами был введен почти тюремный режим²⁹.

Скученность, грязь, полное обнищание, царившие в лагере, заставляли российских консулов обращать на беженцев особенное внимание. По данным управляющего российским консульством в Кульдже Стефановича Г., беженцы организованными командами прибывали в Чимпанцзы под конвоем китайцев. Внешний вид их был ужасный: все оборваны, босиком, некоторые одеты только в нижнее белье. Все беженцы были размещены в 4–5 караван-сараях, по 70–120 человек в каждом. Каждый караван-сарай охраняется двумя постами китайских солдат. За попытку побега били плетью. Денег свободных ни у кого не было. Лошадям фураж не отпускался. Санитарные условия жизни были ужасными: рваное и грязное белье кишело паразитами, обмыться можно было только на речке, в баню же сходить не позволяли средства, так как за вход брали 50 копеек – не каждый имел возможность их платить, да и воды в бане было ограниченное количество. Постелей у большинства не было, спали на голой земле. От ужасного запаха спертости воздуха, тесноты и паразитов, спать в помещениях было невозможно. Приходилось располагаться на навозе под открытым небом; присутствие же лошадей делало воздух на дворе еще более отвратительным. Были заболевшие дизентерией и холерой, но медицинская помощь отсутствовала³⁰.

Частям атамана Анненкова Б. В. при отступлении приходилось вести тяжелые бои с красноармейскими войсками. Оставив Семиречье, атаман Анненков Б. В. отступил в горы. В горах, недалеко от русско-китайской границы, на высоте около 2 500 м, отряд расположился лагерем на стоянку. Здесь анненковцы оставались около двух месяцев. Лагерь назвали «Орлиное Гнездо». Всего в лагере находились около 5 000 человек. Условия, в которых они оказались, были тяжелейшими. В лагере плохо питались, почти голодали. Затем отряд перешел китайскую границу и расположился лагерем на р. Боротале. Этот лагерь был назван «Веселым». Партизаны жили в шалашах, землянках, войлочных юртах и небольших военных палатках. Всего в отряде к этому времени числилось первоначально около 1 500 человек³¹. После ухода отряда во главе с Завершинским (см. выше – Е. Н.), численность лагеря составила 1 000 человек. В лагере также ежедневно проводились занятия и поддерживалась строгая дисциплина. Материальных ресурсов было достаточно³².

15 августа 1920 г. с разрешения генерал-губернатора Синьцзяна отряд атамана Анненкова Б. В. начал передвигаться из лагеря «Веселый» к столице провинции – г. Урумчи. Из выписки из информационного обзора советского консульства в Кульдже следует, что всего в отряде к этому времени осталось 1500 человек. Отряд деморализован не был и сохранял боеспособность. Как в пути, так и по приходе в Урумчи с солдатами постоянно велись строевые занятия³³.

В Урумчи отряд Анненкова Б. В. простоял несколько месяцев и в феврале 1921 г. начал свое дальнейшее продвижение на восток, к г. Гучен. Добравшись до Гучена, отряд сделал остановку. В апреле 1921 г. отряд начал свое дальнейшее продвижение на восток. Однако пребывание военных в провинции, а также их поведение вызывали недовольство китайских властей, пытавшихся навести порядок. В результате Аннен-

²⁹ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 458.

³⁰ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 459.

³¹ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 11. П. 140. Д. 67. Л. 24.

³² АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 457.

³³ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 11. П. 140. Д. 67. Л. 24. Л. 24.

ков был арестован в Гучене и под конвоем препровожден в Урумчи. Проведя несколько лет в китайской тюрьме, Анненков был освобожден, в марте 1926 г. поступил на службу к китайскому генералу Фын Юйсяну. В дальнейшем он был захвачен советскими агентами, вывезен в СССР и после суда в Семипалатинске 24 августа 1927 г. расстрелян [Зайка, Бобренов, 1990, 1991; Голинков, 1975; Шалагинов, 1969].

Еще один лагерь русских гражданских и военных беженцев образовался на р. Эмиль в Чугучаке. Здесь обосновались остатки Оренбургской армии под командованием генерала Бакича А. С., которые перешли границу 27 марта 1920 г. и были интернированы в составе около 12 000 человек³⁴.

Незадолго до этого, генерал Бакич А. С. начал вести переговоры через русского консула в Чугучаке Долбежева В. В. с губернатором провинции Синьцзян Ян Цзенсинем об интернировании³⁵. Более предметные переговоры об уходе в Китай начались в начале 1920 г.³⁶ В результате были выработаны следующие условия интернирования: белогвардейцы должны были сдать все оружие, за исключением 60 винтовок на отряд, китайские власти брали интернированных под свое покровительство и обязывались выдавать по полтора джина муки на человека в день, остальное довольствие должно было производиться из собственных армейских сумм³⁷.

После перехода китайской границы и организации лагеря на р. Эмиль приходилось решать задачи с питанием, одеждой. Эмигрант Еловский И., в то время находившийся в этом лагере, вспоминал: «Жизнь на новоселье первое время была тяжелой. Стала развиваться хандра, уныние и беспокойство за будущее» [Еловский, 1921]. Нехватка продовольствия, изношенное обмундирование и отсутствие необходимых для существования средств, вынуждала продавать имущество. Другой эмигрант – Камский – отмечал, что «в Чугучаке не редкость было увидеть китайца, напялившего на себя богатую дамскую шубу и боа и с наслаждением разглядывающего публику в цейсовский бинокль, или ... толстого сарта, пьющего чай из серебряной сахарницы» [Камский, 1923]. Тем не менее, приходилось налаживать новую жизнь. В лагере на р. Эмиль имелся Красный Крест, любительский театр. С потеплением начали устраивать казачьи праздники.

Во всех лагерях бушевала эпидемия тифа. В г. Чугучаке эпидемия сыпного тифа была с большим процентом смертности. Здесь было более тысячи больных тифом русских беженцев. По соглашению консульства с китайскими властями и особо уполномоченным Красного Креста, из г. Бахты в Чугучак были направлены 5 докторов, 5 фельдшеров, 5 сестер милосердия³⁸. Некоторым беженцам, несмотря на охрану, все же удавалось бежать из беженских лагерей³⁹.

На севере провинции, в Алтайском округе Синьцзяна, положение было несколько лучше. Там оказалось более 3 000 беженцев. Однако правитель округа разрешил свободное проживание в округе беженцам, за которых ручалось российское консульство; некоторым даже была оказана материальная поддержка⁴⁰.

Оставшиеся на своих местах консулы продолжали делать все возможное для

³⁴ По другим данным численность интернированных войск составляла около 16000 человек. – ГАНО. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 84.

³⁵ ГАНО. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 67.

³⁶ ГАНО. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 137. Л. 33, 33-об.

³⁷ ГАНО. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 135. Л. 68.

³⁸ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 297.

³⁹ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 285.

⁴⁰ АВП РИ. Ф. 188. Оп. 761. Д. 1549. Л. 329.

защиты прав русских граждан. Русский эмигрант Понькин Ю. в своих воспоминаниях так характеризует деятельность консула Дьякова А. А. в этот период: «В двадцатом году после провала Белого движения, возглавляемого Колчаком, остатки армий Дутова, Бакича и Анненкова отступили в Синьцзян. С этого момента началось самое трудное для Дьякова время за всю его карьеру. Оставшись консулом без государства, он все еще по инерции, пользуясь своим авторитетом, мог улаживать всевозможные проблемы, которые возникали из-за присутствия армий и множества беженцев. Его работа осложнялась еще тем, что многие армейские части не желали подчиняться никаким законам, не хотели ни с кем и ни с чем считаться и думали только о реванше» [Понькин, 1997]. Однако в большинстве же случаев синьцзянские власти игнорировали официальные обращения российских консулов и беженцев и отказывались выполнять их просьбы [Бармин, 2006].

Тяжелые условия первых месяцев эмиграции вынуждали многих беженцев уходить обратно в Россию, несмотря на угрозу жизни на Родине. Уходили в основном солдаты, младшее офицерство и гражданские беженцы. Их действительно было огромное количество. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные списки перебежчиков⁴¹.

Эмигрант Камский следующим образом характеризовал реакцию китайских властей: «Местные китайские власти первое время совершенно растерялись и с ужасом смотрели на все новые и новые толпы пришельцев и, не обладая никакой сколько-нибудь серьезной военной силой, не могли бы оказать противодействия каким-либо начинаниям русских» [Камский, 1923]. Города провинции действительно оказались под угрозой погрома, поскольку перешедшие сюда белогвардейские части, как и те, кто оказался на северо-востоке Китая, готовились к новому этапу борьбы с советской властью.

Ситуация в провинции оказалось настолько тяжелой, что китайские власти, не имея возможности справиться самостоятельно, все же согласились на ввод в Синьцзян частей Красной Армии для ликвидации остатков частей белых. В 1921–1922 г. было проведено две операции – Чугучакская и Шарасумэсская, в ходе которых были уничтожены остатки Белых армий, оперировавших на Урале и в Семиречье [Наземцева, 2010]. Однако в провинции остались гражданские беженцы, часть офицеров, а также киргизские и казахские беженцы восстания 1916 г. Но эти проблемы пришлось решать в течение 1920-х гг. Поэтому ситуация на данном участке советско-китайской границы в последующие двадцать лет осложнялась еще не раз.

Выводы

Революционные события в Российской империи и последующая за ними Гражданская война создали новую социальную и политическую ситуацию на границе с Китаем. Интенсивные миграционные потоки привели к серьезному миграционному кризису на всем протяжении российско-китайской границы. Ситуация усугублялась фактическим отсутствием государственной власти как в России, так и в Китае. Это серьезно осложнило международную и политическую обстановку на Дальнем Востоке и в Центральной Азии. Возникшие проблемы, связанные с положением русских беженцев и эмигрантов в начале 1920-х гг. в Китае, препятствовали стабилизации положения на огромной территории, налаживанию советско-китайских и советско-японских отношений.

⁴¹ РГВА. Ф. 1075. Оп.3. Д.193. Лл. 1; 13; 28; 30; 31; 54; 57, 59, 66-68; 94.

Список литературы

Аблажей Н. Н. С Востока на Восток: Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 300 с.

Аблажей Н. Н., Наземцева Е. Н. Русский анклав в Китайском Алтае в 1917 году: итоги колонизации русско-китайского приграничья // Исторический курьер. 2020. № 4 (12). С. 67–86. DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-6.

Аблова Н. Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). – Минск: БГУ. 1998. – 430 с.

Аурилене Е. Н. Российская диаспора в Китае. 1920-1950-е гг. – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. – 268 с.

Бармин В. А. Взаимоотношения российской дипломатической миссии и подданных России в Синьцзяне с белым движением в 1919–1920 гг. // Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сборник научных статей памяти Б. П. Гуревича. – Барнаул: Азбука, 2006. – С. 243–255.

Ганин А. В. Черногорец на русской службе. – М.: Русский путь, 2004. – 240 с.

Говердовская Л. Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. – М.: Изд-во МАДИ, 2004. – 186 с.

Голиков Д. Г. Крушение антисоветского подполья в СССР. – М.: Политиздат, 1975. – 737 с.

Гудвин-Гилл Г. С. Статус беженца в международном праве. – М.: ЮНИТИ; Будапешт: Регион. представительство Упр. Верхов. комиссара ООН по делам беженцев в Рос. Федерации, 1997. – 647 с.

Еловский И. Голодный поход Оренбургской армии. – Пекин: Типография Успенского монастыря при Русской Духовной Миссии, 1921. – 32 с.

Заика Л. М., Бобренев В. А. Атаман Анненков // Военно-исторический журнал. 1990. № 10. С. 66–72; 1991. № 3. С. 68–77; 1991. № 6. С. 77–84.

Залеская О. В. Российско-китайские приграничные отношения на Дальнем Востоке (1917–1924 гг.). – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2002. – 156 с.

Казаков В. Г. Немые свидетели. – Шанхай: тип. А. П. Малык, 1936. – 120 с.

Камский. Русские белогвардейцы в Китае. – М.: Красная новь, 1923. – 66 с.

Наземцева Е. Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). – Барнаул: ОАО ИПП Алтай, 2010. – 270 с.

Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян: очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии. – М.: Ин-т Востоковедения РАН: Крафт+, 2004. – 351 с.

Понькин Ю. Путь отца. Россия – Китай – Австралия. – Сидней: Австралиада, 1997. – 189 с.

Потапов В. И. Беженцы и международное право. – М.: Международные отношения, 1986. – 103 с.

Сабенникова И. В. Формирование принципов международно-правового регулирования положения беженцев в Европе. 1926–1951 гг. // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР–России 1941–2001 гг. / под ред. Ю. А. Полякова, Г. Я. Тарле, О. В. Будницкого. – М., 2007. – С. 5–13.

Смирнов С. В. Дальневосточный тупик. – М.: ЛитРес: Самиздат, 2019. – 790 с.

Смирнов С. В. Обращение генерала Михаила Дитерихса к русским беженцам (Гирин 1923) // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. №1. С. 242–250. С. 246. DOI: 10.15826/qr.2020.1.459.

Шалагинов В. К. Конец атамана Анненкова. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство. 1969. – 64 с.

Сведения об авторе:

Наземцева Елена Николаевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва.

Контактная информация: e-mail: elenanazz@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9232-0436; PИNC Author ID: 611206.

Статья поступила в редакцию 04.12.2020; принята в печать 10.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MIGRATION CRISIS ON THE RUSSIAN-CHINESE BORDER IN THE EARLY 1917–1920s: REGIONAL ASPECT OF THE GLOBAL MIGRATION PROCESSES OF THE XX CENTURY

Elena N. Nazemtseva

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: elenanazz@mail.ru

For citation: Elena N. Nazemtseva. Migration crisis on the Russian-Chinese border in the early 1917–1920s: regional aspect of the global migration processes of the XX century. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 96–112. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.8

Abstract. The publication analyzes the reasons and particular qualities of the migration crisis on the Russian-Chinese border in 1917–1922. This crisis was caused by the revolution and the Civil War in Russia. A huge mass of former subjects of the Russian Empire, who disagreed with the new system, were forced to leave their homeland and in the early 1920s formed one of the largest emigrant diasporas in the world in China. The bulk of the White Army's remnants the civilian population crossed the Russian-Chinese border in the Far East, forming Russian refugee camps in the Chinese border area. A significant number of Russians crossed the border in western China, in the region of Xinjiang province, where several refugee camps also emerged. The composition of Russian refugees has raised serious concerns in both the central and border authorities of China: the bulk of the refugees were well-armed experienced military men who had gone through not only the Russian Civil War, but also the First World War and refused to surrender their weapons, the Cossacks and their chieftains, peasants and merchants from the border regions who did not want to obey anyone, who needed help. A small part of the Russians who left for China were nobles and intellectuals, who settled mainly in Harbin and Shanghai. The peculiarity of the migration situation in the Far East, as well as on the Russian-Chinese border in Central Asia, was not only in the huge number of Russians who arrived in China, but also in the fact that a severe internal political crisis had been developing in China itself for several years. The Chinese authorities were unable to control the situation in the country, and Russian refugees aggravated the situation. In addition, the Chinese authorities did not want to aggravate relations with Soviet Russia, which repeatedly threatened to send troops to eliminate the remnants of the White Army, which had settled in the Chinese border area. This could seriously aggravate the political situation in the Far East and Central Asia. Therefore, the Chinese authorities actively took measures to regulate the flow of Russian refugees and prevent a possible crisis: they blocked the border with Russia in some areas, expelled refugees back, did not issue permits to cross the border, etc.

Keywords: Russia, China, border, revolution, Civil war, migration crisis, refugees, refugee camps, consulates.

References

- Ablazhey N. N. *S vostoka na vostok: Rossiiskaya emigratsiya v Kitae* [From East to East from East to East: Russian emigration in China]. Novosibirsk: SB RAS Publishing House, 2007. 300 p. (In Russ.)
- Ablazhey N. N., Nazemtseva E. N. Russian Enclave in Chinese Altai in 1917: Results of Colonization of Russian-Chinese Borderland. *Historical Courier*. 2020. No. 4 (12). Pp. 67–86. DOI: 10.31518/2618-9100-2020-4-6. (In Russ.)
- Ablova N. E. *Istoriya KVZhD i rossiiskoi emigratsii v Kitae (pervaya polovina XX v.)* [History of the Chinese Eastern Railway and Russian emigration in China (the first half of the XX century)]. Minsk: BSU. 1998. 430 p. (In Russ.)
- Aurilene E. N. *Rossiiskaya diaspora v Kitae. 1920–1950-e gg.* [Russian Diaspora in China. 1920–1950s]. Khabarovsk: Private collection, 2008. 268 p. (In Russ.)
- Barmin V. A. *Vzaimootnosheniya rossiyskoy diplomaticheskoy missii i poddannyykh Rossii v Sin'tsyziane s belym dvizheniyem v 1919–1920 gg.* [The relationship of the Russian diplomatic mission and the subjects of Russia in Xinjiang with the white movement in 1919–1920s]. *Aktual'nyye problemy Tsentral'noy Azii i Kitaya: istoriya i sovremennost'* [Actual problems of Central Asia and China: history and modernity]. Collection of scientific articles in memory of B. P. Gurevich. Barnaul: Azbuka, 2006. Pp. 243–255. (In Russ.)
- Elovsky I. *Golodnyi pokhod Orenburgskoi armii* [The famine campaign of the Orenburg army]. Beijing: Printing House of the Assumption Monastery at the Russian Spiritual Mission, 1921. 32 p. (In Russ.)
- Ganin A. V. *Chernogorets na russkoi sluzhbe* [Montenegrin in Russian service]. Moscow: Russkiy put Publishing House, 2004. 240 p. (In Russ.)

Golinkov D. G. *Krushenie antisovetskogo podpol'ya v SSSR* [The collapse of the anti-Soviet underground in the USSR]. Moscow: Politizdat, 1975. 737 p. (In Russ.)

Goodwin-Gill G. S. *Status bezhentsa v mezhdunarodnom prave* [Refugee status in international law]. Moscow: UNITY; Budapest: Regional Office of the UN High Commissioner for Refugees in the Russian Federation, 1997. 647 p. (In Russ.)

Goverdovskaya L. F. *Obshchestvenno-politicheskaya i kul'turnaya deyatel'nost' russkoi emigratsii v Kitae v 1917–1931 gg.* [Socio-political and cultural activity of the Russian emigration in China in 1917–1931]. Moscow: MADI Publishing House, 2004. 186 p. (In Russ.)

Kamsky. *Russkie belogvardeitsy v Kitae* [Russian Russian White Guards in China]. Moscow: Krasnaya nov', 1923. 66 p. (In Russ.)

Kazakov V. G. *Nemye svideteli* [Mute witnesses]. Shanghai: A. P. Malyk's Printing House, 1936. 120 p. (In Russ.)

Nazemtseva E. N. *Russkaya emigratsiya v Sin'tszyane (1920–1930-e gg.)*. [Russian emigration in Xinjiang (1920–1930s)]. Barnaul: JSC IPP Altai, 2010. 270 p. (In Russ.)

Podalko P. E. *Yaponiya v sud'bakh rossiyan: ocherki istorii tsarskoi diplomatii i rossiiskoi diaspor v Yaponii* [Japan in the Fate of the Russians: Essays on the History of Tsarist Diplomacy and the Russian Diaspora in Japan]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences: Kraft+, 2004. 351 p. (In Russ.)

Ponkin Yu. *Put' ottsa. Rossiya – Kitai – Avstraliya* [My father's way. Russia – China – Australia]. Sydney: Australiada, 1997. 189 p. (In Russ.)

Potapov V. I. *Bezhentsy i mezhdunarodnoe pravo* [Refugees and international law]. Moscow: International Relations, 1986. 103 p. (In Russ.)

Sabennikova I. V. Formirovaniye printsipov mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya polozheniya bezhentsev v Yevrope 1926–1951 [Formation of the principles of international legal regulation of the situation of refugees in Europe. 1926–1951]. In: *Istoriya rossiyskogo zarubezh'ya. Emigratsiya iz SSSR–Rossii 1941–2001 gg.* [History of the Russian diaspora. Emigration from the USSR–Russia 1941–2001]. Ed. by Yu. A. Polyakov, G. Ya. Tarle, O. V. Budnitsky. Moscow, 2007. P. 5–13. (In Russ.)

Shalaginov V. K. *Konets atamana Annenkova* [The end of ataman Annenkov]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoe Publishing House. 1969. 64 p. (In Russ.)

Smirnov S. V. *Dal'nevostochnyi tupik* [Far Eastern dead end]. LitRes: Samizdat, 2019. 790 p. (In Russ.)

Smirnov S. V. General Diterikh's address to Russian refugees (Girin, 1923). *Quaestio Rossica*. 2020. Vol. 8. No. 1. Pp. 242–250. DOI: 10.15826/qr.2020.1.459. (In Russ.)

Zaika L. M., Bobrenev V. A. Ataman Annenkov. *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 1990. No. 10. Pp. 66–72; 1991. No. 3. Pp. 68–77; 1991. No. 6. Pp. 77–84. (In Russ.)

Zalesskaya O. V. *Rossiisko-kitaiskie prigranichnye otnosheniya na Dal'nem Vostoke (1917–1924 gg.)* [Russian-Chinese border relations in the Far East (1917–1924)]. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House, 2002. 156 p. (In Russ.)

Bio note:

Elena N. Nazemtseva, Doctor of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: elenanazz@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9232-0436; RSCI Author ID: 611206.

Received on 04.12.2020; accepted for publication on 10.02.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

МАССОВАЯ МИГРАЦИЯ И ЭПИДЕМИЯ COVID-19 В КИТАЕ В ПЕРИОД ПРАЗДНИКА ВЕСНЫ 2020 г.

Бояркина А. В.

*Восточный институт – Школа региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия.
E-mail: aboyarkina@gmail.com*

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.9

Для цитирования: Бояркина А. В. Массовая миграция и эпидемия COVID-19 в Китае в период Праздника весны 2020 г. // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 113–125. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.9

Аннотация. Глобальная пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, разразившаяся в начале 2020 г., стала серьезным испытанием для всего человечества и для Китая. Эпидемия сопровождалась массовой миграцией в самой густонаселенной стране мира перед Праздником весны Чуньцзе (春节) 25 января 2020 г. Это еще более усугубило положение. Учеными из Китая и других стран были проведены масштабные исследования с применением Больших данных с целью установления взаимосвязи между количеством мигрантов и общим количеством подтвержденных случаев заболевания. Данная статья ставит целью определить вклад этих работ, выполненных с применением таких методов, как масштабно-инвариантная сеть, корреляционный анализ и байесовский подход и представить рекомендации для дальнейших исследований о внедрении научных инноваций для решения проблем миграции в условиях пандемии. В работе дается обзор основных идей зарубежных ученых, рассмотрены применявшиеся ими методы исследования, выявлены их преимущества и недостатки, представлены рекомендации для дальнейших исследований роли миграции в распространении инфекционных заболеваний. Новизна заключается в обзоре подобных методов, ранее не применявшихся в аналогичных исследованиях российскими демографами. В частности, использование Больших данных позволило ученым установить, что покинувшее Ухань население являлось основным источником передачи вируса в другие города и регионы Китая. Метод масштабно-инвариантной сети дал возможность провести анализ временного и пространственного распространения случаев заболевания, который показывает, что в провинции Хубэй, где было зарегистрировано наибольшее количество случаев заболевания и смертей, их рост быстро замедлился. В других «горячих точках», напротив, количество заболевших изначально было не высоким, но рост числа случаев заболеваний в начале эпидемии продолжался. Применение Байесовского подхода в исследованиях позволило ученым доказать, что больше внимания следует уделять устранению негативных социально-экономических последствий эпидемии среди мигрантов как особо уязвимой группы и предоставлять им своевременную медицинскую помощь, в том числе психологическую.

Ключевые слова: Китай, COVID-19, мигранты, миграция в период Праздника весны, масштабно-инвариантная сеть, корреляционный анализ, байесовская модель.

Введение

Связь распространения инфекционных заболеваний с миграцией установлена давно. Так, Венеция середины XIV в. во время эпидемии чумы ввела карантинные меры для иностранных судов, прибывающих в порт города. Они должны были встать на якорь в течение 40 дней в соседнем порту – на острове Лазаретто. Отсюда и происхождение слова «карантин» – от итальянского «quaranta – сорок» [Ivakhnyuk, 2020]. Актуальность темы определяется развитием в глобальных масштабах пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, разразившейся в начале 2020 г. Она стала серьезным испытанием для всего человечества и для Китая. Эпидемия сопровождалась массовой миграцией в самой густонаселенной стране мира перед Праздником весны Чуньцзе (春节) 25 января 2020 г. Это еще более усугубило положение. Цель нашей работы – изучить опыт ученых из Китая и других стран в исследовании роли миграционных процессов в распространении эпидемии COVID-19 в начале 2020 г. Новизна нашего исследования заключается в разработке комплексного подхода для исследования массовых миграций в период эпидемий, который основан на сочетании методов масштабно-инвариантной сети, корреляционного анализа и байесов-

ской пространственно-временной модели. Последние были представлены в трудах зарубежных ученых, где использовались для изучения миграции китайского населения в условиях пандемии COVID-19 в начале 2020 г. и показали как свои достоинства, так и ограничения, которые были выявлены в нашей работе. В статье особое внимание уделяется масштабам и последствиям распространения эпидемии в провинции Хубэй, которые тесно связаны с миграцией из г. Ухань в период Праздника весны.

Обзор литературы

Хириси Нисиура, Сунмок Чон, Ре Киносита, Ичи Ян и другие ученые из Университета Хоккайдо (Япония) доказали, что распространение коронавируса COVID-19 было связано с рынком морепродуктов в г. Ухань, а количество случаев заболевания на ранней стадии исчислялось в тысячах, а не сотнях. Исследователи не исключали передачу нового вируса от человека к человеку, но уровни передачи еще не были определены количественно. По-прежнему остается вероятным, что значительное число случаев инфекций среди людей возникло в результате контакта с животными, как, например, во время первой вспышки высокопатогенного гриппа H7N9 в Китае в 2013 г. [Nishiura et al., 2020].

Сун Вэньюй, Цзан Пань, Дин Чжунсин, Фан Синьюй, Чжу Лиго, Чжу Я и другие ученые из Центра глобального здоровья при Нанкинском медицинском университете (КНР), применяя метод масштабнo-инвариантной сети¹, проанализировали данные о распространении эпидемии с 25 января по 15 февраля 2020 г., а также данные о миграции с 1 по 24 января 2020 г. и создали такую масштабнo-инвариантную сеть выбранных городов [Song Wenyu et al., 2020]. Они также провели корреляционный анализ с целью выявления взаимосвязи между миграцией в канун Праздника весны и распространением эпидемии COVID-19.

Чэнь Цзэлян, Чжан Ци, Лу И, Чжун Миньго, Чжан Си и Чжан Вэньцзюнь проанализировали риски инфицирования COVID-19 с помощью байесовской пространственно-временной модели программного обеспечения WinBUGS (Microsoft Corporation). В рамках этого подхода ученые комбинировали три вида моделей и определили риски заражения этим заболеванием по 34 административным единицам Китая и 17 городам в провинции Хубэй в период с 16 по 30 января 2020 г. [Chen Zeliang et al., 2020].

Работа Лю Цзыханя, Чжао Яньцзе, Фэн Юаня, Чжан Циньгэ, Чжун Баолян и других специалистов из Университета Макао (Аомынь, КНР) посвящена проблемам психического здоровья рабочих-мигрантов, пострадавших от эпидемии COVID-19. Ученые исследовали феномен безработицы на временно закрытых предприятиях, а также психологические последствия потери рабочих мест и доходов у рабочих [Liu Zihan et al., 2020].

Чжан Синь, Линь Хуэй, Чжу Чанмин, Ван Цзиньфэн и другие в своей работе уделили особое внимание проблемам оказания неотложной помощи инфицированным пациентам, ее уровень и возможности физиотерапии, предоставляемой государственным или местными департаментами здравоохранения Китая. Основываясь на записях о времени диагностики и лечения более 70 тысяч диагностированных или

¹ Масштабно-инвариантная сеть или безмасштабная сеть (scale free network). Это классическая модель сложных сетей, широко используемая в эпидемиологии, социологии и геномике. Хорошим примером его применения является анализ взвешенной сети коэкспрессии генов (WGCNA), который может выявить взаимосвязь между тысячами генов в биологическом процессе.

подозреваемых случаев COVID-19, предоставленных Китайским центром по контролю и профилактике заболеваний и региональные статистические данные, ученые применили пространственное картирование для моделирования тенденций и анализа временного и пространственного распространения COVID-19, а также динамического процесса его ранней диагностики на материковой части Китая. Они доказали, что ранняя диагностика означает раннее обнаружение заболевания у пациентов и дает им возможность получить своевременное лечение [张新, 林晖, 朱长明, 王劲峰..., 2020].

Представители Лондонской школы гигиены и тропической медицины – Х. Гиббс, Ян Лю, А. Б. Пирсон, Ч. Джарвис и другие привели доказательства того, что после Китайского Нового года никаких признаков серьезных изменений в работе транспортной сети в Китае не наблюдалось. Имевшие место локальные изменения носили временный характер и не привели к структурной реорганизации транспортной сети за исследуемый период [Gibbs et al., 2020].

К. Коннолли, Р. Кэйл и С. Х. Али исследовали ландшафтную экологическую политику Китая и дали оценку роли социально-экологических преобразований в повышении риска инфекционных заболеваний в пригородных зонах. Они рассмотрели примеры различных вспышек вновь возникающих инфекционных заболеваний по всему миру, чтобы показать, как урбанизация способствует возникновению условий, необходимых для распространения инфекционных заболеваний [Connolly et al., 2020].

Миграция и распространение инфекционных заболеваний

Миграция, рост городского населения и высокая плотность населения считаются основными факторами в распространении COVID-19 [Connolly et al., 2020]. Тема миграции характерна для всех масштабных кризисов – на мигрантов часто возлагают ответственность за «чужие грехи». Коронавирус не стал исключением: мигрантов обвиняют в распространении болезни в ряде стран. Мигранты из Китая подвергались стигматизации и ксенофобии уже в самом начале пандемии².

Отметим, что распространение эпидемии представляет собой сложный процесс, поэтому миграция из г. Ухань не определяла всю серьезность и опасность распространения эпидемии. Эпидемия COVID-19 охватила всю провинцию Хубэй в течение двух месяцев в начале 2020 г. Однако масштабная и интенсивная миграция в канун Праздника весны («Чунъюнь») все же способствовала ускорению распространения болезни, о чем свидетельствует анализ данных пассажирских перевозок на транспорте.

Пандемия COVID-19 началась в декабре 2019 г. в Китае, в г. Ухань, провинции Хубэй. На ранней стадии распространения заболевания в Китае количество заболевших росло, пока эпидемия не достигла своего пика. Пять миллионов человек мигрировали из Уханя до введения карантина, что потенциально могло быть источником распространения вирусной инфекции. Исследование распространения случаев заболевания и их корреляции с миграцией населения из Уханя имеет большое значение для разработки целевых стратегий лечения и раннего предупреждения и предотвращения будущих вспышек заболевания [Chen Zeliang et al., 2020: 1044-1045].

В Китае основной причиной быстрой передачи COVID-19 на ранней стадии вспышки стало огромное количество пассажиров, садящихся на «последний поезд

² Addressing Access to Health Services for Migrants during COVID-19 // IOM – UN Migration. YouTube Channel. URL: https://youtu.be/lio9z_XuXeM (accessed on 05.02.2021).

домой», чтобы встретиться с членами семьи во время праздника. По-китайски этот феномен называется «Чуньюнь» (春运). Большинство путешественников – внутренние рабочие-мигранты. Для того чтобы снизить риск передачи COVID-19, сеть общественного транспорта была временно остановлена и многих рабочих-мигрантов, вернувшихся в свои родные города, поместили в карантин на 14 дней, что привело к задержке их возвращения в города на работу [Liu Zihan et al., 2020: 1].

31 декабря 2019 г. муниципальный комитет здравоохранения г. Ухань сообщил о 27 случаях пневмонии неизвестной этиологии, и многие из них были связаны с Уханьским рынком морепродуктов, который был закрыт 1 января 2020 г. Уже 7 января 2020 г. лабораторные исследования показали, что возбудителем ранее необъясненной пневмонии является коронавирус нового типа. Всемирная организация здравоохранения официально присвоила этой пневмонии название COVID-19. Вирус SARS-CoV-2 был определен как инфекционное заболевание класса «В», но правительство Китая классифицировало его как заболевание класса «А». Ранее неизвестный бета-коронавирус был обнаружен с помощью секвенирования в образцах от пациентов с пневмонией [Zhu Na et al., 2020: 727–733]. По состоянию на 30 января 2020 г. в 34 административных единицах Китая было зарегистрировано 9692 случая заболевания, и почти все они были завезены из г. Ухань [Chen Zeliang et al., 2020: 1044–1045]. В Ухани и окружающих его городах наблюдалось наибольшее количество случаев заболевания. За ним следуют города с большой численностью населения, являющиеся крупными транспортными узлами. Все миграционные данные, собранные китайскими учеными в регионах распространения COVID-19 в период с 1 января по 20 февраля 2020 г., говорят, что количество мигрантов достигло пика 21 и 22 января 2020 г. [Chen Zeliang et al., 2020: 1048], а затем постепенно уменьшалось в связи со строгим контролем со стороны китайского руководства [Song Wenyu et al., 2020: 4]. 23 января 2020 г. правительство КНР приняло решение о полной блокировке 17 городов в провинции Хубэй и введении государственных мер контроля, которые показали эффективность в предотвращении роста числа случаев заболевания. Эти меры препятствовали и последующей вспышке эпидемии. После поездок в период Чуньюнь миграция была остановлена правительством с целью контроля над распространением эпидемии [Song Wenyu et al., 2020; Chen Zeliang et al., 2020: 1046].

Методы исследования

Исследователь из Китайского университета Гонконга (Гонконг, Китай) Шэнь Цзяньфа анализирует коэффициенты корреляции между количеством случаев заболевания COVID-19, миграцией в провинцию Хубэй в 2005–2010 гг. и миграцией в провинцию Хубэй в 2010–2020 гг. (миграция в провинцию Хубэй в течение 2005–2010 и 2010–2015 гг. соответственно).

Ученый пришел к выводу, что рассеивание между количеством внутренних мигрантов в провинции Хубэй и количеством случаев заболевания COVID-19 неизменно демонстрирует тесную взаимосвязь, хотя число случаев заболевания COVID-19 со временем увеличивалось. Их коэффициенты корреляции остаются высокими и даже немного увеличиваются с 26 января по 6 марта. Возможное объяснение, по мнению ученого, состоит в том, что последующая передача COVID-19 в пределах провинции зависит от количества первоначальных случаев, завезенных из провинции Хубэй. Если бы все провинции приняли аналогичные меры и столкнулись с аналогичной моделью роста COVID-19, тогда возникла бы очень сильная зависимость от траекто-

рии развития. В результате коэффициенты корреляции на поздних сроках остаются высокими [Shen Jianfa, 2020: 621].

Таблица 1.

Коэффициенты корреляции между количеством случаев COVID-19 и различными переменными

Table 1.

Correlation coefficients between the number of COVID-19 cases and various variables

Переменные	D0126	D0207	D0220	D0306
D0126	1	0.942**	0.928**	0.932**
D0207	0.942**	1	0.990**	0.990**
D0220	0.928**	0.990**	1	1.000**
D0306	0.932**	0.990**	1.000**	1
миграция в Хубэй 2005–2010	0.888**	0.882**	0.880**	0.880**
миграция в Хубэй 2010–2015	0.889**	0.910**	0.918**	0.918**
20 января доля из г. Ухань	0.706**	0.750**	0.764**	0.761**

Источник: Shen Jianfa, 2020.

*Уровень значения 0.05; **Уровень значения 0.01. Количество зарегистрированных случаев на 26 января 2020 г. 7 февраля 2020 г. и 6 марта 2020 г. представлены переменными D0126, D0207, D0220 и D0306 соответственно.

Рисунок 1 показывает распределение случаев COVID-19 в материковом Китае на 26 января 2020 г. 30 провинций разделены на шесть групп, каждая из которых состоит из 4–6 провинций. В первую группу вошли Гуандун, Хэнань, Чжэцзян, Хунань и Чунцин, где наблюдалось наибольшее количество случаев заболевания COVID-19, по 73–146 случаев в каждом, а также Хэнань, Хунань и Чунцин – соседние провинции. Вторую группу составили Аньхой, Шаньдун, Сычуань, Пекин и Цзянси, в каждой по 48–72 случая. Аньхой и Цзянси являются также граничащими с Хубэй провинциями, а Шаньдун и Сычуань находятся недалеко от провинции Хубэй. Пекин, столица Китая, имеет тесные миграционные связи с Ухань. В третьей группе всего четыре провинции: Фуцзянь, Цзянсу, Шанхай и Гуанси, в каждой по 23–47 случаев. Три провинции с 22 случаями COVID-19 в каждой были включены в четвертую группу наряду с шестью провинциями, каждая с 15–22 случаями. Поле “Data missing” указывает на отсутствие данных по о. Тайвань [Shen Jianfa, 2020: 623].

Шэнь Цзяньфа установил, что поток населения из г. Ухань и провинции Хубэй в другие провинции непосредственно перед тем, как был введен запрет на передвижение в г. Ухань, тесно связан с мигрантами, которые вернулись в родной город в январе 2020 г. на весенние каникулы [Shen Jianfa, 2020: 623]. В этой статье показана высокая корреляция между миграцией и случаями заболевания COVID-19. Однако данный результат следует интерпретировать с осторожностью, поскольку ежедневные случаи заболевания COVID-19 не являются надежным индикатором реальной пандемической ситуации из-за ошибок в тестировании и задержек в отчетности.

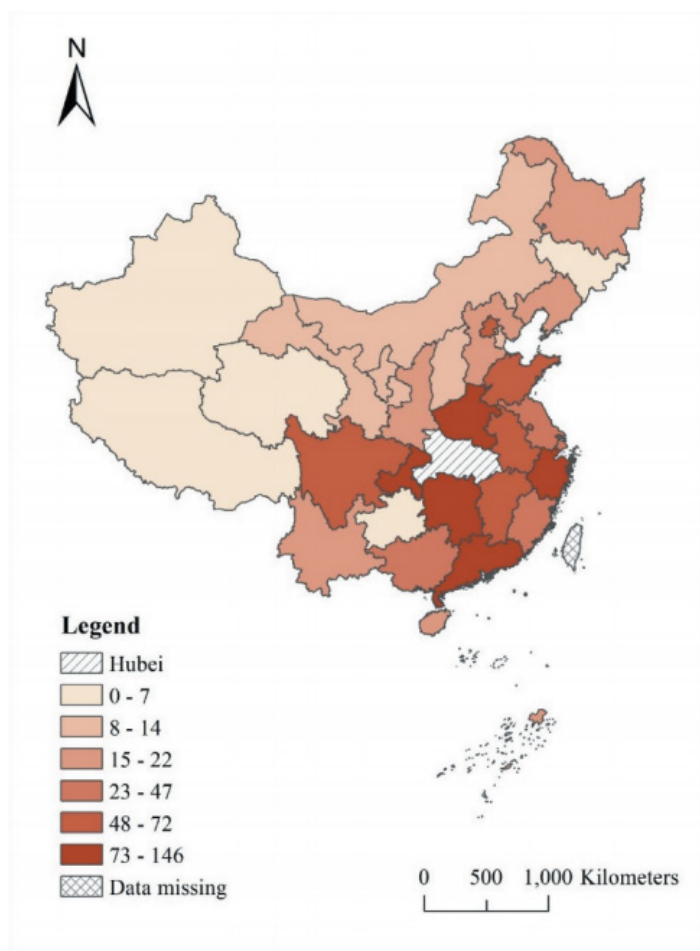


Рис. 1. Количество случаев заболевания COVID-19 по провинциям материкового Китая на 26 января 2020 г.
Fig. 1. The number of COVID-19 cases by provinces in mainland China as of January 26, 2020.

Источник: Shen Jianfa, 2020.

Несколько групп китайских ученых из Университета Сунь Ятсена (Гуанчжоу, КНР); лаборатории инфекционных заболеваний животных при Шэньянском университете сельского хозяйства (Шэньян, КНР); Бостонского университета (Бостон, США); Центра глобального здоровья при Нанкинском медицинском университете (Нанкин, КНР) провели ретроспективное исследование³ по оценке массовой миграции перед Новым годом в Китае и ее корреляции с эпидемическими данными. Китайскими учеными были собраны данные о миграции с 1 по 30 января 2020 г. и об эпидемии с 25 января по 15 февраля 2020 г. [Song Wenyu et al., 2020; Chen Zeliang et al.,

³ Ретроспективное исследование использует данные, ранее полученные другими авторами, и не подразумевает наблюдения за пациентами, а только сбор данных и их анализ по определенным критериям. В ретроспективном исследовании предположения о воздействии предполагаемого причинного фактора(-ов) получают из данных, отражающих свойства участников группы исследования, или из событий или опыта их в прошлом.

2020; Liu Zihan et al., 2020]. Интенсивность эмиграции была рассчитана с использованием индекса миграции, умноженного на долю миграции в провинции или городе. Сун Вэньюй, Цзан Пянь, Дин Чжунсин, Фан Синьюй, Чжу Лиго, Чжу Я, Бао Чанцзюнь и другие, используя метод **масштабно-инвариантной сети**, разделяют Китай на 3 города центрального подчинения (Пекин, Тяньцзинь, Чунцин), 9 столиц провинций и 12 других городов (включая Циндао, Шэньчжэнь и другие города). Ученые допускают, что эпидемия COVID-19 в этих регионах усугубляется миграцией [Song Wenyu et al., 2020: 2].

Корреляционный анализ проводился с использованием программы IBM SPSS Statistics. Значение $P \leq 0,05$ считалось статистически значимыми, коэффициенты корреляции Пирсона более 0,2 считались индикаторами положительной корреляции [Chen Zeliang et al., 2020: 1046; Song Wenyu et al., 2020: 2]. Китайские ученые описывают взаимосвязь между распространением эпидемии и миграцией в другие регионы, кроме г. Ухань в провинции Хубэй.

Байесовская пространственно-временная модель программного обеспечения WinBUGS (Microsoft Corporation) делится на три вида. Первый вид называется модель данных, которая выявляет, что количество людей, подвергающихся риску, в каждом городе в течение периода исследования не изменилось. Второй вид — модель процесса — основан на математических вычислениях компонента пространственной изменчивости, описывающей риск развития городских заболеваний по сравнению с риском во всем исследуемом регионе в течение 11-дневного периода наблюдения. Здесь ученые учитывают пространственное изменение, временное изменение и пространственно-временное взаимодействие. Наконец, параметрическая модель, как один из видов статистических моделей, позволяет определить матрицу весов пространственной смежности. На основе этой модели с помощью пространственного компонента S_i и его апостериорной вероятности⁴ можно идентифицировать города с высоким или низким уровнем риска инфицирования [Chen Zeliang et al., 2020: 1045].

Массовая миграция накануне Праздника весны в 2020 г. имела негативные социально-экономические последствия на жизни многих миллионов китайцев. В предыдущие годы большинство трудовых мигрантов во время новогодних праздников возвращались в свои родные города, и через две недели после Китайского Нового обычно наступал пик их возвращения на рабочие места. По мнению руководителя Департамента по делам трудовых мигрантов Министерства трудовых ресурсов и социального обеспечения КНР Шан Цзяньхуа, в 2020 г. в связи с эпидемией коронавируса возвращение трудовых мигрантов на работу было отложено⁵.

В 2018 г. Пекин активизировал кампанию по выселению рабочих-мигрантов, которые годами проживали на окраинах города. По данным Национального бюро статистики КНР за 2019 г., в Китае было зарегистрировано 288,36 млн рабочих-ми-

⁴ Апостериорной называют условную вероятность значения, принимаемого случайной переменной, которое назначается после принятия во внимание некоторой новой, связанной с ней информации, и вычисляется с помощью теоремы Байеса.

⁵ В Китае часть сельских трудовых мигрантов вернулись на рабочие места // РИА Новости. Информационное агентство. 07.03.2020. URL: <https://ria.ru/20200307/1568286794.html> (дата обращения: 05.02.2021).

грантов, что составляет более трети всего работающего населения страны⁶. В 2019 г. около 170 млн рабочих мигрантов из сельской местности покинули свои родные населенные пункты. В марте 2020 г. уже более 78 млн вернулись на свои рабочие места на фоне положительной динамики в борьбе с эпидемией коронавируса. В 2019 г. их число в Китае достигало 290 млн человек. Из этого числа примерно 58% трудились за пределами своего родного региона⁷.

В условиях массового распространения смертоносного коронавируса китайские городские власти, опасаясь перспективы огромного увеличения расходов на социальные услуги, в значительной степени отменяют для иностранных мигрантов разрешение на проживание в стране. Для того, чтобы успешно решить эту крайне сложную проблему, им было необходимо обеспечить по возможности безопасное возвращение в мегаполисы невероятно большого количества рабочих-мигрантов и студентов, которые разъехались оттуда по стране на каникулы по случаю Праздника весны. Путем жестких ограничительных мер в большие города допустили только около 80 млн отпускников. До конца февраля 2020 г. в крупные центры доставили около 120 млн человек, а в марте – еще 100 млн студентов, а также 100 млн рабочих-мигрантов⁸.

Вместе с тем на фоне внедрения массовых карантинных мер и потери дохода среди китайских рабочих-мигрантов обострились проблемы с психическим здоровьем. В этой связи у ученых возникла необходимость всесторонне исследовать такие проблемы и связанные с ними вопросы получения доступа к услугам здравоохранения среди трудовых мигрантов в Китае.

Пандемия также повлияла на развитие сферы здравоохранения в КНР. За последние десятилетия Китай пережил самую широкую и быструю урбанизацию в мире. По официальным данным, к концу 2019 г. более 60% населения Китая проживало в городах, что на 30% больше, чем 20 лет назад⁹. Массовая миграция рабочих из сельской местности в города вносила огромный вклад в экономическое развитие страны в последние три десятилетия. Тем не менее, даже мигранты, прожившие в больших городах в течение многих лет, по-прежнему имеют лишь ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию, а их дети не могут получить образование на более высоком уровне в государственных школах из-за печально известной системы регистрации домохозяйств «хукоу» (户口), в соответствии с которой доступ к услугам социального обеспечения ограничен. Он определяется родным городом мигрантов, а не местом, где они проживают. Трудовые мигранты имеют низкое социально-экономическое положение в городах и могут устраиваться только на временную работу. Лю Цзыхань, Чжао Яньцзе и другие ученые призывают органы здравоохранения и медицинских работников уделять больше внимания этой груп-

⁶ Coronavirus: China's migrant workers determined to stay in cities as most see 'no hope' in rural hometowns // South China Morning Post. Newspaper. 01.09.2020. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3099566/coronavirus-chinas-migrant-workers-determined-stay-cities> (accessed on 05.02.2021).

⁷ В Китае 78 млн трудовых мигрантов вернулись к работе после спада вспышки коронавируса // ТАСС. Информационное агентство. 07.03.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7923077> (дата обращения: 05.02.2021).

⁸ Головин В. В этой бомбе — 320 миллионов человек // Новая газета. Газета. 25.02.2020. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/02/25/84059-v-etoy-bombe-320-millionov-chelovek> (дата обращения: 05.02.2021).

⁹ Coronavirus: China's migrant workers determined to stay in cities as most see 'no hope' in rural hometowns.

пе населения и предоставлять мигрантам своевременный доступ к услугам психологов [Liu Zihan et al., 2020: 2].

За последние несколько месяцев в Китае был разработан ряд руководств по экстренным психологическим вмешательствам. Например, Государственный комитет по делам здравоохранения и планового деторождения КНР интегрирует меры противодействия психологическому кризису в общую профилактику заболеваний. Базовое медицинское страхование для рабочих-мигрантов во многих городах Китая не полностью покрывает услуги по охране психического здоровья. Кроме того, частное медицинское страхование недоступно для рабочих-мигрантов. Эти факторы снижают вероятность обращения рабочих-мигрантов за помощью в службы психологической помощи в случае необходимости [Liu Zihan et al., 2020: 2].

По заявлению председателя КНР Си Цзиньпина, Китай продолжит делиться с другими странами своими методами борьбы с эпидемией, а также диагностическими и терапевтическими средствами, оказывать поддержку и помощь нуждающимся странам и обеспечивать стабильные глобальные цепочки поставок противоэпидемических средств¹⁰.

На наш взгляд, жесткие региональные карантинные меры по-прежнему остаются наиболее эффективным средством борьбы с эпидемией. Благодаря действиям председателя Си Цзиньпина и руководства КНР по проведению карантинных мероприятий в Ухане и других городах Китая, количество случаев заболевания и смертей от коронавируса резко сократилось. Совместными усилиями количество летальных исходов от пневмонии COVID-19 в Китае и в мире сведено к минимуму.

Китай продолжает эффективно бороться с пандемией: Китайское руководство частично блокирует четыре города, в которых проживает около 22 млн человек, и проводит массовое тестирование населения¹¹. В середине февраля 2021 г. новогодняя миграция прошла без нового всплеска заболевания благодаря использованию накопленного богатого опыта борьбы с COVID-19. Однако рост случаев заболеваний COVID-19 наблюдался за несколько недель до Китайского нового года, поэтому местные органы власти призывали жителей в 2021 г. оставаться дома.

Результаты и обсуждение

Для составления общего профиля распределения случаев, китайские вирусологи проанализировали все случаи инфицирования во время вспышки COVID-19 в начале 2020 г. Количество активных случаев заболевания оставалось стабильным с 11 по 15 января 2020 г., но количество новых случаев быстро увеличивалось после 16 января 2020 г. [Chen Zeliang et al., 2020: 1046; Nishiura et al., 2020: 330]. О первой смерти сообщили 10 января 2020 г., а уже с 17 января 2020 г. число смертей начало быстро расти, и к 30 января 2020 г. достигло 213. До 19 января 2020 г. количество тяжелых случаев оставалось низким, но число заболевших неуклонно росло с 20 января 2020

¹⁰ Xi Focus: China pledges active contribution to global anti-pandemic cooperation // National Health Commission of the People's Republic of China [site]. 23.09.2020. URL: http://en.nhc.gov.cn/2020-09/23/c_81730.htm (accessed on 05.02.2021).

¹¹ China beefs up COVID-19 containment for world's biggest annual human migration // CGTN. TV channel. 21.01.2021. URL: <https://news.cgtn.com/news/2021-01-21/China-beefs-up-COVID-19-containment-for-Spring-Festival-holiday-XeapOaZHEI/index.html> (accessed on 05.02.2021); Barrett E. China tries to halt the world's biggest human migration // Fortune. Magazine. 14.01.2021. URL: <https://fortune.com/2021/01/14/china-covid-human-migration-chinese-new-year-lunar-travel> (accessed on 05.02.2021).

г. и далее. После 19 января 2020 г. количество подозреваемых случаев COVID-19 стало быстро увеличиваться, но затем подтверждалось только от 40% до 50% таких случаев [Chen Zeliang et al., 2020: 1046].

Корреляционный анализ показал взаимосвязь между оттоком населения из г. Ухань и количеством подтвержденных случаев COVID-19 в период с 25 января по 15 февраля 2020 г. с учетом времени инкубации COVID-19 в течение 14 дней. Китайские исследователи утверждают, что распределение городов с большим числом подтвержденных случаев во время весенней миграции в Китае может быть проанализировано **методом масштабной-инвариантной сети** [Song Wenyu et al., 2020: 5].

Согласно китайским исследованиям, эпидемическая ситуация в других регионах, кроме Хубэй, в значительной степени коррелирует с миграцией из г. Ухань. На распространение эпидемии в других провинциях, муниципалитетах и автономных регионах в значительной степени влияла миграция из этого города. Применяя **байесовскую модель**¹², Чэнь Цзэлян, Чжан Ци, Лу И, Чжун Миньго, Чжан Си и Чжан Вэньцзюнь выявляют, что провинции Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Хайнань и Тайвань являются первичными «горячими точками», а Внутренняя Монголия, Ганьсу, Нинся, Цинхай, Синьцзян, Хунань, Гуанси и г. Чунцин вторичными «горячими точками» [Chen Zeliang et al., 2020: 1047]. В провинциях Гуандун, Хэнань, Чжэцзян, Хунань и Чунцин было зарегистрировано наибольшее количество случаев заболевания COVID-19, по 73–146 случаев в каждой [Shen Jianfa, 2020: 622]. Провинции Гуандун и Чжэцзян не попадают в 90%-ный диапазон прогнозов. Гуандун находится на втором месте по числу подтвержденных случаев, а Чжэцзян на четвертом. Подтвержденные случаи COVID-19 и летальные случаи в провинции Хубэй составляют 59,91% (5806/9692) и 95,77% (204/213) от общего числа случаев в Китае соответственно [Chen Zeliang et al., 2020: 1046–1047]. Миграция во время Китайского Нового года распространялась из 50 самых крупных городов, расположенных на юге и востоке Китая, причем Пекин, Шэньчжэнь, Шанхай и Гуанчжоу демонстрировали самый высокий уровень миграции, давая более 15% мигрирующего населения [Chen Zeliang et al., 2020: 1049]. Миграция населения с 10 по 24 января 2020 г. оставалась достаточно интенсивной. После празднования Чуньцзе (25 января 2020 г.) правительство заблокировало провинцию, чтобы остановить распространение эпидемии [Song Wenyu et al., 2020: 2]. Ученые провели почти 100 000 итераций, и модель успешно конвергируется. После схождения модели ее повторили еще 110 000 раз для получения оценок параметров. Как правило, отношение, близкое к 1, указывает, что две цепные итерационные последовательности близки, и что модель характеризуется положительной конвергенцией и достаточно стабильна.

Итак, для наиболее полной оценки роли миграции в распространении пандемии COVID-19 представляется целесообразным использовать комплексный подход, основанный на сочетании нескольких методов, предложенных учеными из Китая и других стран для исследования массовой миграции населения в Китае в период Праздника весны с 1 января по 15 февраля 2020 г. Данный подход объединяет в себе три метода Больших данных: безмасштабная сеть, корреляционный анализ и байесовская пространственно-временная модель программного обеспечения. Применение этих методов в сочетании позволяет с большой уверенностью установить, что

¹² Байесовские статистические методы используют теорему Байеса для вычисления и обновления вероятностей после получения новых данных. Теорема Байеса описывает условную вероятность события на основе как данных, так и априорной информации или доверия событию или условий, связанных с событием.

масштабы распространения эпидемии в провинции Хубэй (за исключением г. Ухань) тесно связаны с весенней миграцией Чуньюнь из г. Ухань в период Праздника весны с 10 по 30 января 2020 г. Миграция между некоторыми крупными городами играла решающую роль в распространении COVID-19.

Однако вместе с тем нами была отмечена уязвимость статистических данных в рамках **масштабно-инвариантной сети**, которые показывает высокую корреляцию между миграцией и случаями заболевания COVID-19. Все данные графиков находятся в диапазоне только 90%-го прогноза. Этот метод позволяет частично объяснить эпидемическую ситуацию в других регионах КНР.

Преимущества **корреляционного анализа** и **байесовской модели** заключаются в том, что эти два подхода позволяют достаточно точно интерпретировать статистические данные о взаимосвязи между масштабами распространения эпидемии и миграцией в другие провинции Китая из провинции Хубэй. Применяя байесовскую модель, ученые анализируют временное и пространственное распространение зарегистрированных случаев заболевания во всех административных единицах КНР, доказывая, что количество заболевших продолжает расти. Кроме того, связи в модели устанавливаются между всеми переменными. Она показывает, что в провинции Хубэй было зарегистрировано наибольшее количество случаев заболевания и смерти, а тенденция их роста была относительно стабильна. Особо следует отметить, что города с наиболее быстрым изменением временного риска, такие как Чунцин, характеризуются большими объемами перемещения населения и быстрым временным риском инфицирования. На частный недостаток этой модели указывает невозможность преобразовать переменные, что свидетельствует о утрате значимых закономерностей.

Нельзя не отметить важность байесовского подхода, выявляющего необходимость уделять больше внимания устранению негативных социально-экономических последствий от эпидемии среди мигрантов как особо уязвимой группы и предоставлять своевременную помощь, в том числе в области охраны психического здоровья.

Заключение

Таким образом, результаты исследований зарубежных ученых на основе представленных методов Больших данных – масштабной-инвариантной сети, корреляционного анализа и байесовской модели – показывают, что масштабы распространения эпидемии в провинции Хубэй (за исключением г. Ухань) тесно связаны с миграцией из Ухани в период с 1 января по 15 февраля 2020 г. Опираясь на Большие данные, ученые анализируют пространственно-временные характеристики миграции китайцев в период с января по февраль 2020 г. и обсуждают меры для улучшения ситуации в общественном здравоохранении КНР. Кроме того доказано, что Чуньюнь не только увеличивает вероятность передачи и распространения вируса, но и нагрузку на регионы с низким уровнем медицинского обслуживания.

В целом проведенные исследования по данной тематике и применение масштабных методов Больших данных представляется чрезвычайно важным и своевременным событием. Понимание важности ограничений мобильности населения на ранних стадиях пандемии COVID-19 имеет решающее значение для оценки задач миграционной политики, направленных на сокращение распространения болезни.

В качестве рекомендации для дальнейших исследований о внедрении научных инноваций для решения миграционных проблем в условиях эпидемий автор пред-

лагает применение метода масштабно-инвариантной сети, в связи с тем, что на ее основе можно составить региональные карты, диаграммы или графики, показывающие взаимосвязь данных по миграции с высоким или низким уровнем риска инфицирования COVID-19 или другими заболеваниями.

Преимущественная концентрация внимания авторов на социальной, политической и экономической сфере раскрывает возможность устранения негативных социально-экономических последствий от эпидемии среди мигрантов. Ученые предлагают органам здравоохранения уделять больше внимания этой уязвимой группе населения – мигрантам – и предоставлять им своевременную медицинскую помощь.

Несомненно, ценные идеи, наработки, методы, представленные в трудах коллег из-за рубежа, должны быть доступны широкой публике, прежде всего специалистам в области демографии, миграции, экономики, политологии, медицины, психологии и других наук, связанных с миграционными процессами и их социально-экономическими последствиями.

Список литературы

*Chen Zeliang*1, *Zhang Qi*, *Lu Yi*, *Guo Zhong-Min*, *Zhang Xi*, *Zhang Wen-Jun*, *Guo Cheng*, *Liao Cong-Hui*, *Li Qian-Lin*, *Han Xiao-Hu*, *Lu Jia-Hai*. Distribution of the COVID-19 epidemic and correlation with population emigration from Wuhan, China. *Chinese Medical Journal*. 2020. Vol. 133, No. 9. Pp. 1044–1050. DOI: 10.1097/CM9.0000000000000782.

Connolly C., *Keil R.*, *Ali S. H.* Extended urbanisation and the spatialities of infectious disease: Demographic change, infrastructure and governance. *Urban Studies*. 2020. Vol. 58, No. 3. Pp. 245–263. DOI: 10.1177/0042098020910873.

Vakhnyuk I. Coronavirus pandemic challenges migrants worldwide and in Russia. *Population and Economics*, ARPHA Platform. 2020. Vol. 4, No. 2. Pp. 49–55. DOI: 10.3897/popecon.4.e53201.

Liu Zihan, *Zhao Yanjie*, *Feng Yuan*, *Zhang Qinge*, *Zhong Baoliang*, *Cheung T.*, *Hall B. J.*, *Xiang Yutao*. Migrant workers in China need emergency psychological interventions during the COVID-19 outbreak. *Globalization and Health*. 2020. Vol. 16, No. 1. Pp. 1–3. DOI: 10.1186/s12992-020-00608-w.

Nishiura H., *Jung Sung-mok*, *Linton N. M.*, *Kinoshita R.*, *Yang Yichi*, *Hayashi K.*, *Kobayashi T.*, *Yuan Baoyin*, *Akhmetzhanov A. R.* The extent of transmission of novel coronavirus in Wuhan, China, 2020. *Journal of Clinical Medicine*. 2020. February Vol. 9, No. 2. P. 330. DOI: 10.3390/jcm9020330.

Shen Jianfa. Covid-19 and inter-provincial migration in China. *Eurasian Geography and Economics*. 2020. Vol. 61, No. 4–5. Pp. 620–626. DOI: 10.1080/15387216.2020.1820355.

Song Wenyu, *Zang Pan*, *Ding Zhongxing*, *Fang Xinyu*, *Zhu Ligu*, *Zhu Ya*, *Bao Changjun*, *Chen Feng*, *Wu Ming*, *Peng Zhihang*. Massive migration promotes the early spread of COVID-19 in China: a study based on a scale-free network. *Infectious of Poverty*. 2020. Vol. 9, No. 109. Pp. 1–8. DOI: 10.1186/s40249-020-00722-2.

Zhu Na, *Zhang Dingyu*, *Wang Wenling*, *Li Xingwang*, *Yang Bo*, *Song Jingdong*, *Zhao Xiang*, *Huang Baoying*, *et al.* A novel coronavirus from patients with pneumonia in China, 2019. *The New England Journal of Medicine*. 2020, Vol. 382, No. 8. Pp. 727–733. DOI: 10.1056/NEJMoa2001017.

张新, 林晖, 朱长明, 王劲峰, 李满春, 徐成东, 胡茂桂, 孟斌, 曹春香. COVID-19疫情早期中国确诊时间的时空特征及动态过程分析 // 武汉大学学报. 第45 卷第6期2020年6月第791 – 797 页. [Чжан Синь, Линь Хуэй, Чжу Чанмин, Ван Цзиньфэн, Ли Маньчунь, Сюй Чэндун, Ху Маогуй, Мэн Бинь, Цао Чуньсян. Анализ временных и пространственных характеристик и динамического процесса ранней диагностики COVID-19 в Китае // Вестник Уханьского университета. 2020. №45(6). С. 791–797]. DOI: 10.13203/j.whugis20200255.

Сведения об авторе:

Бояркина Анна Владимировна, кандидат политических наук, доцент Академического департамента английского языка Восточного института – Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета; Владивосток, Россия.

Контактная информация: e-mail: aboyarkina@gmail.com; ORCID ID: 0000-0001-9819-8171; ПИНЦ Author ID: 834659; Scopus Author ID: 57191965512; Web of Science Researcher ID: R-8794-2018.

Статья поступила в редакцию 19.02.2021; принята в печать 16.04.2021.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MASS MIGRATION AND COVID-19 EPIDEMIC IN CHINA DURING SPRING FESTIVAL 2020

Anna V. Boyarkina

Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: aboyarkina@gmail.com

For citation: Anna V. Boyarkina. Mass migration and COVID-19 epidemic in China during Spring Festival 2020. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No 2. P. 113–125. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.9

Abstract. *The global pandemic of the coronavirus infection COVID-19, which broke out in early 2020, has become a serious test for all of humanity and for China. The epidemic was accompanied by mass migration in the most populous country in the world ahead of the Chunjie Spring Festival (春节) on January 25, 2020. This further aggravated the situation. Scientists from China and other countries have conducted large-scale studies using Big Data to establish the relationship between the number of migrants and the total number of confirmed cases. This article aims to determine the contribution of these works, carried out using methods such as scale-invariant network, correlation analysis and Bayesian approach, and provide recommendations for further research on the implementation of scientific innovations to solve migration problems in a pandemic. The paper provides an overview of the main ideas of foreign scientists, examines the research methods they used, identifies their advantages and disadvantages, presents recommendations for further research on the role of migration in the spread of infectious diseases. The novelty lies in the review of similar methods that were not previously used in similar studies by Russian demographers. In particular, the use of Big Data allowed scientists to establish that the population that left Wuhan was the main source of transmission of the virus to other cities and regions of China. The scale-invariant network method allowed for an analysis of the temporal and spatial distribution of cases, which shows that in Hubei province, where the largest number of cases and deaths were recorded, their growth slowed down rapidly. In other “hot spots”, on the contrary, the number of cases was initially low, but the increase in the number of cases at the beginning of the epidemic continued. The application of the Bayesian approach in research allowed scientists to prove that more attention should be paid to eliminating the negative socio-economic consequences of the epidemic among migrants as a particularly vulnerable group and to provide them with timely medical assistance, including psychological.*

Keywords: *China, COVID-19, migrants, migration during the Spring Festival, scale-invariant network, correlation analysis, Bayesian model.*

Bio note:

Anna V. Boyarkina, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Oriental Institute – School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

Contact information: e-mail: aboyarkina@gmail.com; RSCI Author ID: 834659; Scopus Author ID: 57191965512; Web of Science Researcher ID: R-8794-2018.

Received on 19.02.2021; accepted for publication on 16.04.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНЕ «БОЛЬШОГО ЗАЛИВА» КИТАЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Струкова П. Э.

Гуанчжоуский Институт Наньфан, Гуанчжоу, Китай.

E-mail: st-polina@yandex.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.10

Для цитирования: Струкова П. Э. Развитие сферы образования в регионе «Большого залива» Китая на современном этапе // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 126–138. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.10

Аннотация. В статье предпринята попытка обзора и анализа процесса развития сферы образования в регионе «Большого залива» (провинция Гуандун – Гонконг – Макао) в Южном Китае в наши дни. Данный интенсивно развивающийся экономический район представляет собой городской кластер, включающий в себя одиннадцать городов, два из которых являются специальными автономными районами – Гонконг и Макао – с высокой степенью автономности и локальной спецификой образовательных систем. В связи с этим в дельте р. Чжуцзян тщательно планируются и активно осуществляются процессы стандартизации и многоуровневой интеграции образовательных систем района. Уникальный опыт Китая в этом вопросе заслуживает пристального изучения, особенно принимая во внимание отсутствие достаточного количества материалов на данную тему на русском языке. Проанализированные в статье материалы включают официальные печатные аналитические обзоры и научные публикации китайских специалистов, которые имеют непосредственный доступ к первоисточникам, а также глубоко понимают тему. Для получения наиболее приближенной к реальности картины в статье также представлен обзор уже осуществленных Китаем конкретных проектов в сфере образования региона «Большого залива». Кроме того, приводятся примеры достижений в данном аспекте, выделяются тенденции дальнейшего развития, как, например, пошаговая реализация стратегии создания зоны передового образования и, как следствие, территории скопления высококвалифицированных специалистов в Южном Китае. Кроме того, анализируются выявленные в процессе реализации местными учебными заведениями и органами управления планов проблемы, такие как сложность интеграции при многоязычном преподавании в учебных заведениях, отсутствие согласованности действий между властями субъектов района, недостаточная интернационализация кадров и модернизация учебных программ. Также приводятся прогнозируемые китайским научным сообществом трудности и предполагаемые пути их решения. В частности, в ближайшем будущем ожидаются изменения в вопросах трудоустройства выпускников местных вузов, привлечение иностранных кадров, создание единой базы данных учащихся, создание специальных институтов профессиональной подготовки и объединений методистов, повышение прозрачности административных процессов, а также стандартизация системы квалификаций внутри региона «Большого залива» в Южном Китае.

Ключевые слова: Китай, регион «Большого залива», образование, Южный Китай, Гуандун, Гонконг, Макао.

Введение

Осуществление амбициозной инициативы «Один пояс и один путь»¹ китайского правительства задействует ресурсы различных стран, регионов и территорий, среди которых ключевым для самого Китая является регион «Большого залива» (провинция Гуандун – Гонконг – Макао)². Данный экономический регион на территории дельты р. Чжуцзян³ включает в себя девять городов и два специальных административных района (САР) Китая⁴, сотрудничество с которыми проходит в контек-

¹ Кит. 一带一路. Также известна как проект «Один пояс – один путь», инициатива «пояса и пути», «ОПОП». выдвинутое в 2010-х годах Китайской Народной Республикой (КНР) предложение объединенных проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века».

² Кит. 粤港澳大湾区, 大湾区, англ. Guangdong-Hong Kong-Macau Greater Bay Area, GBA. Также известен как район Большого залива Гуандун – Гонконг – Макао, зона Большого залива Гуандун – Сянган – Аомэнь.

³ Кит. 珠江. Также известна как р. Жемчужная.

⁴ Особые территориально-административные единицы КНР, пользующиеся высокой степенью автономии.

сте принципа «одна страна, две системы»⁵, предложенного Дэн Сяопином в конце 1980-х гг.

Являясь важнейшей платформой для подготовки кадров и проведения инновационных научных исследований, образовательные учреждения региона «Большого залива» сегодня ищут новые форматы реализации своего потенциала с учетом новых задач и совокупности влияющих факторов. Общие направления реформ, проводимых правительством Китая в регионе «Большого залива», сконцентрированы на стандартизации, модернизации и взаимной интеграции образовательных ресурсов, норм и проектов всех субъектов этой территории [Чжан Сыпин, 2019: 82].

Тема данной статьи представляет теоретический и практический интерес не только для специалистов узкой направленности, но и для широкого круга специалистов различных областей, а также для руководящих кадров и работников сферы образования в РФ. Опыт КНР в вопросе развития сферы образования в регионе «Большого залива» описан в скромном количестве научных публикаций на русском языке, однако же является уникальным и, несомненно, заслуживает подробного изучения.

В отечественной китаистике и дидактике традиционно уделяется существенное внимание системе образования в Китае в целом. Исторический обзор становления и реформирования современной системы образования всех уровней в Китае предлагают исследователи Семенова С. С., Чжао Мин Чэнь, Мишланова Л. Н. и Мишланов В. А., Лисин Чжан, Новикова Л. А., Ушакова Л. К., Панова Л. Д., Бражник Е. И., Машкина О. А., Суворова Е. А., Цин Хэ, Коротаева Е. В., Белоусова С. С. Вопросам организации образования различных социальных групп посвятили свои работы такие специалисты, как Захарьин А. Б., Лэйлэй Чжан, Савинова Е. В. Тему женского образования в Китае затрагивают работы Вейхун Чжэн, Вейли Чжэн, Чжэн Цзилень. О профессиональном, узкоспециальном и языковом образовании в Китае пишут такие исследователи, как Уразаева Л. Ю., Дацун Н. Н., Галимов И. А., Чебунин А. В., Зубкова Г. И., Тарасова Н. М., Черников А. М. Об интернационализации и регионализации образования в Китае можно прочесть в работах Хисамутдинова А. А., Шведовой И. А., Кимовой С. З., Лю Чжиянь.

Говоря о материалах на китайском языке, необходимо отметить, что о системе образования в регионе «Большого залива» написано не такое большое количество работ, как о финансовой или юридической составляющей происходящих здесь интеграционных процессов. Отчасти это связано с тем, что открытые данные о результатах проведения реформ начали появляться лишь недавно. Тем не менее, всесторонний анализ предлагают, например, китайские исследователи Ло Фаньмин и Чжао Хэньюй из Академии общественных наук провинции Гуандун. В своей работе «Цифры говорят: вступление в новую эру больших данных», вошедшей в сборник докладов о создании региона «Большого залива» за 2018 г., они приводят статистические данные широкого спектра, позволяющие составить общее представление о состоянии сферы образования в регионе.

В этом же сборнике докладов представляет интерес и статья Ю Айцун, которая ведет исследования в области региональной экономики и политики привлечения и удержания высококвалифицированных кадров. Соавтором выступает Чжоу Чжунгао,

⁵ Кит. 一国两制. Формат государственного устройства, при котором существует только один Китай, но территории Гонконг, Макао и Тайвань могут иметь собственные капиталистические экономические и политические системы, в то время как в остальной части Китая применяется социалистическая система.

исследователь и заместитель директора Института социологии и демографии Академии социальных наук провинции Гуандун. В их работе под названием «Концентрация трудового потенциала, построение территории скопления талантов в регионе «Большого залива», детально обсуждается вопрос подготовки кадров и недостатки функционирующей на данный момент в регионе образовательной системы.

Специалист в области международных финансов, а также экономических реформ материкового Китая, САР Гонконг и Макао, Го Шипин в книге «План региона “Большого залива” и глобальное позиционирование» раскрывает логику реализации плана интеграции всех одиннадцати субъектов региона, отдельно останавливаясь на особенностях локальной системы образования, а также на возникших в процессе ее усовершенствования затруднениях.

Далее, Фэн Цзэнцзюнь, директор Центра по исследованиям модернизации образования Университета Сунь Ятсена, профессор и научный руководитель Школы образования Университета Сунь Ятсена, в своей статье «Реформы образования провинции Гуандун, Гонконга и Макао при третьей промышленной революции и сотрудничестве», а также исследователь Чжан Гуйцзюй в статье «Освещение политики “многоязычного образования” в Гонконге и Макао по подготовке кадров в провинции Гуандун» в сборнике статей, посвященных сотрудничеству провинции Гуандун, Гонконга и Макао подробно рассказали о механизмах сотрудничества в образовательном секторе между тремя ключевыми территориями залива.

Чжан Сыпин, экономист и министр Рабочего отдела Единого фронта КНР⁶, в своей работе «Регион “Большого залива” (провинция Гуандун – Гонконг – Макао): новая страница политики реформ и открытости Китая» подробно анализирует процессы, происходящие сегодня в дельте р. Чжунцзян, немало внимания уделяя и сфере образования, а также реформам на рынке труда.

Важно подчеркнуть, что все эти исследования и предложенный анализ ситуации с разных точек зрения относятся преимущественно к 2017–2019 гг.

Из анализа литературы по теме становится очевидно, что в настоящий момент внимание китайских авторов приковано к конкретным шагам по модернизации сферы образования и смежных сфер в провинции Гуандун, как части городского кластера «Большого залива». В числе первых по актуальности тем стоит детальное изучение опыта САР Гонконг в формировании конкурентной передовой образовательной среды. Некоторое внимание уделяется и удачным примерам комплексной культурной интеграции в образовательной сфере Макао, а также особенностям многоязыкового и кросс-культурного обучения школьников в этом САР.

Принимая во внимание все вышесказанное, целью данной обзорной статьи является рассмотрение актуальных на сегодняшний день особенностей развития сферы образования в регионе «Большого залива» Южного Китая.

Для достижения указанной цели предприняты попытки выявления и обзора характерных черт сферы образования данного района, таких как концентрация молодых специалистов на территории провинции Гуандун, САР Гонконг и Макао, позиционирование района как зоны «скопления талантов», существенное различие форматов образовательных систем на территории городского кластера Гуандун – Гонконг – Макао, а также лингвистические различия этих трех территорий. Кроме того, прослеживается ориентация на мировые стандарты, фокусирование на научно-техниче-

⁶ Кит. 统一战线工作部. Политическое объединение под управлением Коммунистической партии Китая.

ской сфере, приводятся примеры и результаты активных интеграционных процессов в регионе. Также, с опорой на мнение китайских специалистов, дается прогноз дальнейших изменений в сфере образования региона «Большого залива».

Методы исследования

При подготовке данной работы и для наиболее полного изучения опыта Китая использовался ряд методов. В первую очередь, базовое понимание вопроса позволило сформировать обзор данных научно-аналитических отчетов и докладов китайских специалистов. Предпочтение было отдано именно официальным печатным источникам на китайском языке ввиду всестороннего и реалистичного описания в них актуального состояния сферы образования Южного Китая. Далее, примененный метод системного анализа позволил рассмотреть характеристики сферы образования в регионе «Большого залива», сформулировать и проследить воплощение планов правительства Китая, а также выделить проблемы в данной сфере. Кроме того, был использован аналитический метод для выявления трендов развития образования в дельте р. Чжуцзян.

Помимо перечисленных во введении источников, в работе также использованы тексты правительственных отчетов последних лет, так или иначе затрагивающих тему развития сферы образования региона «Большого залива» в Южном Китае в контексте интеграционных процессов, а также в ближайшем обозримом будущем.

Результаты

Анализируя упомянутую выше литературу по данному вопросу на китайском языке, можно выделить несколько характерных черт всей сферы образования региона «Большого залива» в Южном Китае, достаточно точно отражающих ее состояние на настоящее время.

1. Высокая концентрация молодых специалистов

Регион «Большого залива», помимо территории самого интенсивного экономического развития, одновременно является и самой «молодой» территорией Китая. По данным статистики, подавляющее большинство населения здесь – люди в возрасте 21–40 лет [Отчет о состоянии..., 2019: 12]. В 2016 г. количество людей в возрасте от 15 до 64 лет в данном регионе составляло 51,81 млн человек, это 76,22% населения, проживающего на всей территории провинции Гуандун, а также САР Гонконг и Макао [Ю Айцун, Чжоу Чжунгао, 2018: 187]. Если сравнить с другими подобными зонами заливов в Нью-Йорке, Сан-Франциско и Токио, то регион «Большого залива» в Южном Китае уже самый густонаселенный, и данные показатели лишь растут.

Говоря об общем уровне образования населения дельты р. Чжуцзян, необходимо отметить, что проведенный в 2015 г. социологический опрос показал: 17,47% населения региона «Большого залива» имели высшее образование, это 11,87 млн из почти 68 млн жителей района на тот момент. Высшее образование получали партийные и административные кадры, управленцы на предприятиях, научно-технические сотрудники, работники сельского хозяйства, соцработники и высококвалифицированные специалисты в других сферах [Ю Айцун, Чжоу Чжунгао, 2018: 187]. При этом интересно уточнить, что концентрация высококвалифицированных специалистов в провинции Гуандун приходится на города Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Чжухай, Чжуншань и составляет 74,08%; больше всего ценных специалистов проживает в г. Шэньчжэнь – 35,53%. Стоит оговориться, что подсчет касается постоянно проживающих специа-

листов и не учитывает тех, кто приезжает на временные проекты. В целом среди всех городов «Большого залива» данный показатель, что ожидаемо, выше всего в Гонконге [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао, 2018: 191].

Если обратить внимание на приграничный город Шэньчжэнь – региональный центр притяжения молодых специалистов – то по данным на 2018 г., в нем проживало 64% людей со степенью бакалавра и по 15% – со степенями специалиста и магистра. Жители со степенью PhD и лица только со школьным образованием составляли по 3% [Отчет о состоянии..., 2019: 16].

2. Ориентация на мировые стандарты и научно-техническую сферу

Согласно «Рейтингу университетов мира» Quasquarelli Symonds за 2018 г., в зоне залива Нью-Йорка работали 95 вузов, в зоне залива Сан-Франциско – 80, в зоне залива Токио – 100, а в зоне Большого залива в Китае – 160 вузов. При этом в первую сотню сильнейших в мире входили по 3, 9, 2, 5 вузов каждой территории соответственно. Плюс к этому, 18 вузов дельты р. Чжуцзян вошли в государственный план «Университеты мирового класса и первоклассные специальности»⁷ [Чэнь Цзин, 2019: 95]. Кроме программ широко известных вузов вроде Университета Гонконга (HKU), Научно-технического университета Гонконга (HKUST), Китайского университета Гонконга (CUHK), также в дельте р. Чжуцзян признаны выдающимися на мировом уровне 18 дисциплин, преподаваемых в Университете им. Сунь Ятсена (SYSU), Южно-китайском технологическом университете (SCUT), Цзинаньском университете (JNU), Южно-китайском педагогическом университете (SCNU) и Гуанчжоуском университете китайской медицины (GUCM) [Ло Фаньмин, Чжао Хэньюй, 2018: 91].

К примеру, Исследовательский центр по вопросам развития (при Госсовете КНР) сообщает, что улучшение инвестиционного климата в дельте р. Чжуцзян и ориентация на научно-техническую сферу в значительной степени повлияли на структуру, содержание и формат обучения по инженерно-техническим специальностям в вузах провинции Гуандун. Выяснилось, что спрос на специалистов здесь превышает предложение, а также что масштаб их подготовки уступает другим провинциям и регионам. В 2016 г. в список топ-100 технологических вузов материкового Китая вошли всего два вуза, расположенных в провинции Гуандун: Южно-китайский технологический университет (SCUT) и Политехнический университет провинции Гуандун (GPNU). Аналитики центра считают, что виной всему устаревшая концепция преподавания и не отвечающее новейшим стандартам содержание обучения [Исследовательский центр..., 2019: 305].

3. Позиционирование региона как зоны «скопления талантов»

Описывая образовательную систему одиннадцати городов территории залива и перспективы, китайские авторы используют такие термины, как «人才高地» – «скопление талантов» и «人才主义» [Ло Фаньмин, Чжао Хэньюй 2018: 191] [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао, 2018: 186; Чэнь Цзин, 2019: 103], что может переводиться как «принцип использования главным образом талантливых, выдающихся, высококвалифицированных кадров в определенных регионах» и в китайском научном дискурсе называется «следующим шагом общества на пути от капитализма» [Ло Фаньмин, Чжао Хэньюй, 2018: 193], что обозначает вектор развития целой совокупности систем, включая образовательную.

⁷ Кит. 世界一流大学和一流学科建设 (сокр. 双一流). В сентябре 2017 г. «Проект 985» и «Проект 211» были объединены и трансформированы в новый, целью которого является создание университетов и дисциплин мирового класса к концу 2050 г.

Однако на пути создания зоны «скопления талантов» в Южном Китае существуют очевидные преграды. Например, из-за наличия в зоне территорий, где «Запад встречается с Востоком» (САР Гонконг и САР Макао), и реальной необходимости подготовки кадров для экономического развития и международного сотрудничества остро встает вопрос многоязыкового обучения. Сейчас в вузах провинции Гуандун уже открыты специальности с обучением на английском языке, но по-прежнему не хватает квалифицированных кадров для реализации таких образовательных программ [Фэн Цзэнцзюнь, 2015; Чжан Гуйцзюй, 2015].

4. Различие форматов образовательных систем на трех территориях региона

Данную характерную черту региона подробно рассматривает исследователь Фэн Цзэнцзюнь. Так, в провинции Гуандун образование базовое, ориентированное на рейтинг, по большей части государственное и сопутствует экономическому развитию, а базовое и профессиональное образование разделены. В Гонконге образование является непрерывным, направлено на комплексное развитие человека, процент продолжающих повышение квалификации высок, в равной степени есть и частные, и государственные школы, а само образование опережает экономику, отличается тесной связью с промышленностью и большим количеством инвестиций. В Макао же обязательное образование в целом составляет 15 лет (включая садик), в отличие от двух других территорий, где обязательное обучение длится 12 лет. Оно разнообразно, интернационализировано и направлено на индивидуальное развитие талантов, в основном частное и подстраивается под экономику, а открытости образовательных процессов в обществе уделяется повышенное внимание [Фэн Цзэнцзюнь, 2015: 18–21].

5. Лингвистические различия трех территорий региона

Подробно о языковой специфике пишет Чжан Гуйцзюй: за последние годы школьное образование в Гонконге эволюционировало из формата обучения, в котором английский превалировал над китайским (общенациональный китайский язык путунхуа⁸), в формат, когда китайский используется чаще, чем английский. В самое последнее время повсеместно используется формула «два письменных языка и три устных языка», то есть письменные английский + путунхуа и устные английский + путунхуа + кантонский диалект⁹. В Макао же устойчиво сохраняется формат «три письменных языка и четыре устных языка», то есть письменные английский + путунхуа + португальский и устные английский + путунхуа + кантонский + португальский [Чжан Гуйцзюй, 2015: 301]. При таком языковом разнообразии крайне сложно координировать программу и содержание обучения, а также унифицировать образовательные услуги в пределах всей зоны залива.

6. Активные интеграционные процессы в регионе

Исследователь Чэнь Цзин отмечает, что образование – важнейший аспект укрепления подобных территорий интенсивного экономического развития. По его мнению, очевидно недостаточно глубокое сотрудничество между субъектами региона «Большого залива» на всех уровнях для максимально эффективного использования плюсов всех образовательных форматов, существующих на данной территории [Чэнь Цзин, 2019: 95]. Также он пишет, что на сегодняшний день изменения носят

⁸ Официальный язык в Китайской Народной Республике и Республике Сингапур. Это понятие относится, прежде всего, к устной, произносительной норме; письменный стандарт носит название *байхуа*.

⁹ Также известен как гуанчжоуский диалект. Хотя кантонский диалект и *путунхуа* имеют много общего в лексике и грамматике, они взаимонепонятны носителям, во многом из-за разницы в произношении.

преимущественно качественный характер, и для достижения более высоких количественных показателей необходимо усилить образовательные обмены на всех уровнях [Чэнь Цзин, 2019: 97].

Рассматривая процесс интеграции и модернизации образовательных систем в регионе дельты р. Чжунцзян уместно привести и краткий обзор наиболее значимых событий в этой области. Несмотря на то, что городская агломерация в регионе провинции Гуандун, Гонконга и Макао стала активно фигурировать в правительственных планах еще в начале XXI в., первым действительно знаковым событием в региональной сфере образования стало открытие в октябре 2012 г. в материковом приграничном г. Шэньчжэнь отделения совместного Китайского университета Гонконга (СУНК) [Чэнь Цзин, 2019: 96].

В июне 2016 г. был организован союз инновационных разработок вузов региона. Его возглавил Гонконгский университет науки и технологий, также в числе участников – Университет Макао (UM), Университет им. Сунь Ятсена (SYSU), Южно-китайский технологический университет (SCUT), Гуанчжоуский политехнический институт (GIST) и Университет Гуанчжоу (GZHU). В районе Наньша, к юго-востоку от г. Гуанчжоу, эти университеты совместно открыли Исследовательский институт им. Генри Фока. Общими силами были разработаны форматы сотрудничества в сфере инноваций и в сфере совместного финансирования проектов на ближайшие годы [Го Шипин, 2018: 177]. В то же время были созданы Союз высших учебных заведений региона «Большого залива», а за год до того – Союз вузов в области инноваций и предпринимательства [Чэнь Цзин, 2019: 99].

По имеющимся данным, на 2017 г. только в провинции Гуандун преподавали 13 тыс. высококвалифицированных специалистов из общего числа 55,5 тыс. преподавателей, обучались 1,9 млн студентов, при этом абитуриентов насчитывалось 0,6 млн человек. По данным показателям провинция Гуандун лидировала в материковом Китае. При этом 9 университетов уже приняли унифицированную модель оценки знаний для поступления абитуриентов, что стало очевидным прогрессом на пути достижения общих целей [Ло Фаньмин, Чжао Хэньюй, 2018: 91].

На 2018 г. в регионе «Большого залива» были открыты 25 ведущих государственных лабораторий, 25 национальных центров инженерных исследований, 97 НИИ нового типа, 449 научно-технических инкубаторов, привлечено 150 академиков из данной провинции и других мест, привлечен 161 иностранный высококвалифицированный специалист, организованы 6 баз по интеграции производства, преподавания и исследований, запущено 1128 образовательных программ на разных уровнях [Ло Фаньмин, Чжао Хэньюй, 2018: 93]. В том же году в регионе «Большого залива» функционировали 6 кластеров высоких технологий и инноваций государственного значения, 2 парка программного обеспечения, 1 технологический вуз государственного значения, а кроме того, работало более 30 вузов и исследовательских организаций с лицензией на присуждение степени магистров выпускникам [Го Шипин, 2018: 233].

В качестве экспериментальной базы был открыт Китайско-французский колледж ядерной инженерии и технических дисциплин, где испытывается сочетание двух подходов к организации образования. Бирмингемский университет и Университет Цзинань создали совместный международный институт с той же целью [Ло Фаньмин, Чжао Хэньюй, 2018: 93]. В рамках международного сотрудничества и усиления связей с такими странами как Израиль, Англия, Германия и т. д. были открыты в общей сложности 240 зарубежных исследовательских учреждений. Успешно

продвигаются инновационные платформы, например, Китайско-израильский международный производственный парк научно-технического сотрудничества (в г. Дунгуань) и др. Также в г. Дунгуань основан высокотехнологичный производственный технопарк Суншаньху: роль его состоит в создании инновационной базы между северной и южной частью региона «Большого залива» [Го Шипин, 2018: 232].

Если говорить о направлениях обучения и научной деятельности, то можно отметить, что Университет им. Сунь Ятсена в сотрудничестве с Южно-китайским политехническим университетом и отделением Академии наук КНР в Гуанчжоу усиленно работают над курсами и проектами по облачному программированию, квантовой связи, «умному» производству и робототехнике. В Макао и Чжухае, а именно в Университете Макао и кампусе Университета им. Сунь Ятсена в Чжухае работают над микроэлектроникой, морским и океаническим специальным оборудованием, вопросами традиционной китайской медицины. Здесь активно используется связь Макао с португалоговорящими странами и странами Латинской Америки для образовательного и научного обмена [Го Шипин, 2018: 232].

Эти и другие достижения коррелируют с общим направлением развития и в полной мере отражают темпы развития сферы образования в регионе «Большого залива» в Южном Китае.

Обсуждение

В проанализированных материалах на китайском языке по данной теме, помимо общих перспектив, перечисляются и конкретные шаги по усовершенствованию сферы образования в дельте р. Чжуцзян. Например, в ближайшем будущем ожидается *создание специальных институтов профессиональной подготовки*, в задачи которых будут входить разработка и коррекция имеющихся обучающих курсов, унификация планов и содержания обучения. Кроме того, можно прогнозировать и *стандартизацию системы квалификаций*, равно как и *повышение прозрачности образовательных и административных процессов*. Для этого идет подготовка к открытию узкоспециализированного районного центра стандартизации. Данный центр будет выполнять необходимые исследования, составлять отчеты, прогнозы, рекомендации. На его базе будет создана платформа для общения и обмена опытом, объединения специалистов и образовательных структур.

Также среди шагов упоминается *создание единой базы для проведения экзамена на профпригодность*, который для экономии сил и времени оптимально проводить в формате комплексной единой аттестации. Так, выпускник может рассчитывать на получение сразу трех сертификатов для разных целей. Полученный опыт планируется распространить на весь Китай. Уже сейчас в качестве единой системы взаимозачета баллов предлагается использование специальной региональной системы, разработанной на базе European Credit Transfer System (ECTS) [Регион..., 2019: 107].

Учитывая различия трех систем образования провинции Гуандун, а также САР Гонконг и Макао и реальные потребности региона «Большого залива», правительством Китая ставится первоочередная цель – *поднять уровень образования на материке до мировых стандартов* путем обмена опытом, главным образом, с Гонконгом. Как отмечает Чжан Сыпин, для достижения этой цели наиболее важно поощрять развитие и укрепление образовательных структур из Гонконга, открывших своих программы на материке; это относится к программам для любого возраста. Уже сегодня через пограничные переходы в Шэньчжэне ежедневно проходит около 30 тыс. школьников

для так называемого «трансграничного обучения»¹⁰. Целесообразно *предоставлять учащимся и их родным различные льготы, максимально упростить процедуры пересечения границы* [Чжан Сыпин, 2019: 165].

Предполагается, что Гонконг станет образовательным центром всего региона «Большого залива». На сегодняшний день по приблизительным оценкам только из провинции Гуандун на учебу за границу уезжает более 10 тыс. чел. в год, эти китайские студенты тратят в других странах примерно 2 трлн юаней (около 311 млн долл. США) в год, поэтому в планах правительства Китая перенаправить в Гонконг хотя бы 30% от общего числа потенциальных потребителей [Чжан Сыпин, 2019: 164].

Масштабность проектов предполагает в ближайшем будущем *создание интернет-платформы с образовательными курсами*, использование больших данных и новых методов обучения. Активный и открытый обмен информацией между учебными учреждениями также позволит снизить издержки, достичь большей эффективности.

Немаловажной деталью для успешной реализации планов в сфере образования в регионе «Большого залива», служащему в том числе целям инициативы «Один пояс и один путь», является интернационализация кадров. Доля постоянно проживающих официально трудоустроенных иностранных специалистов в среднем в мире составляет 3,3%, в развитых странах – до 10%. В Китае этот показатель составляет всего 0,06%, при этом на Шэньчжэнь приходится 0,2%, на Гуанчжоу – 0,36%, на Шанхай – 0,73%, а на Пекин – 1%; лишь в Гонконге этот показатель составляет 10%. Для сравнения, количество иностранных специалистов, постоянно проживающих в Нью-Йорке, составляет 36%, Сингапуре – 33%, а в Кремниевой долине – 50% [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао, 2018: 199]. По примеру развитых стран и районов, Китай ведет работу по активному привлечению иностранных специалистов разного возраста и статуса, главным образом концентрируясь на привлечении этнических китайцев с иностранным гражданством.

В частности, для повышения уровня присутствия иностранцев в дельте р. Чжунцзян, в том числе и в сфере образования, в ближайшем будущем планируется упростить процедуру нахождения на территории всего региона «Большого залива» специалистов, приезжающих на срок менее 90 дней (что подходит для приглашенных лекторов), отменить необходимость оформления разрешения на работу; предполагается масштабное внедрение специальной визы R для высококвалифицированных кадров. Также обсуждаются возможности расширения круга лиц, имеющих преференции при подаче документов на вид на жительство в Китае, рассматривается вероятность предоставления двойного гражданства и прочие варианты, актуальные для преподавательского состава и научных сотрудников [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао, 2018: 192].

Что касается иностранных выпускников вузов в регионе «Большого залива», то им планируется дать *больше возможностей для трудоустройства на этой же территории путем упрощения всей процедуры*. Такой подход уже применяется экспериментально в некоторых городах и отдельных районах провинции Гуандун. Также для иностранных студентов активно вводятся различные программы финансирования, предоставляются льготы.

Как иностранных, так и местных аспирантов и докторантов предполагается активно привлекать для работы не только в исследовательских центрах, но и на крупных предприятиях для ускоренного применения исследований на практике и для

¹⁰ Данные до пандемии коронавируса и закрытия границ. Есть все основания полагать, что после возобновления трансграничных контактов число не уменьшится.

сокращения разрыва между наукой и реальными производственными нуждами [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао, 2018: 200]. Уже в 2017 г. более 90% выпускников провинции Гуандун оставались в зоне «Большого залива», в частности, в г. Шэньчжэнь; из них более 40% приняты на работу в крупные IT компании, такие как Huawei и Tencent [Регион..., 2019: 77].

В ближайшем будущем можно ожидать упрощение ряда процедур и снятие некоторых ограничений, связанных с применением всекитайской системы регистрации хозяйств и прописки в материковом Китае – хукоу [Ю Айцюн, Чжоу Чжунгао, 2018: 201]. Широко обсуждается то факт, что эта система более не отвечает актуальным потребностям не только региона «Большого залива», но и всех регионов Китая, существенно снижая мобильность населения.

Эти и другие проекты пользуются комплексной поддержкой соответствующих структур и государства. Так, в 2015–2016 гг. были утверждены планы и конкретные проекты, что привнесло системный подход в реформировании сферы образования в регионе «Большого залива», обеспечило своевременный контроль и распределение нагрузки [Го Шипин, 2018: 176]. К наиболее знаковым из них относятся документы: «Об общем плане продвижения экспериментов по комплексной инновационной реформе в некоторых региональных системах»¹¹ Госсовета КНР (сентябрь 2015 г.), «План реализации строительства национальной независимой демонстрационной зоны инноваций в дельте р. Чжуцзян (2016–2020 гг.)»¹² правительства провинции Гуандун (апрель 2016 г.), «План систематического продвижения комплексного тестирования инновационных реформ провинции Гуандун»¹³ Госсовета КНР (июнь 2016 г.), а также «Пилотный план действий по продвижению комплексной инновационной реформы провинции Гуандун»¹⁴ правительства провинции Гуандун (ноябрь 2016 г.). В этих и других документах подробно представлены 117 государственных проектов различного уровня и направленности.

Тем не менее, несмотря на трансграничные коллаборации и гибкое регулирование, к сдерживающим факторам развития сферы образования в регионе «Большого залива» Китая относятся риск поляризации локального управления, возрастающая автономность и возможное ослабевание роли центрального правительства. Также на реализации планов негативно сказываются затруднения в достижении договоренностей из-за локальных интересов, рассинхронизации воплощения планов, различия в стандартах и нормах регулирования в городах провинции Гуандун, а также в САР Гонконг и Макао. Сдерживает темпы развития и общая напряженная ситуация с земельными ресурсами, из-за чего замедляется появление новых учреждений и реализация крупномасштабных проектов [Го Шипин, 2018: 179].

Несмотря на большое количество детально проработанных официальных документов и постановлений, со стороны педагогического коллектива и управленцев возникает множество вопросов касательно конкретных действий. Дает о себе знать и боязнь нового, стремление избежать ответственности, некоторая неоднозначность перспектив, а также консервативность взглядов, приверженность старым идеалам и форматам работы [Регион..., 2019: 133].

В рамках всего перечисленного, от руководящих чинов и работников сферы об-

¹¹ Кит. 关于在部分区域系统推进全面改革创新试验的总体方案.

¹² Кит. 珠三角国家自主创新示范区建设实施方案 (2016-2020) .

¹³ Кит. 广东省系统推进全面改革创新试验方案.

¹⁴ Кит. 广东省系统推进全面改革创新试验行动计划.

разования трех территорий, входящих в состав региона «Большого залива», требуется оперативная работа с информацией и создание благоприятной обстановки, стимулирующей развитие региона [Чжан Сыпин, 2019: 210].

Заключение

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в сфере образования региона «Большого залива», как важной составляющей инициативы «Один пояс и один путь», сегодня имеют место следующие характерные особенности: высокая концентрация молодых специалистов в районе; позиционирование района как территории высококвалифицированных кадров; существенное различие форматов образовательных систем на территории городского кластера Гуандун – Гонконг – Макао; лингвистические различия трех территорий; ориентация на мировые стандарты и научно-техническую сферу, а также активные интеграционные процессы в регионе.

Для максимально успешной реализации интеграционных процессов в региональной системе образования ожидается осуществление следующих шагов:

1. Создание союза научного сообщества и педагогических кругов;
2. Утверждение и конкретизация совместных планов в сфере образования провинции Гуандун, САР Гонконг и Макао по различным направлениям;
3. Лингвистическая унификация программ обучения на всех уровнях;
4. Создание единой базы данных;
5. Использование системы различных поощрений трансграничных образовательных контактов на всех уровнях, в том числе и налоговых льгот;
6. Стимулирование свободного перемещения внутри региона;
7. Привлечение большого количества иностранных специалистов;
8. Создание возможностей для трудоустройства в пределах территории региона;
9. Сотрудничество руководства материкового Китая, а также САР Гонконг и Макао по широкому спектру вопросов.

Одна из главных задач Китая на этом пути – сделать так, чтобы законы и нормы регулирования системы образования и образовательных услуг соответствовали потребностям населения для обеспечения среды для комфортного проживания, двустороннего обучения, раскрытия творческого потенциала и эффективной работы в регионе «Большого залива» в Южном Китае.

Список литературы

Го Шипин [国世平]. План региона «Большого залива» (провинция Гуандун – Гонконг – Макао) и глобальное позиционирование [粤港澳大湾区规划和全球定位]. Гуанчжоу: Народное издательство провинции Гуандун, 2018. 280 с.

Ло Фаньмин [罗黎明], Чжао Хэньюй [赵恒煜]. Цифры говорят: вступление в новую эру больших данных [数据说话, 进入大数据的新时代] // Доклад о создании региона «Большого залива» (провинция Гуандун – Гонконг – Макао) (2018) [粤港澳大湾区建设报告(2018)] / под ред. Академии общественных наук КНР по провинции Гуандун. Пекин: Издательство научной литературы по общественным наукам, 2018. С. 61–104.

Отчет о состоянии предпринимательства в регионе «Большого залива» (провинция Гуандун – Гонконг – Макао) за 2019 г. [粤港澳大湾区创业生态报告2019]. Под ред. Жэнь Тин [任颀], Ян Ляосун [杨濠嵩]. Пекин: Издательство корпоративный менеджмент, 2019. 228 с.

Регион «Большого залива» (провинция Гуандун – Гонконг – Макао) и прикладное образование новой эпохи [粤港澳大湾区与新时代应用型高等教育]. Под ред. Ван Яньбинь [王彦斌]. Гуанчжоу: Издательство Высшее образование провинции Гуандун, 2019. 305 с.

Синяя книга развития провинции Гуандун за 2019 г. [广东发展蓝皮书. 2019]. Под ред. Исследовательского центра по вопросам развития (при Госсовете КНР) народного правительства провинции Гуандун [广东省人民政府发展研究中心]. Гуанчжоу: Народное издательство провинции Гуандун, 2019. 636 с.

Фэн Цзэнцзюнь [冯增俊]. Реформы образования провинции Гуандун, Гонконга и Макао при третьей промышленной революции и сотрудничество [第三次工业革命下的粤港澳教育变革与合作] // Сотрудничество провинции Гуандун, Гонконга и Макао, и новая волна развития провинции Гуандун [粤港澳合作与广东新一轮发展] / под ред. Чжоу Хуа [周华]. Пекин: Издательство научной литературы по общественным наукам, 2015.12. С. 17–25.

Чжан Гуйцзюй [张桂菊]. Освещение политики «многоязычного образования» в Гонконге и Макао по подготовке кадров в провинции Гуандун [港澳地区“多言多语”教育政策对广东多语种人才培养的启示] // Сотрудничество провинции Гуандун, Гонконга и Макао, и новая волна развития провинции Гуандун [粤港澳合作与广东新一轮发展] / под ред. Чжоу Хуа [周华]. Пекин: Издательство научной литературы по общественным наукам, 2015. С. 301–309.

Чжан Сыпин [张思平]. Регион «Большого залива» (провинция Гуандун – Гонконг – Макао): новая страница политики реформ и открытости Китая [粤港澳大湾区: 中国改革开放的新篇章]. Пекин: Издательство СИТЭС, 2019. 234 с.

Чэнь Цзин [陈璟]. IP региона «Большого залива» (провинция Гуандун – Гонконг – Макао): позиционирование и создание IP региона «Большого залива» (провинция Гуандун – Гонконг – Макао) [粤港澳大湾区IP: 粤港澳大湾区价值发掘与IP打造]. Пекин: Издательство экономики и менеджмента, 2019. 202 с.

Ю Айцзюнь [游霏琼], Чжоу Чжунгао [周仲高]. Концентрация трудового потенциала, построение территории скопления талантов в регионе «Большого залива» (Гуандун – Гонконг – Макао) [集聚人力资源, 建设粤港澳大湾区人才高地] // Доклад о создании региона «Большого залива» (провинция Гуандун – Гонконг – Макао) (2018) [粤港澳大湾区建设报告 (2018)] / под ред. Академии общественных наук КНР по провинции Гуандун. Пекин: Издательство научной литературы по общественным наукам, 2018. р. 185–215.

Сведения об авторе:

Струкова Полина Эдуардовна, PhD, доцент, Гуанчжоуский институт Наньфан, Гуанчжоу, Китай.

Контактная информация: e-mail: st-polina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-0962-5109; PИИЦ Author ID: 1105026.

Статья поступила в редакцию 08.02.2021; принята в печать 13.04.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

EDUCATION SECTOR DEVELOPMENT IN THE GREATER BAY AREA OF CHINA TODAY

Polina E. Strukova

Guangzhou Nanfang College, Guangzhou, China.

E-mail: st-polina@yandex.ru

For citation: Polina E. Strukova. Education sector development in the Greater Bay Area of China today. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 126–138. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.10

Abstract. The article attempts to review and analyze the recent development process of the education sector in the Greater Bay Area of Guangdong-Hong Kong-Macao in South China. This rapidly developing economic region is an urban cluster that includes eleven cities, two of which are Special Autonomous Regions - Hong Kong and Macau - with a high degree of autonomy and local specificity of educational systems. In this regard, the processes of standardization and multi-level integration of the district's educational systems is being carefully planned and actively implemented in the Pearl River Delta. China's unique experience in this matter deserves close study, especially considering the lack of a sufficient number of publications on this topic in Russian language sources. The materials analyzed in the article include official printed analytical reviews and scientific publications written by Chinese specialists who have direct access to primary sources and deeply understand the topic. To get the realistic picture, the article also provides an overview of specific projects which have been already implemented by China in the Great

Bay Area education sector. In addition, examples of achievements in this aspect are given, trends for further development are highlighted, such as the step-by-step implementation of the strategy for creating a zone of advanced education and, therefore, the territory to accumulate the highly qualified talents in South China. Moreover, problems identified in the process run by local educational institutions and authorities are analyzed. Such as the complexity of integration in multilingual teaching in educational institutions, lack of coordination between the authorities of the local governments, insufficient personnel internationalization, and need for curriculum modernization. It also presents the difficulties predicted by the Chinese scientific community and the proposed ways of solving them. Soon, changes in the local universities graduates' employment process, foreign employees infusing, a unified students' database creation, the creation of special training institutes and methodologists' associations are expected. An increase in the transparency of administrative processes, as well as the qualifications system standardization within the Guangdong-Hong Kong-Macao Great Bay area in South China are of a great importance.

Keywords: China, Greater Bay Area, education, South China, Guangdong, Hong Kong, Macau.

References

Chen Jing. *Yuegang'ao dawanqu IP: Yuegang'ao dawanqu jiazhi fajue yu IP dazao* [Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area IP: Value Discovery and IP Creation in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area]. Beijing: Economics and Management Publishing House, 2019. 202 p.

Feng Zengjun. Di san ci gongye geming xia de yuegang'ao jiaoyu biange yu hezuo [Guangdong, Hong Kong and Macao Education Reform and Cooperation Under the Third Industrial Revolution]. In: *Yuegang'ao hezuo yu guangdong xin yi lun fazhan* [Guangdong, Hong Kong and Macao Cooperation and The New Round of Guangdong Development]. Ed. Zhou Hua. Beijing: Social Science Publishing House, 2015. P. 17–25.

Guangdong fazhan lanpishu 2019 [Guangdong Development Blue Book 2019]. Ed. Guangdong Provincial People's Government Development Research Center. Guangzhou: Guangdong Provincial People's Publishing House, 2019. 636 p.

Guo Shiping. *Yuegang'ao dawanqu guihua he quanqiu dingwei* [Annual Report on Guangdong, Hong Kong and Macao Bay Area Construction]. Guangzhou: Guangdong Renmin Publishing House, 2018. 280 p.

Luo Fanming, Zhao Hengyu. Shuju shuohua, jinru da shuju de xin shidai [Data Speaks, Enters a New Era of Big Data]. In: *Yuegang'ao dawanqu jianshe baogao (2018)* [Annual Report of Guangdong, Hong Kong and Macao Bay Area Construction (2018)]. Ed. Academy of Social Sciences of China. Beijing: Social Science Publishing House, 2018. P. 61–104.

You Aiqiong, Zhou Zhonggao. Jiju renli ziyuan, jianshe Yuegang'ao dawanqu rencai gaodi [Gather human resources to build a talent pool in the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area]. In: *Yuegang'ao dawanqu jianshe baogao (2018)* [Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area Construction Report (2018)]. Ed. Chinese Academy of Social Sciences for Guangdong Province. Beijing: Social Science Scientific Literature Publishing House, 2018. P. 185–215.

Yuegang'ao dawanqu chuanyue shengtai baogao 2019 [Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area Entrepreneurship Environment Report 2019]. Ed. Ren Ting, Yang Liusong. Beijing: Corporate Management Publishing House, 2019. 228 p.

Yuegang'ao dawanqu yu xin shidai yingyong xing gaodeng jiaoyu [Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area and Applied Higher Education in the New Era]. Ed. Wang Yanbin. Guangzhou: Guangdong Provincial Higher Education Publishing House, 2019. 305 p.

Zhang Guiju. Gang'ao diqu "duo yan duo yu" jiaoyu zhengce dui guangdong duo yuzhong rencai peiyang de qishi [The Enlightenment of the "Multilingual and Multilingual" Education Policy in Hong Kong and Macau on the Training of Multilingual Talents in Guangdong]. In: *Yue gang'ao hezuo yu guangdong xin yi lun fazhan* [Guangdong-Hong Kong-Macao Cooperation and Guangdong's New Round of Development]. Ed. Zhou Hua. Beijing: Social Science Scientific Literature Publishing House, 2015. P. 301–309.

Zhang Siping. *Yuegang'ao dawanqu: Zhongguo gaige kaifang de xin pianzhang* [Guangdong, Hong Kong and Macao Bay Area: A New Chapter of China's Reform and Open to The Outside World]. Beijing: CITIC, 2019. 234 p.

Bio note:

Polina E. Strukova, PhD, Associate Professor, Guangzhou Nanfang College, Guangzhou, China.

Contact information: e-mail: st-polina@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-0962-5109; RSCI Author ID: 1105026.

Received on 08.02.2021; accepted for publication on 13.04.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ (2014–2020 гг.)

Кузнецова Е. В.

Донецкий национальный университет, Донецк, Украина.

E-mail: eku16@mail.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.11

Для цитирования: Кузнецова Е. В. Особенности развития миграционных процессов на юго-востоке Украины (2014–2020 гг.) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 139–154. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.11

Аннотация. В статье анализируется трансформация миграционных процессов на юго-востоке Украины, вызванная последствиями вооруженного конфликта на данной территории. Исследование затрагивает проблемы адаптации внутренне перемещенных лиц, которые требуют своего решения, но принимаемые государственные меры не позволяют урегулировать вопросы проживания, трудоустройства, соблюдения конституционных прав людей, переехавших из Донецкой и Луганской областей в другие регионы страны. Вынужденная миграция, возникшая вследствие военного противостояния и ухудшения социально-экономической ситуации, лишила большинство трудоспособного населения возможности работать в соответствии с полученной квалификацией. Это привело к значительным миграционным изменениям в регионе. Многие граждане стали или внутренне перемещенными лицами, или устремились в другие страны, жители юго-восточных областей Украины, выбирают чаще Российскую Федерацию. Поэтому в данной статье рассматриваются меры по регулированию миграционных процессов и в Российской Федерации, на которую в значительной мере повлияла сложившаяся ситуация, особенно в начале обострения. Анализ последующих шагов, предпринимаемых российской властью, показывает, что, если в 2015–2016 гг. отдельные меры не решали проблему в целом, то принятые в 2018 г. законопроект об упрощении гражданства РФ для соотечественников, которые проживают в странах со сложной обстановкой или в условиях вооруженных конфликтов, и в 2019 г. Указы Президента РФ № 183 и № 187 с июльскими изменениями для граждан Украины из других регионов, а затем дополнения в ФЗ «О гражданстве РФ» (апрель 2020 г.) облегчили ситуацию и определили заинтересованность в этих гражданах. И приведенные в исследовании статистические данные МВД РФ подтверждают тенденцию роста количества таких граждан. Хотя невосребованность их профессионального опыта, проблемы обустройства на новом месте требуют своего дальнейшего регулирования. Часть граждан, получивших российское гражданство, остается проживать и работать в непризнанных республиках. Проанализировав происходящие изменения миграционной ситуации на юго-востоке Украины, были выделены особенности, влияющие на ее развитие и дальнейшие тенденции миграции в этом регионе. В данной статье указывается на возможное военное обострение, которое и обуславливает дальнейшее развитие ситуации.

Ключевые слова: миграция, вынужденные переселенцы, внутренне перемещенные лица, юго-восточные районы Украины, самопровозглашенные республики, вооруженное противостояние, урегулирование конфликта.

Введение

Сложившаяся в 2014 г. и продолжающаяся до сих пор ситуация на юго-востоке Украины оказывает заметное влияние на миграционные процессы в данном регионе. Это привело к значительным миграционным изменениям в до недавнего времени благополучно развивающемся регионе. Не останавливаясь на сугубо экономических последствиях военного противостояния (отметим только, что они крайне негативны для дальнейшего развития), проанализируем демографическую ситуацию и миграционные процессы, происходящие на неподконтрольных Киеву территориях. И именно эти юго-восточные территории – самопровозглашенные Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика – взяты для рассмотрения в данной статье. По происшествии почти семи лет они все больше отдаляются от украинского государства: созданы органы власти, независимые от Украины, ограничивается свободное передвижение граждан контрольно-пограничными пунктами, проходит дальнейшая адаптация нормативно-правовой базы к российскому законодательству, осуществляется переход на российские образовательные и технические стандарты

и т. д. Эти и другие факторы свидетельствуют о продолжающемся государственном строительстве самопровозглашенных республик и их стремлении к более тесной интеграции с Российской Федерацией.

В настоящее время многие страны столкнулись с проблемой низкой рождаемости и быстрым старением населения, что приводит к стремительному снижению количества трудоспособного населения. Для исследуемого региона данная проблема усугубилась, как уже было отмечено, вооруженным противостоянием на его территории. Безусловно, после подписания Минских соглашений в феврале 2015 г. интенсивность обстрелов снизилась, что способствовало возвращению части населения. Последовавшую в 2016–2017 гг. экономическую блокаду Украиной территорий непризнанных республик удалось преодолеть, наладив более тесные торговые отношения с Российской Федерацией. Однако, к сожалению, неурегулированность военной ситуации, разрушения, отсутствие рабочих мест из-за закрытия предприятий и другие причины не позволяют восстанавливать достаточными темпами экономику региона. Определяющим фактором миграционных процессов с 2014 г. стала неуверенность в разрешении военного конфликта в ближайшее время.

Среди стран, куда устремились жители, основной выбор был сделан в сторону России, которой приходилось в спешном порядке вносить изменения в свою нормативно-правовую базу, регулирующую миграцию граждан непризнанных республик. В начале конфликта за короткий период времени прибыло огромное количество вынужденных переселенцев. И, если первые год – два, было много вопросов и проблем не только у прибывающих граждан, но и работников ФМС и местных властей, то последующие действия по урегулированию ситуации привели к упорядочиванию этого процесса. Часть граждан осталась в России, часть вернулась домой, из которых многие стали выезжать только на заработки. Были предприняты дальнейшие шаги по регулированию трудовой миграции из самопровозглашенных республик.

Особый толчок дали Указы Президента РФ № 183 и № 187, подписанные в апреле 2019 г. и в мае 2020 г., которые упростили процедуру получения российского гражданства жителями этого региона. Для населения из других областей Украины также были сделаны шаги навстречу. Предпринимаемые меры способствуют тому, что растет количество получивших российские паспорта и желающих поддерживать более тесные связи с Россией в дальнейшем.

Таким образом, продолжающееся уже почти семь лет государственное строительство самопровозглашенных народных республик – Донецкой (ДНР) и Луганской (ЛНР), а также разные толкования сторонами подписанных Минских соглашений и наблюдаемое нежелание выполнять достигнутые договоренности (или невозможности украинской власти повлиять на национально-добровольческие формирования), дают основания утверждать, что данный конфликт далек от своего разрешения и происходящие миграционные процессы не являются кратковременными. Это означает, что исследование данной проблемы актуально и требует своего постоянного изучения.

Обзор литературы

Вопросы как вынужденной, так и трудовой, миграции, а также адаптации мигрантов в России широко представлены в ряде работ. Многие известные российские ученые, например, такие, как Воробьева О. Д., Римашевская Н. М., Рыбаковский Л. Л. посвятили свои труды этим и другим проблемам народонаселения.

Для рассмотрения данной темы особый интерес представляют работы, связанные с изучением ситуации на постсоветском пространстве, прежде всего, в Украине. Так, изучая трудовую мобильность высококвалифицированных мигрантов из постсоветских стран, Мукомель В. И. отмечает, что большинство из них получили образование в России, Беларуси и Украине [Мукомель, 2020]. Но вместе с этим, они соглашались на низкую оплату и худшие условия труда. Подытоживая, автор подчеркивает, что новые поколения гораздо мобильнее предыдущих, и некоторые из них могут переориентироваться на другие принимающие страны. На возможности активного привлечения украинских мигрантов в качестве социально-демографического ресурса для демографического развития России указывают Рязанцев С. В. и Скоробогатова В. И. в своей публикации в журнале «Международные процессы» [Рязанцев, Скоробогатова, 2016].

Адаптация вынужденных переселенцев из юго-восточных областей Украины в России рассматривалась в ряде работ российских исследователей. Так, Стегний В. Н., Антипов В. А. указывали на трудное, но необходимое ускоренное обустройство в условиях нехватки средств и неготовности региональной власти (прежде всего, приграничных областей) решать социальные проблемы такого количества неожиданно к ним прибывших людей [Стегний, Антипов, 2015]. Альканова Е. И. и Мартыненко А. В., рассматривая социально-правовую защищенность беженцев и вынужденных переселенцев в контексте гражданской войны на юго-востоке Украины, указывают на необходимость защиты основных прав этих людей [Альканова, Мартыненко, 2017]. Трудно не согласиться, что ключевой проблемой социальной адаптации является отсутствие финансовых средств для решения возникающих проблем и четкой организации, разработанного алгоритма действий, особенно на начальном этапе. При этом важно контролировать исполнение органами власти на всех уровнях принятых нормативно-правовых документов.

Влиянию военных конфликтов на миграцию населения посвящен значительный ряд трудов, например, в Сирии [Tsourapas, 2019], Конго [Nkomo, 2019], Афганистане [Alemi et al., 2014], но непосредственно занимающихся изучением миграционных процессов на юго-востоке Украины в связи с вооруженным противостоянием, крайне мало. Украинские исследователи миграции рассматривают, прежде всего, тенденции украинской трудовой миграции в европейские страны. Заметных исследований по выбранной тематике не проводится, но вместе с этим, интерес представляют ответы на такие вопросы: возвратна или безвозвратна миграция населения; при каких условиях возможен возврат вынужденных переселенцев; насколько значимо влияние геополитических или социально-экономических факторов на возвращение в данный регион и т. д.

Методы исследования и источники информации

Исследование миграционных процессов требует системного подхода к рассмотрению ряда проблем с урегулированием политических, социальных, экономических и культурных факторов. В ходе работы над статьей были использованы различные источники информации и методы анализа данных.

Прежде всего, база статистических данных Федеральной службы государственной статистики РФ, Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел РФ, Государственной службы статистики Украины и Института демографии и социальных исследований им. М. В. Птухи НАН Украины, Государствен-

ного центра занятости Украины, статистических служб непризнанных республик потребовала применения статистического анализа, который позволил сравнить и обобщить различные фактические данные по вопросам миграции в России и Украине. Так, например, опираясь на статистику МВД РФ, удалось проследить динамику увеличения количества граждан Украины, получивших российское гражданство за последние годы и сделать соответствующие выводы.

Эмпирической базой для исследования послужили интервью в СМИ, личные наблюдения автора, проживающего в Донецке, что позволило методом анализа и синтеза интерпретировать происходящие события и факты, составить более целостную картину по ситуации с мигрантами, обобщить имеющиеся разрозненные данные и информацию. Проведенный анализ причинно-следственных связей был применен для определения мотивов миграции, которые позволили детально проанализировать сложившуюся миграционную ситуацию и выделить особенности миграционных процессов в данном регионе, а также дать оценки возможных последствий миграционных процессов.

Отдельного рассмотрения потребовала и нормативно-правовая база РФ, что позволило выделить конкретные меры, применяемые для упрощения получения российского гражданства, регулирования ситуации с соотечественниками, вынужденными переселенцами и трудовыми мигрантами из Украины, в том числе ее юго-восточных областей.

Результаты и обсуждение

Необходимо отметить, что нестабильность ситуации характерна для Украины в целом, а не только отдельно взятых неконтролируемых украинской властью территорий. Для них дополнительный негативный фактор – непрекращающиеся боевые действия с разной степенью интенсивности и на различных направлениях. Тенденцию, которая прогрессирует в последнее время и ведет к обострению внутренней ситуации, выделяет ряд украинских исследователей, отмечая, что «низкий уровень доходов населения, своеобразие и неочевидность проводимых властями реформ, низкий уровень социальных гарантий, а также угроза перерастания острого внутреннего конфликта в открытую форму гражданской войны, ведут к тому, что Украина продолжает терять наиболее мобильное и конкурентоспособное население» [Кацы, 2017].

Украина относится к числу стран, являющихся самыми большими получателями денежных переводов трудовых мигрантов, и становится лидером в Европе по количеству трудоспособного населения, которое работает за границей [Ukrainian Migration..., 2016]. До 10% ВВП страны составляют переводимые денежные средства. Складывается ситуация, когда не инвесторы, не развитие промышленности или инноваций финансово поддерживают экономику страны, а именно деньги трудовых мигрантов. В 2019 г. денежные переводы гастарбайтеров в три раза превысили прямые иностранные инвестиции¹. Безусловно, денежные переводы из-за границы частично снимают с государства нагрузку по социальным выплатам. Но осталось много пенсионеров, инвалидов, на которых (а не на развитие производства) и идут эти средства. В случае возврата мигрантов на родину немногие смогут найти достойно

¹ Пандемия существенно ударила по притоку инвестиций в Украину – советник Премьера // Укринформ. Информационное агентство. 22.01.2021. URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-economy/3176071-pandemia-susestvenno-udarila-po-pritoku-investicij-v-ukrainu-sovetnik-premera.html> (дата обращения: 11.01.2021).

оплачиваемую работу. Так, за 2020 г. более чем на 50% выросло количество зарегистрированных безработных. На конец декабря 2020 г., по данным Государственного центра занятости, насчитывалось 459 198 безработных в Украине². Причины этого не новы. Так, еще в 2013 г. в своем интервью исполнительный директор международной общественной организации украинских эмигрантов «Четверта хвиля» Рябенко В. О. указывал на разрушение реального сектора экономики, низкую заработную плату, нехватку рабочих мест, социальную незащищенность и т. д.³ Трудовая миграция углубила такой вид социального сиротства, когда в селе половина детей живет без родителей, получая от них средства и проживая самостоятельно. Когда же родители уезжают с детьми, немногие потом возвращаются. Наблюдаемый резкий рост миграционных настроений в Украине подтверждают и данные социологических опросов [Круглашов, 2017]. Однако, это могут быть только настроения, которые ограничиваются иммиграционной политикой стран, куда намерены уезжать украинцы.

Кроме этого, отметим, что заметно снизилась рождаемость в Украине. Так, в 2018 г. она была в два раза ниже, чем в 1991 г. (соответственно 308 817 человек и 630 813 человек)⁴. А по прогнозам, озвученным в интервью академика НАН Украины, директора Института демографии Либановой Э. М., к 2030 г. останется около 30 млн человек⁵. В то время как на 01.12.2020 г. (без учета Крыма и части Донбасса) постоянное население составляло 41 460 289 человек⁶. Заметим, что трудовая миграция не мешает, например, росту численности населения в Средней Азии.

И предпринимаемые сегодня в Украине экономические шаги, например, программа льготных кредитов под 5–9% для развития бизнеса «Возвращайся и оставайся», активно предлагаемая с декабря 2019 г. для «заробитчан», не принесла ожидаемых результатов, потом она была расширена и для внутренних предпринимателей, потом для пострадавших от ограничений в связи с коронавирусной пандемией. Но воспользовались ею немногие, из которых большинство для переоформления имеющихся кредитов. Таким образом, стимулирования малого и среднего бизнеса, как и возвращения трудовых мигрантов, не произошло. Сложности возникают и при реализации других правительственных мер. Выдача 150 тыс. гривен помощи на развитие своего бизнеса не способна решить проблему миграции. Инвестирование собственных средств (почти такой же суммы), наличие опыта работы за рубежом более года и десяти лет страхового стажа, грамотно разработанный бизнес-план и другие требования усложняют выполнение и этой программы. Кроме того, для многих трудо-

² Дані щодо кількості зареєстрованих безробітних та кількості зареєстрованих вакансій за окремими характеристиками // Державний центр зайнятості [сайт]. URL: <https://www.dcz.gov.ua/publikaciya/2-dani-shchodo-kilkosti-zareyestrovanyh-bezrobitnyh-ta-kilkosti-zareyestrovanyh-vakansiy> (дата обращения: 24.01.2021).

³ Ерман Г. «Четвертая волна» украинской миграции. Интервью с исполнительным директором международной общественной организации «Четверта хвиля» В. Рябенко // Ліва. Інтернет-журнал. 01.02.2013. URL: <https://liva.com.ua/fourth-wave-of-migration.html> (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ Населення України за 2019 рік: демографічний щорічник. – Київ: Державна служба статистики України, 2020. – 181 с.

⁵ Интервью с демографом. Украина-2050: всего 30 млн. человек и у всех минимальные пенсии, но есть и хорошая новость // ЛІГАБізнесІнформ. Інформаційне агентство. 26.01.2021. URL: <https://biz.liga.net/pervye-litsa/all/interview/akademik-ella-libanova-karantin-i-distsionnoe-obuchenie-usilivayut-neravenstvo> (дата обращения: 28.01.2021).

⁶ Чисельність населення (за оцінкою) на 1 лютого 2021 року та середня чисельність у січні 2021 року // Державна служба статистики України [сайт]. URL: http://database.ukrcensus.gov.ua/PXWEB2007/ukr/news/op_popul.asp (дата обращения: 17.01.2021).

вых мигрантов, легче получить более тысячи евро на сезонных работах в Польше, чем рисковать и открывать в Украине собственный бизнес. Приводимые в СМИ примеры успешного начала бизнеса мигрантами, как правило, получившими средства от зарубежных фондов, также не способствуют активному возвращению трудовых мигрантов и их участию в развитии экономики страны. Таким образом, мы наблюдаем, что социально-экономические причины не устранялись, а только накапливались и с 2014 г. усугубились еще и вооруженным конфликтом на юго-востоке страны.

Для проводимого исследования своего внимания и изучения требует проблема адаптации вынужденных переселенцев внутри Украины, или внутренне перемещенных лиц (ВПЛ). По состоянию на 28 декабря 2020 г. на учет взято 1 459 131 внутренне перемещенных лиц – переселенцев из Донецкой и Луганской областей и АР Крым⁷. Однако, их достоверность и соответствие действительности вызывает много вопросов. Посещение по зарегистрированным адресам переселенцев (даже официально трудоустроенных) работниками государственных служб своих результатов не дало. Не представляется возможным, что заявленные около 1,5 млн людей могли относительно безболезненно распределиться по территории Украины, не вызвав заметного напряжения в социально-экономической сфере других регионов, в первую очередь, граничащих с неподконтрольными Киеву районов. Так, например, о проблемах Германии в отношении несколько сотен тысяч сирийских беженцев общеизвестно. Ситуацию можно объяснить тем, что большинство этих людей периодически выезжает на территорию Украины, а проживают в самопровозглашенных республиках, как правило, пенсионеры. «Пенсионный туризм» – факт очевидный и общепризнанный обеими сторонами. Это и люди, зарегистрировавшиеся как переселенцы, но вернувшиеся домой, не получившие поддержку, и имеющие проблемы, прежде всего, с работой и жильем. Не устроившись на новом месте, люди возвращаются туда, где осталось жилье и не имея крайне противоположных идеологических взглядов, находят работу и приспосабливаются к условиям военного положения. Отметим, что по прошествии почти семи лет конфликта при политической воле власти определить более близкие к реальному положению цифры представляется затруднительным, но от них зависит помощь гуманитарных фондов западных государств, которая исчисляется не одним миллионом долларов.

В октябре–декабре 2018 г. во всех областях Украины, неподконтрольных украинскому правительству, Международной организацией миграции при сотрудничестве с центром «Социальные индикаторы» проводился мониторинг, который подтвердил имеющуюся тенденцию возвращения вынужденных переселенцев⁸. Согласно отчету, главной причиной возвращения на неподконтрольную территорию является наличие там частной собственности, в связи с чем отсутствует необходимость платить за аренду жилья (85%), семейные причины (26%), недостаточные возможности трудоустройства (4%), невозможность интегрироваться в местную громаду (3%), ограниченный доступ к социальным услугам (2%), другое (4%).

Таким образом, проблемы внутренне перемещенных лиц в Украине требуют

⁷ Обліковано 1 415 575 внутрішньо переміщених осіб // Міністерство соціальної політики України [сайт]. 28.10.2019. URL: <https://www.msp.gov.ua/news/17778.html> (дата обращения: 18.01.2021).

⁸ Переселенці возвращаються на неподконтрольну територію из-за частної власності і відсутності необхідності платити за оренду – моніторинг // Інтерфакс-Україна. Інформаційне агентство. 09.04.2019. URL: <https://interfax.com.ua/news/general/579384.html> (дата обращения: 09.01.2021).

своего постоянного решения. Однако принимаемые государственные меры, созданные различные фонды, разработанные программы оказания помощи ВПЛ не имеют общей целостной системы, что позволяет лишь частично урегулировать вопросы проживания, трудоустройства и другие острые проблемы людей, переехавших из Донецкой и Луганской областей в другие районы Украины. Имеющиеся положительные примеры не влияют на разрешение всех тех сложностей, с которыми ВПЛ сталкиваются в своей «новой» жизни. Оставшимся из-за военных действий без жилья и работы людям не оказывается необходимая государственная помощь, а та, которая декларируется, остается по большей части на словах, а не подкрепляется конкретными действиями. Издаются все больше подзаконных актов, указов, распоряжений, призванных упорядочить жизнь этих людей, но они, наоборот, только усложняют жизнь и нарушают их права как граждан Украины. Подчеркнем также, что, помимо карантина из-за коронавирусной пандемии, создаются условия, затрудняющие проезд между неподконтрольными и подконтрольными Киеву территориями. Расстояние в 20–30 км люди вынуждены преодолевать более суток, только при наличии загранпаспорта, «путешествуя» по России.

Альтернативой решения проблемы оставаться в условиях военного конфликта или переезжать на подконтрольные Киеву территории является поиск своего места в других странах. Более конкурентоспособная на рынке труда часть населения уезжает в другие государства – Российскую Федерацию или европейские страны (например, Польшу, Италию, Германию, Португалию). Так, в 2020 г. основными странами для выезда стали Кипр и Польша.

Не имея достоверной официальной статистики Украины, из каких конкретно регионов и какое количество населения (учитывая и жителей неподконтрольных Киеву территорий) мигрировало в Европу или Россию, но, анализируя складывающуюся ситуацию, можно полагать, что европейский вектор трудовой миграции жителей юго-востока имел место, прежде всего, в 2014–2015 гг. Часть выехавших на подконтрольные Киеву территории затем сразу уезжала в Европу в поисках работы и своего места, не найдя его на родине. Также наблюдалось и увеличение доли студентов, молодых высококвалифицированных специалистов среди трудовых мигрантов, выезжающих в Европу. Эта тенденция продолжается, но не в масштабах первых лет конфликта. И связано это с рядом факторов, например, с либерализацией визового режима, потребностями Европы (например, из Польши уехали миллионы поляков) в трудовых ресурсах из других стран (предпочтительнее славян, более близких ментально), евроинтеграционных усилий украинского государства и пропагандой антироссийских настроений. На влияние политического дискурса в отношении вопросов миграции в Украине указывали Федюк О. и Киндлер М. Называя публичный дискурс о миграции в Украине неконструктивным, исследовательницы назвали миграцию «социальной и национальной драмой», подчеркивая, что о миграции давно говорят как «чуть ли не о новой форме геноцида украинского народа»⁹.

Таким образом, европейский вектор не является определяющим для миграции населения юго-восточных районов, особенно в последние годы. Как уже было отмечено, желающие выехать в Европу, сделали это еще в начале обострения конфликта.

⁹ Исследовательницы миграции: «Люди верили в будущее Украины, в изменения к лучшему, но сейчас больше не слышно такого оптимизма». Интервью с Олэной Федюк и Мартой Киндлер // Спільне. Журнал. 19.04.2017. URL: <https://commons.com.ua/ru/issledovatelnicy-migracii> (дата обращения: 09.01.2021).

Также отметим, что, если жители юго-востока Украины вынуждены покидать прежние места жительства из-за вооруженного конфликта, приведшего к потере жилья, работы, страха жить в условиях войны, то для западных регионов страны основной целью становится поиск более экономически комфортного положения в другом государстве.

Далее остановимся более подробно на основном для жителей юго-востока Украины миграционном направлении, а именно Российской Федерации. Как уже было отмечено, ситуация вооруженного конфликта в юго-восточной части страны в значительной степени увеличила миграционные потоки. В 2014 г. масса людей, спасавшаяся от обстрелов, оказалась на территории Российской Федерации. В 2014–2015 гг. приезжих из юго-восточных районов Украины приняли у себя приграничные области России. Приведем, к примеру, статистику Краснодарского края и Ростовской области. К концу 2014 г. вынужденных переселенцев в Краснодарском крае было 38 тыс. человек, а на конец марта 2015 г. – 41 438 человек, и на 01.06.2015 г. их стало 40 765 человек, таким образом количество размещенных в пунктах временного размещения уменьшилось, а разместившихся самостоятельно у родственников и знакомых увеличилось на 12% [Денисова, 2016]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Ростовской области. Так, к сентябрю 2014 г. количество прибывших достигло 40 тыс. человек, а на июнь 2015 г. – более 32 тыс. человек. В этот период временное убежище на год предоставляли в течение трех суток, а затем беженец определял, продлевать его или получать разрешение на временное проживание.

Оказывая им помощь и приняв во внимание, что данная ситуация, к сожалению, не кратковременная, российская власть направила усилия на законодательное закрепление правого регулирования положения вынужденных переселенцев. Был принят ряд мер, облегчающих и упорядочивающих пребывание иностранных граждан или лиц без гражданства на территории России. Так, например, в конце 2014 г. Трудовой кодекс РФ был дополнен специальной главой об особенностях регулирования труда таких работников, с 2015 г. были дополнительно созданы многофункциональные миграционные центры, в 2016 г. вопросы миграции были переданы от Федеральной миграционной службы в ведение специально созданного управления МВД РФ, в 2017–2018 гг. продолжилось принятие мер по оптимизации миграционных процессов. Например, от жителей Украины перестали требовать подтверждения выхода из украинского гражданства. 25 октября 2018 г. был принят в первом чтении законопроект, упрощающий прием соотечественников в российское гражданство, которые проживают в государствах со сложной политической и экономической обстановкой, а также в которых происходят вооруженные конфликты. В 2019 г. были приняты и сыграли важную роль Указы Президента РФ № 183 и № 187, которые были дополнены Указом № 343¹⁰, распространяющимся не только на жителей ДНР и ЛНР, но граждан других областей Украины.

Положительную роль сыграло и решение о том, что Комитет Государственной Думы ФС РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественника-

¹⁰ Указ об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство России в упрощенном порядке // Президент России [сайт]. 24.04.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60358> (дата обращения: 23.01.2021); Подписан Указ об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке // Президент России [сайт]. 01.05.2019. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/60429> (дата обращения: 23.01.2021).

ми вправе исполнять полномочия профильного комитета по вопросам экспертизы и подготовки законопроектов, связанных с миграцией, репатриацией и гражданством соотечественников (принято 15 июля 2019 г. Советом Государственной Думы ФС РФ). В тот же день было проведено первое заседание правительственной комиссии по миграционной политике. 12 мая 2020 г. были внесены изменения в Указ Президента России о соотечественниках из-за рубежа¹¹.

В связи с этим отдельно остановимся на принятии миграционной Концепции на 2019–2025 гг., отличающейся от ранее принятой в 2012 г., которую некоторые эксперты считали «защитой страны от мигрантов»¹², так как на первое место было вынесено обеспечение российской национальной безопасности. Принятая же 31 октября 2018 г. Концепция нацелена на решение социально-экономических, пространственных и демографических задач. Кроме этого, в ней определена и «сфера защиты и сохранения русской культуры и языка, а также историко-культурного наследия народов России как основы ее культурного (цивилизационного) кода»¹³.

Отметим, что рассматриваемая Концепция ориентирована на соотечественников. Время вынужденных переселенцев для России из-за этнических конфликтов и военных столкновений в бывших республиках прошло к началу 2000-х гг., последовавшие миграционные потоки были вызваны неудовлетворительными экономическими условиями в новых независимых государствах СНГ, и трудовая (как правило, нелегальная) миграция стала определяющей для РФ. В этот период обострилась проблема неготовности правового регулирования прибывающих иностранных граждан, принятый в 1999 г. Федеральный Закон о соотечественниках¹⁴ практически не работал. В 2006 г. была принята рассчитанная до 2012 г. Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом, практическая реализация которой тоже тормозилась из-за несогласованности действий властей и отсутствия достаточного финансирования. Несмотря на это, подключались новые регионы, упрощались условия, и обновленная Программа с 2013 г. стала бессрочной, также были отменены ограничения по возрасту для участников программы по переселению соотечественников. Так, из Украины за 2014–2019 гг. на учет было поставлено 274,4 тыс. соотечественников в качестве участника Государственной программы или члена его семьи, что составило 31,8% всех

¹¹ Указ Президента Российской Федерации О некоторых вопросах реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // Официальный портал правовой информации России. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102728731> (дата обращения: 25.01.2021).

¹² Ивахнюк И. В. Новый посыл миграционным органам, обществу и мигрантам // Российский совет по международным делам. [сайт]. 07.11.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-posyl-migratsionnym-organam-obshchestvu-i-migrantam> (дата обращения: 25.01.2021).

¹³ Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Президент России [сайт]. 31.10.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 25.01.2021).

¹⁴ Федеральный закон от 24.05.1999 N 99-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Н.П.А. База нормативно-правовых актов. URL: <https://bazanpa.ru/gd-rf-zakon-n99-fz-ot24051999-h473737/> (дата обращения: 20.01.2021).

переселенцев¹⁵.

В настоящее время эти действия регулируются подписанным Распоряжением Правительства России от 4 декабря 2019 г. № 2917-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации Государственной программы по оказанию содействия по добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2020–2022 гг.» Жители юго-востока Украины как близкого русской культуре региона выгодно отличаются от граждан, например, Центральной Азии, так как они, имея общую историю, культуру, религию, традиции и хорошо владея русским языком, гораздо быстрее смогут адаптироваться. Кроме этого, уровень квалификации данной категории людей, как уже было отмечено, достаточно высок, потому что большинство из них покинуло изначальное место жительства из-за политических проблем, вызвавших, конечно, и социально-экономические трудности, но до начала конфликта эти люди были задействованы на рынке труда и не имели острой необходимости искать лучшие условия.

Таким образом, эти и другие меры способствовали тому, что люди, оказавшиеся на территории РФ вследствие внутриукраинского конфликта, нарушавшие, хотя и вынужденно, правила и сроки пребывания в России, получили больше прав при трудоустройстве и найме жилья. Также были оптимизированы правила пребывания обучающихся в России иностранных граждан и упрощены правила приема в гражданство РФ выпускников российских образовательных учреждений из других стран.

Как уже было отмечено, упрощение выдачи российских паспортов для граждан ближнего зарубежья, включая и жителей юго-востока Украины, не проживающих непосредственно на территории России, увеличило количество российских граждан. Но такое положение беспокоит некоторых российских экспертов, так как увеличение числа граждан РФ, проживающих за рубежом, может стать «очагом напряженности при эскалации конфликта»¹⁶. Указывается также и на экономические последствия приема в гражданство лиц пенсионного возраста или женщин, рассчитывающих получить материнский капитал. Однако, отметим, что именно пенсионеры массово не стали обращаться за получением российского гражданства. Для этого необходима регистрация на территории России, к тому же очередь за получением паспорта ДНР (без которого не получишь российского) расписана на два года вперед.

Проследить динамику увеличения получивших российское гражданство граждан Украины за последний год позволяет следующая статистика МВД РФ.¹⁷

¹⁵ Мониторинг реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на территориях вселения субъектов Российской Федерации во II квартале 2019 г. Министерство внутренних дел Российской Федерации [сайт]. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/1621208> (дата обращения: 20.01.2021).

¹⁶ Желенин А. Нужны люди или обладатели паспортов? // Росбалт. Информационное агентство. 07.06.2019. URL: <https://www.rosbalt.ru/russia/2019/06/07/1785776.html> (дата обращения: 11.01.2021).

¹⁷ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации [сайт]. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689548/> (дата обращения: 18.01.2021).

Таблица 1.

Предоставление гражданства Российской Федерации выходцам из Украины

Table 1.

Granting citizenship of the Russian Federation to immigrants from Ukraine

	январь- декабрь 2017 г.	январь- декабрь 2018 г.	январь- декабрь 2019 г.	январь- декабрь 2020 г.
Число лиц из Украины, в отношении которых принято решение о приобретении гражданства РФ	85 119	83 081	299 422	409 549
Число лиц, в отношении которых принято решение о приобретении гражданства РФ в Ростовской области	7 791	7 206	166 727	315 747

Источник: Составлено по данным МВД РФ.

Из данной таблицы заметна нарастающая тенденция увеличения численности граждан Украины, получивших гражданство России, особенно резко этот рост произошел по Ростовской области в 2019 г. после принятия вышеназванных Указов Президента РФ. В 2018 г. таких граждан было 7 206, а уже в 2020 г. – 315 747. Для сравнения приведем цифры в целом по России, следующие далее по наибольшему количеству: из Таджикистана – 63 389 человек, Казахстана – 43 404 человек, Армении – 30 538 человек.

Таким образом, большая часть граждан Украины, приобретших гражданство РФ, получила его в Ростовской области, что позволяет сделать вывод о том, что в основном это именно жители непризнанных республик. Как заявила руководитель Главного управления МВД РФ по вопросам миграции Казакова В. Л., по оценкам Министерства, воспользоваться новыми правилами получения гражданства в упрощенном порядке могут около 3 млн граждан Украины, ежедневно поступают заявления более 1 тыс. граждан¹⁸, и большинство этих граждан проживает в юго-восточных районах. Несмотря на уменьшение численности постоянного населения, более 3 млн людей проживает на этих территориях. Для подтверждения сказанного, приведем данные о численности населения самопровозглашенных республик¹⁹.

¹⁸ Жители ДНР и ЛНР подали более 60 тысяч заявлений на гражданство РФ // Российская газета. Газета. 15.08.2019. URL: <https://rg.ru/2019/08/15/zhiteli-dnr-i-lnr-podali-bolee-60-tysiach-zaiavlenij-na-grazhdanstvo-rf.html> (дата обращения: 12.01.2021).

¹⁹ Архив новостей // Главное управление статистики Донецкой Народной Республики [сайт]. URL: <http://glavstat.govdnr.ru/news/index.php> (дата обращения: 18.01.2021); Расчетная численность населения // Государственный комитет статистики Луганской Народной Республики [сайт]. URL: https://gkslnr.su/stat_info/kratkie-itogi/paschetnay-chislenost-naseleniya/ (дата обращения: 18.01.2021).

Таблица 2.

Численность постоянного населения восточных областей Украины

Table 2.

Resident population of the eastern regions of Ukraine

	01.03.2017	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2021
Донецкая область (непризнанная Донецкая Народная Республика)	2 302 669	2 293 431	2 276 573	2 257 012	2 235 406
Луганская область (непризнанная Луганская Народная Республика)	1 480 122	1 468 036	1 452 923	1 438 934	1 424 166

Источник: Составлено по данным сайтов Главстата ДНР и Госкомстата ЛНР.

Эта статистика показывает, что на неподконтрольных Киеву территориях проживает 3 659 572 человек, и, в случае продолжения предпринимаемых шагов по регулированию миграционных процессов, продолжится тенденция увеличения обращений за получением российского гражданства жителей юго-восточных районов Украины.

Таким образом, рассмотренные пути выбора места дальнейшего проживания из-за возникшего вооруженного конфликта показывают специфику миграционных процессов в данном регионе. Выбрав переезд на неподконтрольные Киеву районы, многие сталкиваются с проблемой трудоустройства и отсутствием жилья. Последнее обстоятельство часто становится причиной возвращения домой, а необходимость поиска работы вынуждает мигрировать с целью трудоустройства в европейские страны. По прошествии почти семи лет тенденция увеличения количества внутренних перемещенных лиц или трудовых мигрантов в европейские страны из юго-восточных районов не наблюдается. Основная масса людей выехала в первые годы конфликта. Вероятность их возвращения с течением времени уменьшается, а для многих затянувшийся конфликт и для некоторой части происходящие изменения в сторону интеграции с Российской Федерацией делают вынужденных переселенцев невозвратными. Многие из жителей самопровозглашенных республик после подписания соответствующих Указов Президентом РФ стали приобретать российское гражданство и получили возможность выбора – уезжать в Российскую Федерацию или остаться дома. В последние годы массового оттока населения в этих регионах нет, но и продолжающееся военное противостояние не способствует возвращению вынужденных переселенцев и восстановлению самих территорий.

Заключение

Проведенное исследование позволило сделать ряд выводов по данной проблеме и наметить дальнейшие перспективы и направления ее изучения. Сегодняшняя ситуация на юго-востоке Украины – в самопровозглашенных республиках ДНР и ЛНР – интерпретируется сторонами по-разному. Так, очередность выполнения пунктов Минских соглашений вызывает много споров, реализация «формулы Штайнмайера» затягивается, усиливается внутривосточный раскол в Украине, что откладывает на неопределенный срок возвращение населения в данный регион. Не следует забы-

вать, что антропогенный фактор затянувшегося конфликта может привести к экологическим катастрофам, учитывая специфику данного угольного региона.

Отметим, что, несмотря на помощь западных стран в создании для внутренне перемещенных лиц благоприятных условий в Украине, в реальности многие из них оказались в новом, более низком, статусе. Далеко не всегда безболезненно проходит их адаптация к культурным особенностям других регионов страны. При устройстве на работу или съеме жилья, они сталкивались с ограничениями или нарушениями своих прав. Кроме того, эти граждане были лишены неотъемлемых конституционных прав, в том числе избирать и быть избранным в органы власти (также ограничиваются избирательные права и для жителей приграничных, подконтрольных Киеву территорий). Откровенная дискриминация украинской властью жителей данных регионов наталкивает на поиск различных приемлемых для каждого путей. Для некоторой части это стал европейский вектор трудовой миграции, но у большинства выбор российского направления стал определяющим, а получение российского гражданства становится восстановлением гражданских прав, которых их лишила Украина. Главным образом, молодежь и трудоспособное население проявляет активность в получении российского паспорта. Многие из получивших российское гражданство жителей остаются, и массового оттока в последнее время не наблюдается. Трудовая миграция в Российскую Федерацию жителей юго-восточных районов также проходила более интенсивно в первые годы конфликта, многие из них вернулись, вероятность возврата оставшихся низка. Выезжающие в поисках работы сейчас, прежде всего, едут на сезонные работы.

Отметим, что демографическая ситуация в РФ, когда после небольшого естественного прироста населения наблюдается его естественная убыль, ухудшилась и не компенсируется в полной мере миграционным приростом. Вместе с этим, миграция становится значительным источником восполнения численности РФ, а не просто вспомогательным средством. Например, программа переселения соотечественников должна иметь своей целью не только привлечение их в качестве трудовых ресурсов, а, в первую очередь, как культурно и духовно связанных с Россией русскоязычных людей. Подписанные Президентом РФ Указы в апреле 2019 г. упростили получение российского гражданства для жителей юго-востока Украины. Принятие в РФ новой Концепции миграционной политики на 2019–2025 гг. представляется новым подходом к миграционным процессам, особенно в отношении жителей юго-востока Украины. Так, не требуется подтверждения отказа от иностранного гражданства, исключается требование о пребывании на протяжении пяти лет на территории РФ, не подтверждается источник средств существования. За последний год были сделаны и другие шаги по получению гражданства в упрощенном порядке: въезд на российскую территорию без визы на основании паспорта ДНР и ЛНР, снятие платы за оформление паспорта РФ для граждан самопровозглашенных республик.

Сложившаяся ситуация дает время на внесение изменений, отдаляющих эти территории от Украины, но постоянная угроза возобновления полноценных боевых действий не дает развиваться экономике, постоянные, хоть и одиночные обстрелы, не способствуют стабилизации ситуации в регионе и возвращению вынужденных переселенцев. Чем дольше будет продолжаться ситуация неопределенности, тем меньше остается шансов на то, что большая часть покинувших эти территории вернется на постоянное место жительства, это же касается и их детей, которые обустроиваются на новых местах. Происходящие события не позволяют надеяться и на рост рож-

даемости в регионе.

Значимость миграционных изменений будет долго оставаться важным фактором для дальнейшего развития региона. Влияние геополитических и социально-экономических факторов заметно. Прекращение боевых действий способствовало бы возвращению части внутренне перемещенных лиц и вынужденных переселенцев. С целью недопущения резко негативного влияния миграции в дальнейшем, необходимо принять ряд мер по координации и поиску устойчивых решений, прежде всего, политических.

Список литературы

- Альканова Е. И., Мартыненко А. В.* Социально-правовая защита беженцев и вынужденных переселенцев (в контексте гражданской войны на Донбассе) // Научное обозрение. 2017. № 1. 4 с.
- Денисова Г. С.* Современные миграционные процессы в Южном Федеральном округе // Наука Юга России (Вестник Южного научного центра). 2016. Т. 12. № 3. С. 101–110.
- Кацы Д. В.* Современная Украина: некоторые особенности миграции населения // Евразийский юридический журнал. 2017. № 2 (105). С. 79–82.
- Круглашов А.* Поиски политических ответов на современные миграционные вызовы, стоящие перед Украиной // Материалы Международной научно-исследовательской конференции «Политика и практика регулирования миграции в условиях современных вызовов». Тирасполь, 27 января 2017 г. С.220–224.
- Мукомель В. И.* Высококвалифицированные мигранты из постсоветских государств: трудовая мобильность // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 2. С. 31–59. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7264.
- Рязанцев С. В., Скоробогатова В. И.* Украинская миграция в приоритетах развития России // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1(44). С. 38–51. DOI 10.17994/IT.2016.14.1.44.3.
- Стегний В. Н., Антильев К. А.* Проблемы адаптации беженцев из Украины в России // Власть. 2015. № 6. С.138–145.
- Alemi Q., James S., Cruz R., Zepeda V., Racadio M.* Psychological Distress in Afghan Refugees: a Mixed-Method Systematic Review. Journal of Immigrant and Minority Health. December 2014. Vol. 16, Issue 6. Pp. 1247–1261. DOI: 10.1007/s10903-013-9861-1.
- Nkomo Thobeka S.* Exploring Congolese Refugees and Asylum Seekers' Survival Strategies in South Africa: Implication for Social Work Practice. Journal of Human Behavior in the Social Environment. 2019. Vol. 29, Issue 4. Pp. 499–518. DOI: 10.1080/10911359.2018.1556142.
- Tsourapas G.* The Syrian Refugee Crisis and Foreign Policy Decision-Making in Jordan, Lebanon, and Turkey. Journal of Global Security Studies. 2019. Vol. 4, Issue 4. Pp. 464–481. DOI: 10.1093/jogss/ogz016.
- Ukrainian Migration to the European Union. Lessons from Migration Studies. Fedyuk O., Kindler M. (eds.). IMISCOE Research Series. Springer. 2016. 232 p. DOI: 10.1007/978-3-319-41776-9_1.

Сведения об авторе:

Кузнецова Елена Владимировна, кандидат политических наук, доцент, Донецкий национальный университет, Донецк, Украина.

Контактная информация: e-mail: eku16@mail.ru; РИНЦ Author ID: 1098255; ORCID ID: 0000-0002-1456-2456.

Статья поступила в редакцию 18.01.2021; принята в печать 19.03.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

SPECIFICS OF MIGRATION DEVELOPMENT IN THE SOUTH-EAST OF UKRAINE IN 2014 –2020

Elena V. Kuznetsova

Donetsk State University, Donetsk, Ukraine.

E-mail: eku16@mail.ru

For citation: Elena V. Kuznetsova. Specifics of migration development in the south-east of Ukraine in 2014 –2020. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 139–154. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.11

Abstract. The article analyzes the transformation of migration processes in the south-east of Ukraine, caused by the consequences of the armed conflict in this territory. The study touches upon the problem of adaptation of internally displaced persons, which requires its solution, but the measures taken by the state do not allow settling the problem of accommodation, employment, observance of the constitutional rights of people who have moved from Donetsk and Lugansk regions to other ones of the country. Forced migration, which arose as a result of the military confrontation and the deterioration of the socio-economic situation, deprived the majority of the working-age population of the opportunity to work in accordance with the acquired qualifications. This led to significant migration changes in the region. A lot of citizens have become either internally displaced persons, or rushed to other countries, residents of the south-eastern regions of Ukraine, more often choose the Russian Federation. Therefore, this article discusses measures to regulate migration processes in the Russian Federation, which was largely influenced by the current situation, especially at the beginning of the exacerbation. An analysis of the subsequent steps taken by the Russian authorities shows that in 2015-2016 individual measures did not solve the problem as a whole. Therefore, later the draft law on simplifying Russian citizenship for compatriots who live in countries with a difficult situation or in conditions of armed conflicts was adopted in 2018. Finally, in 2019, Decrees of the President of the Russian Federation No. 183 and No. 187 with July amendments for citizens of Ukraine from other regions, and then additions to the Federal Law “On Citizenship of the Russian Federation” (April 2020) simplified the situation and determined the interest in these citizens. And the statistical data of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation cited in the study confirm the growth trend in the number of such citizens. Although the lack of demand for their professional experience, the problems of settling in a new place require further regulation. Some of the citizens who have received Russian citizenship remain to live and work in the unrecognized republics. After analyzing the ongoing changes in the migration situation in the south-east of Ukraine, the features that affect its development and further migration trends in this region were identified. This article points to a possible military exacerbation, which determines the further development of the situation.

Keywords: migration, forced migrants, internally displaced persons, south-eastern regions of Ukraine, self-proclaimed republics, armed confrontation, conflict resolution.

References

- Alemi Q., James S., Cruz R., Zepeda V., Racadio M. Psychological Distress in Afghan Refugees: a Mixed-Method Systematic Review. *Journal of Immigrant and Minority Health*. December 2014. Vol. 16, Issue 6. Pp. 1247–1261. DOI: 10.1007/s10903-013-9861-1.
- Alkanova E. I., Martynenko A. V. Social and legal protection of refugees and internally displaced persons (in the civil war context in Donbass). *Scientific Review*. 2017. No. 1. 4 p.
- Denisova G. S. Modern migration flows in the Southern Federal District. *Nauka Yuga Rossii* [Science in the South Russia]. 2016. Vol. 12, No. 3. Pp. 101–110.
- Katsy D. V. Contemporary Ukraine: some features of migration. *Eurasian Law Journal*. 2017. No. 2 (105). Pp. 79–82.
- Kruglashov A. Poiski politicheskikh otvetov na sovremennyye migratsionnyye vyzovy, stoyashchiye pered Ukrainoy [The search for political answers to modern migration challenges facing Ukraine]. Materials of the International Research Conference “Policy and Practice of Migration Regulation in the Context of Modern Challenges.” Tiraspol, January 27, 2017. Pp. 220-224.
- Mukomel V. I. Highly skilled migrants from post-Soviet states: labor mobility. *Sociological Journal*. 2020. Vol. 26, No. 2. Pp. 31–59. DOI: 10.19181/socjour.2020.26.2.7264.
- Nkomo Thobeka S. Exploring Congolese Refugees and Asylum Seekers’ Survival Strategies in South Africa: Implication for Social Work Practice. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*. 2019. Vol. 29, Issue 4. Pp. 499–518. DOI: 10.1080/10911359.2018.1556142.
- Ryazantsev S. V., Skorobogatova V. I. Ukrainian migration and Russia’s development priorities.

International Trends. 2016. Vol. 14, No. 1(44). Pp. 38–51. DOI 10.17994/IT.2016.14.1.44.3.

Stegniy V. N., Antipiev K. A. Problems of adaptation of refugees from Ukraine in Russia. *Vlast'*. 2015. No. 6. Pp.138–145.

Tsourapas G. The Syrian Refugee Crisis and Foreign Policy Decision-Making in Jordan, Lebanon, and Turkey. *Journal of Global Security Studies*. 2019. Vol. 4, Issue 4. Pp. 464–481. DOI: 10.1093/jogss/ogz016.

Ukrainian Migration to the European Union. Lessons from Migration Studies. Fedyuk O., Kindler M. (eds.). IMISCOE Research Series. Springer. 2016. 232 p. DOI: 10.1007/978-3-319-41776-9_1.

Bio note:

Elena V. Kuznetsova, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Donetsk State University, Donetsk, Ukraine.

Contact Information: e-mail: eku16@mail.ru; RSCI Author ID: 1098255; ORCID ID: 0000-0002-1456-2456.

Received on 18.01.2021; accepted for publication on 19.03.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ

МИГРАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Накова А. И.

Институт философии и социологии Болгарской академии наук, София, Болгария.

E-mail: albena_nakova.manolova@abv.bg

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.12

Для цитирования: **Накова А. И. Миграция и идентичность в современном болгарском обществе // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 155–164. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.12**

Аннотация. В статье на основе результатов репрезентативного социологического опроса населения Болгарии прослеживаются изменения национальной идентичности болгарских граждан под влиянием активных миграционных процессов внутри Европейского союза (ЕС) и обосновывается начавшийся процесс формирования наднациональной европейской идентичности. Исключительная динамика современных социальных процессов, массовые миграционные перемещения в условиях, когда границы становятся все более открытыми и даже практически отсутствуют (в рамках ЕС), а огромные расстояния преодолеваются за очень короткое время, приводят к значительным изменениям в идентичности болгарских граждан. Появляются новые типы идентичности, которые структурно и функционально отличаются от ранее существовавших и соответствующим предыдущим аксиологическим парадигмам. Постоянные процессы передвижения из одного общества в другое, и в частности из новых государств-членов ЕС в старые государства-члены Союза в рамках так называемой «жидкой миграции», приводят к переносу, ассимиляции и совмещению идей, представлений, пониманий, ценностей и моделей поведения, характерных для различных обществ, социальных групп и культур. Болгария и болгарские граждане вовлечены в эти процессы в течение трех десятилетий, с постепенно возрастающей интенсивностью. Сегодня болгарская национальная идентичность находится в состоянии постоянной трансформации – болгарский гражданин становится европейским гражданином, гражданином мира. Таким образом, специфика общественного развития логически ведет к формированию наднациональной идентичности. С другой стороны, превращение трансформации в постоянную характеристику общества, радикальные изменения, которые часто происходят в течение чрезвычайно коротких периодов времени, создают предпосылки для диссонанса идентичности. И иногда вместо формирования наднациональной идентичности наблюдаются обратные процессы замыкания, локализации, регионализации. Можно сказать, что в современном болгарском обществе процессы европейской интеграции сопровождаются противоположными процессами «атомизации» общества и «замыкания» людей в сообщества даже более мелкие, чем национальные. Результаты национального репрезентативного опроса показывают, что на этом этапе развития болгарского общества идентификация с национальным государством продолжает оставаться основной для болгарских граждан – более половины респондентов идентифицируют себя как граждане Болгарии. Почти одна треть болгарских граждан однако, идентифицирует себя с наднациональными структурами («гражданин Европы» и «гражданин мира»), что является иллюстрацией начавшихся процессов формирования наднациональной идентичности. А отождествление примерно одной десятой части респондентов с их родным городом, с местом где они родились, является отражением противоположной тенденции формирования местной идентичности.

Ключевые слова: миграция, жидкая миграция, национальная идентичность, наднациональная идентичность, европейская идентичность, индикаторы идентичности.

Вызовы современности

Сегодня мы живем в мире, характеризующемся исключительной динамикой социальных процессов и масштабов преобразований, возрастающей ролью информа-

ции и коммуникации, которые меняют смысл национальных границ, преодолевают замкнутость культур и создают «новую реальность со своими собственными особенностями» [Albrow, 1996], чаще всего называемую глобальной. Мобильность, перемены становятся ключевыми особенностями новой эпохи. Все чаще экономические, информационные, экологические, культурные и другие факторы пересекают и как бы обесценивают роль и значение государственных границ. И если в прошлом веке национальное государство было инструментом защиты свободы и независимости автономных народов и наций, то сегодня этот инструмент, как указывает Бауман [Bauman, 2000; Bauman, 2007], имеет все меньшее значение, когда речь идет о взаимоотношениях между европейскими государствами в рамках Европейского союза (ЕС), частью которого является и Болгария. В конце прошлого и в начале этого века в европейском масштабе наблюдается перемена в понимании образа национального сообщества – от ценности, определяемой как неприкосновенность национального суверенитета к более открытой перспективе, в которой доминирующими становятся сотрудничество, кооперация, взаимный интерес, утверждение культурной самобытности и сопереживание инаковости, понимание другого человека, отличного от нас. Государство и государственность начинают играть меньшую роль в формировании идентичности и становится скорее техническим элементом отношений между отдельными сообществами. Вопрос, который возникает в этой связи, состоит в том, в какой же степени на индивидуальном и групповом уровне развилось то «космополитическое сознание», которое соответствовало бы нынешнему состоянию взаимосвязанности и взаимозависимости между европейскими государствами.

Усиление интеграционных процессов между европейскими государствами, которое стало особенно интенсивным с начала нового тысячелетия с расширением ЕС, привело к значительным изменениям в идентичности европейских граждан. Когда границы становятся все более открытыми и огромные расстояния преодолеваются за очень короткое время, вопросы изменения идентичности становятся все более актуальными. Появляются новые типы идентичности, которые структурно и функционально отличаются от ранее существовавших и соответствующих предыдущим аксиологическим парадигмам.

Миграция в эпоху глобализации

Одна из важнейших особенностей современного глобализирующегося мира – миграция, перемещение разнообразных групп людей. Мотивы этого перемещения могут быть разные: экономические, политические, военные, экологические и т.д. Многочисленные исследования – социологические, антропологические, этнографические – установили, что на современном этапе усиливаются так называемые «жидкие формы» (fluid forms) миграции в Европе. Растущий поток мигрантов из Восточной Европы в Западную после расширения ЕС в 2004 и 2007 гг. был описан рядом авторов [Castles, Miller, 2003; Engbersen et al., 2007; Vertovec, 2007] как «новая миграция» (new migration), которая имеет преимущественно «жидкий» (fluid) характер. Для объяснения современных форм миграции с Востока на Запад некоторые авторы [Engbersen et al., 2010] специально обособляют термин «жидкая миграция» (liquid migration), который, по их мнению, наиболее точно соответствует специфике миграции в современной эпохе (liquid modernity, по Бауману) [Bauman, 2000]. Особенностью «жидких обществ» (liquid societies) в условиях современности является то, что социальные формы и структуры, регулирующие социальный порядок, а также индивидуальный

выбор, не в состоянии сохранять свою форму существования в течение длительного времени, поскольку распадаются быстрее, чем проходит время, необходимое для их создания и установления, а все социальные соглашения и договоренности временны и мимолетны.

«Жидкая миграция» рассматривается как следствие специфики и направленности «новой миграции». Она характерна для Европы после расширения ЕС и отражает растущую миграцию из новых государств-членов в старые государства-члены, поскольку имеет место в обществах, где государственные границы теряют свое значение. Она обусловлена поиском новых возможностей для работы в новых условиях (отсутствие внутренних границ в ЕС), когда у трудовых мигрантов есть возможность постоянно уезжать и возвращается из-за отсутствия границ. Этот тип миграции характеризуется специфическими особенностями: для нее характерно временное пребывание в принимающей стране – мигранты не оседают в принимающих государствах, а периодически возвращаются в свои страны, затем снова мигрируют, и так цикл постоянно повторяется. Мигранты этого типа размещаются во временном жилье, плохо интегрированы в принимающее общество, их социальные связи и контакты сосредоточены вокруг людей их же национальности. «Жидкая миграция» – это в основном трудовая миграция; это легальная миграция; миграционные потоки и тренды становится все труднее прогнозировать; этос новых трудовых мигрантов сильно индивидуализирован, они меньше привязаны к семье (семейные узы становятся слабее, и их легко разорвать), к национальному государству и местному рынку труда по сравнению с предыдущими поколениями мигрантов [Engbersen et al., 2010].

Постоянный процесс передвижения из одного общества в другое в рамках «жидкой миграции» приводит к переносу, ассимиляции и совмещению идей, представлений, пониманий, ценностей и моделей поведения, характерных для различных обществ, социальных групп и культур. Таким образом, именно ключевое место «жидкой миграции» в современной эпохе сверхмобильности выдвигает на первый план вопросы трансформации национальной идентичности и влияния миграции на многие процессы, связанные с разрушением устойчивых традиций, ценностей, вековых представлений и пониманий, с передачей новых традиций, ценностей и моделей поведения, типичных для принимающих обществ и с формированием элементов наднациональной идентичности как специфической гибридной идентичности, как смеси универсальных ценностей, идей и практик, где доминирующими оказываются не элементы, которые обособляют и разделяют народы и нации, а те, которые их объединяют. Миграция становится одним из ведущих факторов, позволяющих человеку как носителю этнической и национальной специфики, определять себя не этнической и национальной принадлежностью, а принадлежностью к глобальному гражданскому обществу как выражению универсальных ценностей, идей и практик. Чем больше люди путешествуют и живут за пределами своей родины, тем больше они осознают бесконечные возможности, которые предлагают интеграция и глобализация.

Болгарская национальная идентичность в условиях глобальности

Болгария и болгарские граждане вовлечены в эти процессы в течение трех десятилетий, с постепенно возрастающей интенсивностью. Сегодня болгарская национальная идентичность находится в состоянии постоянной трансформации – болгарский гражданин становится европейским гражданином, гражданином мира. И это происходит не за сто или сто пятьдесят лет, как это было в прошлом, а в гораздо более

короткие сроки. Трансформация охватывает все сферы общественной жизни и становится ее постоянной характеристикой. Она проникает как в общественную ткань, так и в общественное сознание и все быстрее и быстрее меняет их. Таким образом, специфика общественного развития логически ведет к формированию наднациональной идентичности, потому что, когда сообщества, с которыми человек идентифицирует себя, становятся все больше и больше, он в конечном итоге приходит к идентификации с одним сообществом, которое стоит над ними и объединяет их.

С другой стороны, превращение трансформации в постоянную характеристику общества, радикальные изменения, которые часто происходят в течение чрезвычайно коротких периодов времени, создают предпосылки для диссонанса идентичности. И иногда вместо формирования наднациональной идентичности наблюдаются обратные процессы замыкания, локализации, регионализации. Можно сказать, что в современном болгарском обществе процессы европейской интеграции сопровождаются противоположными процессами «атомизации» общества и «замыкания» людей в сообщества даже более мелкие, чем национальные группы. Поэтому интеграция страны в различные наднациональные организации на уровне ЕС не всегда означает соответствующие изменения на уровне общественного сознания и не всегда означает ослабление национальной идентичности и развитие наднациональной идентичности. Интеграция сама по себе создает возможности для процессов такого рода, но начнутся ли они на самом деле, насколько они будут глубокими и в какую сторону пойдут, зависит от взаимодействия многих других факторов, как внутренних, так и внешних.

Более чем через десять лет после вступления Болгарии в Европейский союз под влиянием различных международных и национальных политических, социально-экономических, культурных, демографических, образовательных и других факторов представления болгарских граждан о себе как о части Европы претерпели изменения. В «традиционной» самоидентификации болгарских граждан связь с Европой присутствует как измерение национальной идентичности. Однако под влиянием процессов европейской интеграции эта связь была существенно переосмыслена. Превращение страны в часть Европейского сообщества в различных аспектах – от транспонирования европейского законодательства в национальное законодательство, включения в общую политику и программы ЕС, (автоматического) приобретения европейского гражданства, работы европейских институтов на территории страны, мобильности болгарских граждан в странах ЕС, до внедрения европейской символики в повседневную и праздничную культуру (флаг, гимн, день Европы и т. д.) – все это вызывает изменения в национальном самосознании и самоидентификации. И если идентичность является осознанным самоопределением в рамках структурированной нормативно-ценностной системы, которая включает в себя основные атрибуты соответствующего сообщества, к которому человек относится, то происходящие изменения в отношении болгарских граждан к Европе в ценностно-нормативных терминах, являются признаками изменения национальной идентичности в сторону формирования элементов наднациональной европейской идентичности.

В поисках объяснения наднациональной идентичности: научные подходы

На самом деле, научная интерпретация формирования наднациональной, европейской идентичности все еще находится в процессе поиска новых концептуальных схем для ее описания.

С 1990-х гг., в контексте глобализации, когда границы между разными нациями и этническими группами становятся все более тонкими и проницаемыми, а культурные взаимодействия – все более интенсивными, исследовательский интерес сосредоточивается на определении идентичности как множественной и гибридной в рамках концепций культурного плюрализма и мультикультурализма [Taylor et al., 1994; Caglar, 1997], а усиление миграционных движений приводит к новым явлениям и процессам и, соответственно, к развитию новых теоретических основ для их изучения, таких как транснационализм и методологический национализм [Vetrovec, 2007; Schiller et al., 2007].

Примерами этого могут служить исследования А. Смита, Ч. Тейлора, Ж.-М. Ферри, Т. Иглтона, Ж. Аттали и др. В 1991 г. А. Смит обсуждал проблемы европейского проекта в качестве модели наднациональности и перспективы европейской «сверхнации» [Smith, 1991]. Публикация книги Ч. Тейлора «Мультикультурализм: исследование политики признания» в 1992 г. положила начало дискуссии о тенденциях изменения идентичности в связи с тем, что большинство стран в контексте глобализации все чаще делегируют ряд своих полномочий наднациональным структурам и организациям. Таким образом, возникают новые формы идентичности, которые подрывают предыдущую тесную идентификацию с национальным государством. Ж.-М. Ферри развил идею постнациональной идентичности, связанной с принципами универсальности, автономии и ответственности. Т. Иглтон использовал термин глобальная идентичность [Eagleton, 2000], а М. Олброу говорил о релятивизации идентичности в глобальную эпоху [Albrow, 1996]. Идея формирования европейской идентичности как наднациональной идентичности продолжала обсуждаться рядом авторов и в начале второго тысячелетия. Здесь мы можем упомянуть теории таких ученых как Р. Миллер [Miller, 2012] или Х. О. Онгур [Ongur, 2010], развивающих идею европейской идентичности как одной из многих социальных идентичностей, которые люди формируют на основе своей принадлежности к разным социальным группам. Они также утверждают, что различные формы идентичности (такие как европейская, национальная, региональная) не обязательно конкурируют друг с другом. По мнению других современных ученых [Day et al., 2012], контекстная концепция европейской идентичности как наднациональной идентичности наиболее точно соответствует ее сущности. Эта концепция связывает разнообразные и разнородные аспекты европейской идентичности с конкретными социальными, культурными и т. д. контекстами. Но хотя некоторые исследователи [Schutze, 2001] говорят о формировании понимания Европы как общего «европейского ментального пространства» (Europe as a mental space), они определяют его как коллективно-ментальные концепции об Европе, а не как формирование коллективных идентичностей, которые помогли бы создать интегрированный, хотя и культурно дифференцированный и разветвленный европейский демос и спровоцировать кристаллизацию открытой самоидентификации как европейского человека. С другой стороны, понимание Европы как общего европейского ментального пространства очерчивает важное явление – горизонты, «референтные рамки», в терминологии Альфреда Шутца, т. е., критерии и правила, раскрывающие связи между элементами наднационального мира, который служит основной референтной группой в формировании идентичности.

Как показывают современные исследования идентичности европейского гражданина, ее отличительной особенностью является многомерность, наличие разных слоев (само)идентификации европейского человека, которые становятся актуальными в разных контекстах, в зависимости от конкретной жизненной ситуации.

Об эмпирическом социологическом репрезентативном опросе населения Болгарии

В какой степени сформировались элементы наднациональной идентичности и какие структурные изменения происходят в национальной идентичности болгарских граждан в современных условиях глобализации, мы стремились показать на основе результатов эмпирического социологического опроса, проведенного в 2018 г. в рамках проекта «Меры по преодолению демографического кризиса в Республике Болгария», в котором автор настоящей статьи приняла участие. Проект был осуществлен Институтом исследования населения и человека при Болгарской академии наук по заказу Совета Министров Республики Болгарии. Это был национальный репрезентативный опрос болгарских граждан в возрасте 18–65 лет, охватывавший 1 272 респондента. Такой размер выборки является репрезентативным для Болгарии. Статистическая погрешность составляет $\pm 3\%$. Для сбора эмпирической информации использовался метод стандартизированного интервью. С помощью результатов этого опроса мы стремились показать, как болгарские граждане определяют свою идентичность вдоль по оси «местная – национальная – наднациональная» идентичность и означает ли проницаемость национальных границ также проницаемость границ идентичности. Здесь мы хотели бы отметить, что из-за чрезвычайно широкого круга вопросов, которые должен был охватить национальный репрезентативный опрос, в анкету были включены только несколько вопросов, связанных с темой национальной идентичности, в то время как всестороннее и исчерпывающее исследование этой проблемы предполагает самостоятельный репрезентативный опрос. По этой причине на материале данного опроса не представляется возможным провести всесторонний анализ процессов, протекающих в сфере национальной идентичности болгарских граждан, и происходящих в ней изменений. Скорее, будут обозначены ключевые индикаторы (компоненты) изменяющейся идентичности.

Результаты опроса: граждане Болгарии между местной, национальной и европейской идентичностью

Вот что показывают результаты национального репрезентативного опроса населения. На вопрос: «*Что создает в вас чувство принадлежности к болгарской нации?*», респонденты ответили так:

- болгарский язык – указали 57,0% респондентов;
- национальная история – указали 54,0% респондентов;
- национальные культурные традиции и обычаи – 51,8% респондентов;
- национальная память – 38,9% респондентов;
- государственная символика (флаг, герб, гимн) – 21,7% респондентов;
- болгарское имя – 18,0% респондентов;
- православная религия – 12,8% респондентов;
- национальные достижения (спортивные, культурные, экономические) – 11,0% респондентов;
- модель этнических отношений в Болгарии – 7,0% респондентов;
- государственные учреждения и правопорядок – 3,2% респондентов;
- у меня нет чувства принадлежности к болгарской нации – 3,0% респондентов¹.

¹ Здесь сумма процентов превышает 100, так как респонденты указали более одного ответа.

Полученные результаты раскрывают структуру показателей (индикаторов) национальной идентичности, в которой *болгарский язык, национальная история, национальные культурные традиции и обычаи, национальная память* являются ведущими факторами, формирующими чувство национальной идентичности. Эти показатели фактически иллюстрируют связь национальной идентичности с такими базовыми атрибутами национального государства, как официальный язык, официальная история и т. д. Это подтверждается тем, что *государственные символы (флаг, герб, гимн)* занимают тоже одно из ведущих мест среди индикаторов национальной идентичности и определяются одной пятой опрошенных как формирующие чувство национальной идентичности. *Болгарское имя и православная религия* показывают все меньшую важность в качестве индикаторов национальной идентичности, скорее всего потому, что они считаются опрошенными лицами показателями этнической, а не национальной идентичности (имея в виду, что Болгария – мультиэтническое государство). Наверное поэтому и *модель этнических отношений в Болгарии* занимает предпоследнее место в структуре индикаторов национальной идентичности. К сожалению, можно отметить, что респонденты не рассматривают национальные достижения (спортивные, культурные, экономические) как формирующие чувство принадлежности к болгарской нации и ставят их на одно из последних мест в системе показателей национальной идентичности. По всей вероятности причина состоит в том, что они не считают, что у Болгарии достаточно выдающихся достижений, которые могли бы идентифицировать нас как нацию. А тот факт, что *государственные институты и правопорядок* находятся на последнем месте в структуре индикаторов национальной идентичности, причем их величина почти равна величине статистической ошибки, свидетельствует о том, что это первые сигналы ослабления роли государственности, первые сигналы о том, что государство и государственность (в смысле институтов и правопорядка) как создающие идентичность все больше лишаются ценности. По этой причине мы можем сказать, что национальная идентичность, понимаемая как идентификация с конкретным национальным государством в смысле государственных границ, институтов власти и правопорядка, начинает терять позиции в идентификации болгарских граждан, но сохраняется значение национальной идентичности, понимаемой как культура, история, память, т. е. идентичности, наполненной культурным, а не институциональным содержанием. Но в целом, тот факт, что процент болгарских граждан, которые заявляют, что у них нет чувства принадлежности к болгарской нации, находится на уровне статистической ошибки, указывает на то, что национальная идентичность продолжает оставаться ведущей идентичностью в их самоопределении на данном этапе развития общества.

Подтверждением этого являются ответы на вопрос «С каким из следующих названий вы предпочитаете отождествлять себя?»:

- гражданин Болгарии – так определяют себя 52,5% респондентов;
- гражданин мира – 17,1% респондентов;
- гражданин Европы (ЕС) – 12,7% респондентов;
- я отождествляю себя с моим родным городом/с местом, где я родился – 8,9% респондентов;
- я отождествляю себя с моей этнической принадлежностью – 3,3% респондентов.

Видно, что идентификация с национальным государством является основной для болгарских граждан – более половины респондентов идентифицируют себя как

болгарские граждане. Но несмотря на то, что идентификация «*гражданин мира*» оказывается важнее для болгарских граждан, чем идентификация «*гражданин Европы*», сам факт, что в целом 29,8%, т. е. почти одна треть болгарских граждан, идентифицирует себя с наднациональными структурами, является иллюстрацией начавшихся процессов формирования наднациональной идентичности. Отождествление примерно одной десятой части респондентов с их родным городом, с местом, где они родились, является отражением противоположной тенденции формирования местной идентичности. Этническая идентификация находится практически на уровне статистической ошибки, поэтому можем считать ее незначительной.

Типичной иллюстрацией разграничения по линии «национальная – местная идентичность» являются ответы на вопрос: «*Как вы себя чувствуете в Болгарии: как дома или как чужой?*» Вот, что показывают результаты:

- 33,4% респондентов чувствуют себя «как дома» среди родственников и друзей;
- 10,3% респондентов чувствуют себя «как дома» в населенном пункте, в котором они проживают;
- 6,4% чувствуют себя «как дома» в государстве;
- 36,4% респондентов чувствуют себя «как дома» во всех трех вышеуказанных случаях;
- 8,0% чувствуют себя «чужими» в государстве;
- ответы «чужой» среди родственников и друзей; в населенном пункте, в котором респондент проживает; и во всех трех указанных случаях показывают стоимости, которые ниже статистической ошибки и поэтому их можно считать незначительными.

Как видно из результатов, большинство респондентов ощущают себя «как дома» одновременно в государстве, в населенном пункте, в котором проживают, и среди родственников и друзей (36,4%), что является выражением консистентности в их представлениях об идентификации в рамках национального государства и показывает, что национальная идентичность все еще занимает ведущее место на данном этапе развития болгарского общества. Наличие 10,3% респондентов, которые чувствуют себя «как дома» только в населенном пункте, в котором проживают, соответствует примерно такой же доле респондентов (8,9%), идентифицирующих себя с местом, где они родились, и является отражением процессов формирования местной идентичности. Выражением подобных процессов можно считать и мнение значительной доли (33,4%) респондентов, которые чувствуют себя «как дома» только среди родственников и друзей. Это можно интерпретировать как показатель формирования замкнутых социальных идентичностей, основанных на принадлежности к определенным социальным группам. А тот факт, что наименьшая доля респондентов чувствует себя «как дома» в государстве (6,4%), также как и то, что есть такие, которые чувствуют себя «чужими» в государстве (8,0%), (в то время как ответы – «чужой» среди родственников и друзей; «чужой» в населенном пункте, где я живу; «чужой» во всех трех указанных случаях – набирают проценты, которые ниже статистической ошибки и, следовательно, незначительны), показывает начавшийся прорыв в роли и значении национального государства как формирующей идентичность.

Заклучение

В заключение можно сказать, что, национальная идентичность продолжает быть ведущей в самоидентификации болгарских граждан на данном этапе развития общества, хотя есть признаки ее эрозии и формирования элементов наднациональной идентичности («гражданин Европы» и «гражданин мира»), а также признаки формирования местных идентичностей. Поэтому для Болгарии и ее граждан оказываются особенно актуальны слова Ж. Аттали о том, что страна находится только в «преддверии европейской идентичности», которая сейчас существует скорее как «огромный идеал», чем как реальность [Attali, 1999]. Стремление к этому идеалу и сопутствующая ему трансформация идентичности подкрепляются привлекательностью европейских ценностей, европейского образа жизни и европейских стандартов, которых болгарские граждане стремятся достичь в кратчайшие сроки. Но применительно к общественным преобразованиям «краткие сроки» обычно занимают несколько поколений.

Список литературы

- Albrow M.* The global age: State and society beyond modernity. Cambridge: Polity Press, 1996. 246 p. ISBN: 978-0-745-61189-1.
- Attali J.* Fraternités. Une nouvelle utopie. Fayard, 1999. 234 p. ISBN: 2213604304.
- Bauman Z.* Liquid modernity. Malden, MA, USA: Polity Press, 2000. 240 p. ISBN: 978-0745624105.
- Bauman Z.* Liquid times. Living in an age of uncertainty. Malden, MA, USA: Polity Press, 2000. 228 p. ISBN-13: 978-0745639871.
- Caglar A.* Hyphenated identities and the limits of 'culture'. In: T. Modood, P. Werbner (Eds.) The politics of multiculturalism in the New Europe. London: Zed, 1997. Pp. 169–85. ISBN: 978-1856494212.
- Castells M.* The power of identity. 2nd ed. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell, 2004. 537 p. (The information age series. Vol.2. Economy, society and culture). ISBN 1-405-10713-8.
- Castles S., Miller M. J.* The age of migration: International population movements in the modern world. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2009. 336 p. DOI: 10.1007/978-1-349-26846-7.
- Eagleton T.* The idea of culture. Wiley-Blackwell, 2000. 168 p. ISBN: 978-0-631-21966-8.
- Engbersen G., Snel E., De Boom J.* A van full of Poles: Liquid migration from Central and Eastern Europe. In: Black R., Engbersen G., Okolski M., Pantiru C. (Eds.). A continent moving west? EU enlargement and labour migration from Central and Eastern Europe. IMISCOE, Research Series. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010. Pp. 115–140. DOI: 10.5117/9789089641564.
- Engbersen G., Van der Leun J., De Boom J.* The fragmentation of migration and crime in the Netherlands. Crime and justice. 2007. Vol. 35, No. 1. Pp. 389–452. DOI:10.1086/650189.
- Miller R.* The development of European identity/identities: Unfinished business. A Policy Review. European Commission, 2012. 124 p.
- Ongur H. O.* Towards a social identity for Europe? A social psychological approach to European identity studies. Review of European Studies. 2010. Vol. 2, No. 2. P. 133. DOI: 10.5539/RES.V2N2P133.
- Schiller N. G., Wimmer A., Levitt P., Kumar S.* Methodological nationalism and beyond: Nation-state building, migration and the social sciences. Transnational Studies Reader, 2007. 578 p.
- Schütze F.* Europe as a mental space. In: The biographical genesis of a European mental space and identification with Europe (unpb. man., part 1 and 2). 2011.
- Smith A. D.* National identity. Vol. 11. Reno: University of Nevada Press, 1993. 227 p. ISBN: 978-0874172041.
- Taylor Ch.* Multiculturalism examining the politics of recognition. Princeton University Press, 2009. 175 p.
- Vertovec S.* Super-diversity and its implications. Ethnic and Racial Studies. 2007. Vol. 30, No. 6. P. 1024-1054. DOI: 10.1080/01419870701599465.

Сведения об авторе:

Накова Албена Илиева, кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, София, Болгария.

Контактная информация: e-mail: albena_nakova.manolova@abv.bg, ORCID ID: 0000-0002-1244-8879.

Статья поступила в редакцию 08.12.2020; принята в печать 15.02.2021.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MIGRATION AND IDENTITY IN CONTEMPORARY BULGARIAN SOCIETY

Albena I. Nakova

Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria.

E-mail: albena_nakova.manolova@abv.bg

For citation: Albena I. Nakova. Migration and identity in contemporary Bulgarian society. DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 155–164. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.12

Abstract. *The article, based on the results of an empirical sociological study, examines the changes in the national identity of Bulgarian citizens under the influence of active migration processes within the EU. The started process of formation of supranational/European identity is substantiated. The exceptional dynamics of contemporary social processes, mass migratory movements in a world where borders are becoming more open and even practically absent (within the EU), and huge distances are covered in a very short time lead to significant changes in the identity of the Bulgarian citizens. New types of identity appear that are structurally and functionally different from the pre-existing ones, corresponding to the previous axiological paradigms. Constant process of movement from one society to another, and in particular from the new EU member states to the old member states within the “liquid migration”, leads to the transfer, assimilation and reconciliation of ideas, perceptions, understandings, values and behaviors that are typical for different societies, social groups and cultures. Bulgaria and Bulgarian citizens have been involved in these processes for three decades, with a gradually increasing intensity. Today the Bulgarian national identity is in constant transformation - the Bulgarian citizen becomes a European citizen, a citizen of the world. Thus, the specificity of social development logically leads to the formation of a supranational identity. On the other hand, when the change becomes permanent feature of society and radical changes occur over extremely short periods of time, it creates prerequisites for dissonance of identity. And sometimes, instead of the formation of a supranational identity, reverse processes of closure, localization, and regionalization are observed. It can be said that in modern Bulgarian society, the processes of European integration are accompanied by opposite processes of “atomization” of society and the “closure” of people into smaller, than national communities. The results of a national representative survey show that at this stage of development of the Bulgarian society, identification with the nation-state remains a key for Bulgarian citizens - more than half of the respondents identify themselves as citizens of Bulgaria. Almost one third of Bulgarian citizens, however, identify themselves with supranational structures (“citizen of Europe” and “citizen of the world”), which is an illustration of the processes of the formation of a supranational identity that have begun. And the identification of about one tenth of the respondents with their hometown, with the place where they were born, reflects the opposite trend of formation of local identity.*

Keywords: *migration, liquid migration, national identity, supranational identity, European identity, identity indicators.*

Bio note:

Albena I. Nakova, PhD in Sociology, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria.

Contact information: e-mail: albena_nakova.manolova@abv.bg, ORCID ID: 0000-0002-1244-8879.

Received on 08.12.2020; accepted for publication on 15.02.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

КУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ ПЕРЕД ТРУДОВОЙ ИНТЕГРАЦИЕЙ БЕЖЕНЦЕВ В БОЛГАРИИ

Мантарова А. И.

Институт философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария.

E-mail: anna.mantarova@abv.bg

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.13

Для цитирования: Мантарова А. И. Культурные барьеры перед трудовой интеграцией беженцев в Болгарии // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 165–181. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.13

Аннотация. В работе рассматривается ситуация, сложившаяся в Болгарии после прибытия туда большого числа иммигрантов с Ближнего и Среднего Востока, с точки зрения их способности выйти на рынок труда. Цель настоящего исследования – проанализировать потенциал и препятствия для трудовой интеграции беженцев и лиц, ищущих убежище, учитывая отношение болгарского общества к этой группе унаселения и ее выходу на рынок труда. В статье используются данные Национального статистического института, Государственного агентства по делам беженцев (ГАДБ), а также данные, полученные в ходе национальных репрезентативных эмпирических исследований и интервью с гражданами Сирии, Ирака и Афганистана, которые проживают в центрах ГАДБ. Рассмотрены объективные и субъективные предпосылки трудовой интеграции иммигрантов: ситуация на рынке труда, в т. ч. и с учетом изменений возрастной структуры населения в стране, социально-демографические характеристики иммигрантов, их субъективные намерения, отношение к ним местного населения, мнение населения о проблеме равенства на рынке труда. Особое внимание уделяется зависимости этих отношений и установок от восприятия угроз, связанных с присутствием иммигрантов в стране, социально-демографических характеристик опрашиваемых, их систем ценностей. В результате анализа получен вывод, что низкий образовательный уровень, как правило, сопровождаемый отсутствием каких-либо профессиональных навыков, в совокупности с предыдущей жизнью в совсем другой материальной и организационной среде, является серьезной проблемой для процесса адаптации иммигрантов к новым материальным и культурным условиям жизни, а также к новым стандартам и моделям поведения принимающего общества. Кроме того, для большинства беженцев и лиц, ищущих убежище, Болгария не является конечной целью, а представляет собой лишь транзитный коридор в Западную и Северную Европу, поэтому они не намерены строить свое будущее в стране. Что касается местных жителей и их отношения к иммигрантам, то значительная часть населения их не принимает. Дискриминационное отношение довольно распространено, в том числе в сфере труда. Но надо сказать, что со временем ослабевает чувство угрозы, наступает спокойствие, и в целом при формировании отношения к беженцам все большее значение придается их социальным качествам, а не столько их религиозной и этнической принадлежности. В этой ситуации системы ценностей приобретают ключевое значение для формирования благоприятной среды, которая будет мотивировать иммигрантов поселиться, адаптироваться, развиваться и реализовываться в болгарском обществе. В целом, требуется системный подход, охватывающий все элементы и механизмы взаимодействия системы «иммигранты – учреждения – местное население».

Ключевые слова: беженцы, демографическая ситуация, отношение к иммигрантам, детерминанты установок, системы ценностей, трудовая интеграция, дискриминация.

Введение: проблемная ситуация

В последнее время в современном динамичном и глобализованном мире происходят интенсивные трансграничные миграционные процессы. С развитием техники и технологий значение расстояния резко снижается. Финансовая доступность и скорость транспорта делают передвижения доступными для большого количества людей, увеличиваются возможности добраться даже до дальних территорий. При этом расстояния теряют значение и в другом смысле – для распространения информации. Сегодня, благодаря технологиям, информация передается быстро на любые расстояния. На одном конце мира известно, что происходит на другом, как живут люди там. Связь и общение поддерживаются беспрепятственно по всему миру. С учетом этого, нет ничего удивительного в интенсификации миграционных процессов, которые

происходят по разным причинам, мотивируются разными намерениями и имеют разную продолжительность.

Уже три десятилетия Болгария является источником крупномасштабных эмиграционных потоков. Но параллельно с эмиграционными потоками стала наблюдаться и иммиграция, особенно после вступления страны в ЕС. По данным последней переписи населения, проведенной в 2011 г.¹, в Болгарии постоянно проживают 36 677 иностранных граждан. Это составляет 0,5% населения страны. Примерно 54% из них – выходцы из европейских стран, не входящих в ЕС (в основном из Российской Федерации – 65,1% и Украины – 16,6%), 23% – граждане ЕС (в основном из Великобритании – 30,9% и Греции – 14,8%), 23% – из других стран (в основном из Турции – 32,6% и Армении – 13,9%). Во втором десятилетии нашего века тенденция наплыва иммигрантов усилилась. Но в целом иммиграция оставалась незначительной, не оказывала влияния на общество и не создавала проблем. Ситуация коренным образом изменилась, начиная с 2013 г., когда из стран Ближнего, Среднего Востока и Африки в Европу хлынули огромные потоки людей. Через южную границу Болгарии, направляясь в Западную и Северную Европу, стали проникать десятки тысяч нелегальных иммигрантов без документов, утверждая, что они спасаются от опасностей в родных странах и находятся в поисках убежища.

Как в Европе, так и в болгарском национальном общественном пространстве по отношению к ним утверждается термин «беженцы», который, хоть и не всегда употребляется корректно, укореняется повсеместно. Именно этих иммигрантов расценивают как проблему, стоящую перед обществом, и представление о них приобретает решающее значение для формирования у местного населения отношения ко всем иммигрантам.

Болгария чаще всего не является конечной целью, а представляет собой лишь транзитный коридор для беженцев, при этом она не является частью основных миграционных маршрутов, ведущих в страны Западной Европы, и, соответственно, не подвержена такому миграционному давлению, как некоторые соседние страны. Тем не менее, она тоже ощутила на себе осязаемое воздействие миграционной волны. Согласно статистическим данным болгарского Государственного агентства по делам беженцев (ГАДБ), в период с 1 января 2012 г. по 31 декабря 2020 г. в Болгарии попросили убежища 87 689 человек² (см. рис. 1).

Следует отметить, что в 2020 г. увеличилось количество зарегистрированных заявлений о предоставлении убежища, а также число лиц, задержанных при въезде и выезде через государственную границу, а также лиц, находящихся в стране нелегально.

С начала 1993 г. по 31.12.2020 г. в Болгарии статус беженца получили 13763 человека, а гуманитарный статус был предоставлен 12695 лицам. Однако нет информации о том, сколько из этих людей находятся здесь и сколько покинули страну.

Надо сказать, что есть основания ожидать, что миграционное давление в будущем усилится. Экономический кризис, которым сопровождается пандемия COVID-19, будет особенно болезненным для бедных стран и будет мотивировать все больше людей искать средства к существованию и лучшую жизнь в других странах.

¹ Преброяване 2011 (окончателни данни). – София, България: Национален статистически институт, 2011. – 47 с.

² Актуална информация // Държавна агенция за бежанците при Министерския съвет [сайт]. URL: <https://www.aref.government.bg/bg/node/238> (дата обращения: 15.02.2021).

Это означает, что приток иммигрантов в Европу будет продолжаться, и очевидно, что некоторые из них на более короткий или более длительный период будут селиться в Болгарии. Поэтому рассматриваемая нами тема будет оставаться значимой и актуальной.

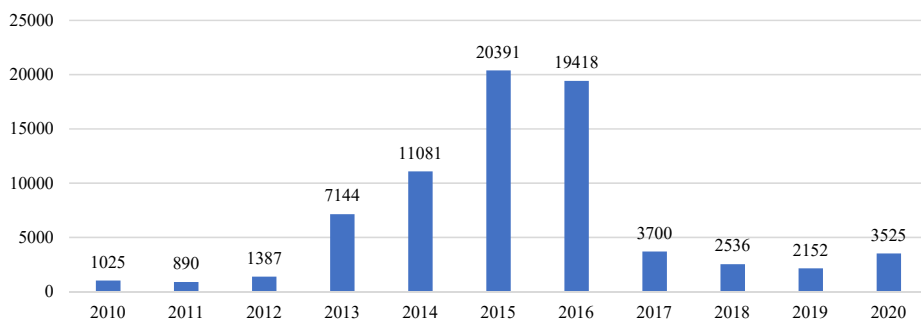


Рис. 1. Количество лиц, зарегистрировавших заявления о предоставлении убежища в Болгарии (01.01.2010 – 31.12.2020)

Fig. 1. Number of persons with registered applications on granting asylum in Bulgaria (01.01.2010 – 31.12.2020)

Источник: ГАДБ³.

Цель, методы, теоретические ориентиры исследования

Принимая во внимание вышеизложенное, цель настоящего исследования – проанализировать потенциал и препятствия для интеграции, в частности, для трудовой интеграции беженцев и лиц, ищущих убежища, учитывая отношение болгарского общества к этой группе населения и ее выходу на местный рынок труда. А поскольку проблема беженцев является новой для современной Болгарии, создание адекватных и функциональных нормативно-институциональных структур и политики имеет ключевое значение, а для того, чтобы они были эффективными, они должны основываться на научном анализе.

В проведенном нами анализе используется статистика Национального статистического института, Государственного агентства по делам беженцев, Министерства внутренних дел, а также данные эмпирических исследований – национально репрезентативных для населения старше 18 лет, от ноября 2017 г. и сентября 2019 г. с двухэтапными выборками гнезд, стратифицированными (согласно NUTS-2 по размеру поселения) объемом 800 и 840 респондентов соответственно. Результаты были взвешены по полу и возрасту. Статистическая ошибка для 50% = ± 3,5%. По той же методике в 2017 г. были опрошены 200 человек, проживающих в городе Харманли и 200 человек в районе Враждебна (вблизи находятся центры размещения лиц, ищущих убежища). Статистическая ошибка 50% = ± 6,9%. Информация была собрана в ходе интервью, проводившихся в домах респондентов. Также были проведены 35 интервью с гражданами Сирии, Ирака и Афганистана, размещенными в центрах ГАДБ. Исследование проводилось группой Института философии и социологии Болгарской Академии наук под руководством профессора Мантаровой А. И. в рамках проекта, финансируемого Фондом научных исследований Министерства образования и науки.

³ Държавна агенция за бежанците при Министерския съвет.

В теоретическом плане анализ основан на существующих концепциях детерминант отношения к иммигрантам (частным случаем которых являются беженцы). В специализированной литературе в качестве влияющих на таковые установки указываются следующие факторы:

- восприятие угроз (ожидание негативных последствий, связанных с прибытием и присутствием иммигрантов) – реальных и символических [Riek et al., 2006; Scheepers et al., 2002; Sniderman et al., 2004; Stephan, Renfro, 2002];
- социально-демографические характеристики;
- опыт межкультурных контактов.

В исследованиях потенциальные угрозы разделены на три группы:

- угрозы безопасности (личной и общественной);
- угрозы финансовому благосостоянию (ожидание ухудшения финансового положения государства из-за размещения и содержания беженцев, перенаправления средств, снижения цен на рабочую силу);
- угрозы национальной идентичности (нарушение этнического баланса в будущем, опасности для национальной культуры, религиозных обычаев и верований).

Среди социально-демографических характеристик, конечно же, представляет интерес влияние пола, возраста, образования, социогрупповой принадлежности, этнической группы, религии, места проживания, финансового положения. Однако в исследовании мы выдвинули гипотезу, что влияние на отношение к беженцам и другим иммигрантам может оказывать более широкий круг личностных характеристик, и включили в наше исследование вопросы, связанные с системой ценностей, с особым акцентом на важность, придаваемую фундаментальным ценностям ЕС, имеющим отношение к данной теме.

Что касается опыта межкультурных контактов как детерминанты стереотипов и восприятия символических угроз в отношении к иммигрантам [Pettigrew, Tropp, 2011], то поскольку в Болгарии нет значительного числа иммигрантов, нельзя ожидать, что вопросы о контактах с иммигрантами, которые использовались в аналогичных исследованиях в других странах, могут использоваться для установления таких связей в болгарском обществе (контакты с иммигрантами имели только 10,6% опрошенных в 2017 г. и 11,7% в 2019 г.).

Результаты: Трудовой потенциал иммигрантов и условия его реализации

Присутствие в стране иммигрантов неизбежно ведет к существенным изменениям во всех сферах общественной жизни. Потенциально оно сочетает в себе как проблемы, возникающие перед обществом, так и новые возможности. Хорошо известно, какую выгоду могут извлечь страны, принимающие иммигрантов: это и восполнение дефицита трудовых ресурсов, и стабилизация рынка труда, а также содействие экономическому росту, поддержка системы социального обеспечения и социальной помощи, преодоление структурного дисбаланса на рынке труда, мотивация для переориентации местных кадров на новые рабочие позиции, требующие более высокой квалификации, косвенное стимулирование экономического роста (путем повышения спроса на товары и услуги за счет работников-иностранцев и членов их семей), использование уже подготовленных квалифицированных кадров, обеспечение положительного чистого результата для государственного бюджета принимающей стороны [Маринов, 2007]. Однако, реализация этих потенциальных преимуществ напрямую зависит от трудовой

интеграции иммигрантов. Трудовая интеграция имеет ключевое значение и для самих иммигрантов, поскольку трудовой статус в огромной степени определяет жизненную ситуацию индивида, уровень и образ его жизни. Сама трудовая интеграция зависит от ряда объективных и субъективных факторов, относящихся к принимающему обществу и его населению, а также к иммигрантам. Ключевыми из них являются состояние рынка труда и экономики в целом, отношение местного населения к иммигрантам, социально-демографические характеристики иммигрантов, их желание работать.

Демографическая ситуация в Болгарии и рынок труда

В Болгарии, как и во многих других развитых странах, демографическая ситуация складывается неблагоприятным образом. В результате низкой рождаемости, высокой смертности и интенсивной эмиграции экономически активного населения в последние десятилетия идет процесс сокращения контингента фертильного и трудоспособного возрастов (в абсолютном и относительном выражении), ухудшается соотношение между активным и зависимым населением – с перевесом в сторону лиц, вышедших из трудоспособного возраста. С 2010 по 2019 гг. численность населения трудоспособного возраста снизилась с 4,7 до 4,16 млн человек. Одновременно с этим численность лиц, вышедших из трудоспособного возраста, увеличилась с 1,7 до 1,73 млн человек. Относительная доля этой группы постоянно растет – с 17,6% в 2007 г. до 21,6% в 2019 г. Ухудшается и соотношение между возрастными группами «моложе 15 лет» и «старше 65 лет» (см. табл. 1).

Таблица 1.

Возрастная структура населения⁴ и коэффициенты возрастной зависимости в Болгарии, 2010–2019 гг., в %

Table 1.

Population age structure and dependency ratios in Bulgaria, 2010-2019, %

Год	Основные возрастные группы			Коэффициенты демографической нагрузки	
	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Старше трудоспособного возраста	В возрасте моложе 15 лет и старше 65 лет к населению в возрасте от 15 до 64 лет	В возрасте 65 лет и старше к населению в возрасте от 15 до 64 лет
2010	14,6	62,7	22,7	46,0	25,9
2011	14,3	61,7	24,0	47,5	27,8
2012	14,4	61,8	23,8	48,7	28,5
2013	14,6	61,7	23,7	50,0	29,3
2014	14,8	61,1	24,1	51,2	30,2
2015	14,9	60,8	24,3	52,4	31,1
2016	15,0	60,6	24,4	53,4	31,8
2017	15,1	60,3	24,6	54,5	32,5
2018	15,2	60,0	24,8	55,5	33,2
2019	15,3	59,8	24,9	56,4	33,8

Источник: НСИ⁵.

⁴ В 2010 г. к трудоспособному возрасту относят мужчин в возрасте от 16 до 63 лет и женщин в возрасте от 16 до 60 лет. С постепенным увеличением пенсионного возраста в 2019 году в данную категорию попадают лица в возрасте от 16 до 61 года и 4 месяцев для женщин и до 64 лет и 2 месяцев для мужчин.

⁵ Национален статистически институт на Република България [сайт]. URL: <https://www.nsi.bg/bg> (дата обращения: 15.02.2021).

В то же время, после выхода из экономического кризиса, начиная с 2013 г. и до марта 2020 г., когда были введены ограничительные меры из-за пандемии COVID-19, число вакантных рабочих мест в стране демонстрировало устойчивую тенденцию к росту. По многим специальностям и отраслям наблюдалась острая нехватка рабочей силы – например, в гостиничном и ресторанном бизнесе, в сфере здравоохранения, социальных услуг и т.д. Можно сказать, что в Болгарии есть хороший потенциал для поглощения новой рабочей силы в будущем в таких секторах, как здравоохранение и социальная работа, образование и другие [Рангелова, 2020: 30]. В этом смысле объективные условия для трудовой интеграции иммигрантов на болгарском рынке труда были очень благоприятными, по крайней мере до весны 2020 г.

Беженцы

Ключевым моментом для оценки интеграционного потенциала беженцев является их социально-демографические и культурные характеристики, в частности уровень образования, профессиональная квалификация, интернализированные ценностно-нормативные системы и модели поведения.

Существующие данные о демографических характеристиках показывают значительный дисбаланс в каждом срезе. На протяжении всего периода интенсивного притока беженцев (после 2017 г. число лиц, желающих получить убежище, резко сократилось, поэтому выбран в качестве границы именно этот год) возрастная и гендерная структуры прибывающих лиц ярко выражено асимметричны. Доля мужчин составляет от 68 до 80%. С точки зрения трудовой интеграции, возрастная структура иммигрантов является благоприятной – от 3/4 до 4/5 составляют люди активного возраста (см. табл. 2).

Таблица 2.

Распределение по возрасту лиц, подавших заявление о предоставлении убежища в 2013–2017 гг., в %

Table 2.

Distribution of asylum applicants in 2013–2017, by age, %

Год / Возраст	0–13	14–17	18–34	35–65	Старше 65
2013	24,0	7,8	50,7	16,7	0,8
2014	17,5	12,8	56,2	13,1	0,4
2015	16,2	10,8	61,7	11,0	0,3
2016	18,5	14,3	56,4	10,1	0,7
2017	19,0	13,7	53,6	13,2	0,5

Источник: ГАДБ⁶.

Но для того, чтобы предпосылки стали фактором развития, данным лицам должны быть присущи определенные качества, а также желание и готовность к активной трудовой реализации.

Информация об уровне образования и квалификации претендентов на предоставление убежища показывает, что не только их показатели гораздо хуже характеристик, которыми обладает местное население, но и в целом они не отвечают потребностям рынка труда в Болгарии. И хотя статистические данные ГАДБ дают нам

⁶ Държавна агенция за бежанците при Министерския съвет.

сведения об уровне образования только за ограниченный интервал времени, нет оснований предполагать, что существуют значительные различия между группами лиц, прибывшими вне рассматриваемого нами интервала. Число тех, кто имеет высшее и средне-специальное образование, составляет лишь 6%, общее среднее образование – 15%. В то же время 25% вообще не имеют образования, начальное образование имеют – 28% и восьмилетнее образование – 26%. Существенным ограничением для анализа является то, что данные ГАДБ не показывают, каково распределение уровней образования в отдельных возрастных группах, т. е. насколько реальна вероятность повышения уровня образования среди молодых людей, и в какой степени низкий уровень образования является устойчивой характеристикой. Именно он представляет собой практически непреодолимый барьер перед реализацией экономической активности и самообеспечения.

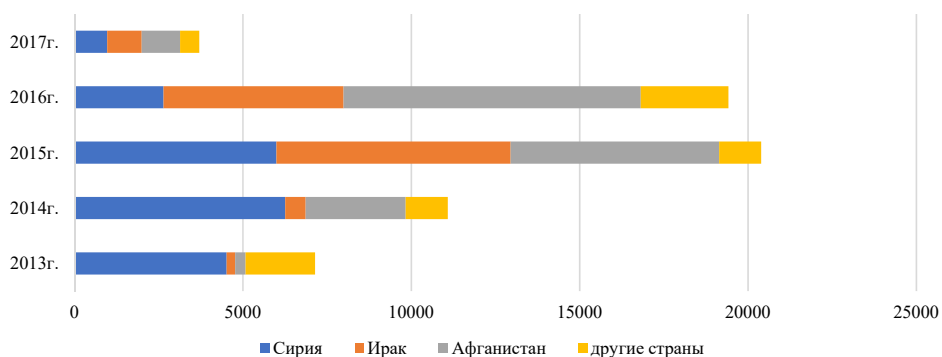


Рис. 2. Распределение лиц, подавших заявление о предоставлении убежища, по стране происхождения

Fig. 2. Distribution of asylum applicants by country of origin

Источник: ГАДБ⁷.

Статистика ГАДБ показывает страну происхождения лиц, ищущих убежища. Почти все люди, получившие статус беженца или гуманитарный статус, являются выходцами из Афганистана, Сирии и Ирака.

Независимо от оговорок, относящихся к достоверности информации, бесспорно, что это почти исключительно люди, исповедующие различные разновидности ислама (в том числе радикальный). Некоторые из них жили в условиях неразвитой и слабой государственности, в основном в традиционных обществах и (или) сообществах, где доминирующее положение имели системы ценностей, норм и модели поведения, присущие исламу (особенно в Афганистане). Такие специфические культурные особенности также являются серьезной проблемой для интеграции.

Наряду с объективными данными, интересную информацию для анализа дают интервью, проведенные с иммигрантами из стран Ближнего и Среднего Востока, находящимися в центрах временного размещения беженцев (всего было проведено 35 интервью с лицами, подавшими заявление о предоставлении убежища). Примечательно, что у большинства опрошенных есть родственники или друзья в странах

⁷ Държавна агенция за бежанците при Министерския съвет.

Западной или Северной Европы, с которыми они поддерживают тесные контакты и желают воссоединиться с ними. Малочисленны те, кто заявляет, что останутся в Болгарии. При этом неизвестно, сколько из тех лиц, кто вербально декларировал подобное желание, действительно так думают и в дальнейшем собираются это решение реализовать.

В целом же у иммигрантов нет никакого конкретного – не говоря уже о реалистичном – представления о перспективах своего ближайшего будущего, а тем более конкретных планов относительно того, что и как им предстоит сделать. Значительная их часть заявляет, что хотели бы заниматься торговлей, но говорят об этом в общем, ничего не конкретизируя. При этом они не обладают никакими знаниями в области нормативных и административных актов и правил, регламентирующих данный вид деятельности в принимающем обществе.

Говоря о планах на будущее, не следует пренебрегать и впечатлениями части иммигрантов, свидетельствующими о враждебном отношении к ним некоторой части местного населения. Разочарование у части тех, кто желает остаться в Болгарии, вызывают также долгие административные процедуры, отсутствие интереса и поддержки на местах в ситуациях, когда иммигранты хотят начать трудовую деятельность, имея профессиональную квалификацию и желание работать.

Установки местного населения по отношению иммигрантам

Другая сторона, влияющая на интеграционный процесс, – это местное население с его отношением и поведением по отношению к иммигрантам. В общих чертах сразу же можно заметить, что местное население, хотя и с большими вариациями в зависимости от страны происхождения иммигрантов, проявляет дистанцированность по отношению к ним – как в социальном, так и в чисто пространственном плане. Треть опрошенных говорит о том, что будет чувствовать себя несколько некомфортно в соседстве с иммигрантами. Однако доля респондентов, ответивших подобным образом, резко возрастает, когда речь заходит об иммигрантах из стран Ближнего и Среднего Востока и Африки – для данной категории она превышает 60%.

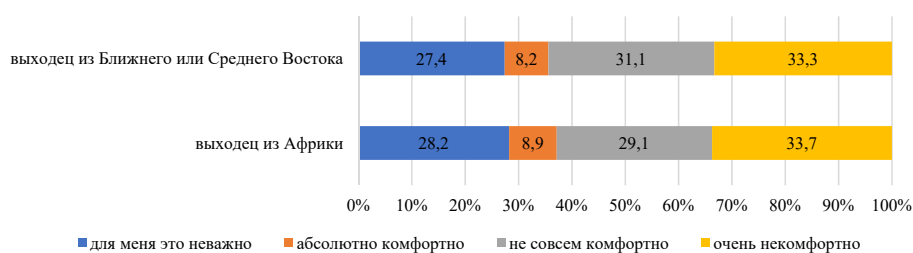


Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Насколько комфортно вы лично будете чувствовать себя, если ваш сосед...?» (в процентах от совокупности опрошенных)

Fig. 3. Distribution of respondents' answers to the question: "How comfortable will you personally feel if your neighbor is...?" (as a percentage of the totalality of respondents)

Источник: Эмпирическое социологическое исследование «Миграционные процессы: возможности и вызовы», 2019 г.

Отношение к этим группам (в число которых входят и лица, подавшие заявления о предоставлении убежища) подтверждается ярко выраженным массовым мнением, что они должны жить изолированно в специальных центрах: 47,5% считают, что они должны жить в центрах закрытого типа, а 33,3% – что в открытых. Более 70% респондентов не желают иметь подобные центры в непосредственной близости от места своего проживания.

Тот факт, что данные группы являются наименее принятыми, подтверждается и тем, что в их адрес гораздо чаще, чем в адрес других иммигрантов, можно услышать высказывания с оскорбительными коннотациями или угрозами, сопровождаемые агрессией.

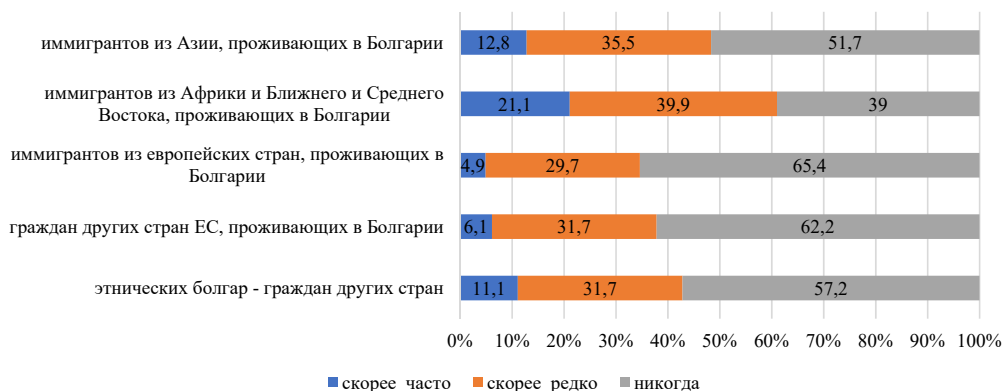


Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос:

«Как часто вы слышали обидные высказывания в адрес следующих лиц?» (в процентах от совокупности опрошенных)

Fig. 4. Distribution of respondents' answers to the question: "How often have you heard offensive statements addressed to the following persons?" (as a percentage of the totality of respondents)

Источник: Эмпирическое социологическое исследование «Миграционные процессы: возможности и вызовы», 2019 г.

Даже если абстрагироваться от крайних форм [Спасова, 2018], опрос 2019 г. показывает, что дискриминационное отношение к иммигрантам широко распространено в болгарском обществе. Почти половина респондентов (48,8%) против того, чтобы пребывающие в стране на законных основаниях иностранные граждане из стран, не являющихся членами ЕС, имели те же права, что и граждане Болгарии.

При конкретизации ключевых элементов трудовых отношений дискриминационные установки становятся еще более ярко выраженными.



Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как, по вашему мнению, следует поступать в отношении иммигрантов?» (в процентах от совокупности опрошенных)

Fig. 5. Distribution of respondents' answers to the question: "What do you think should be done in relation to immigrants?" (as a percentage of the totality of respondents)

Источник: Эмпирическое социологическое исследование «Миграционные процессы: возможности и вызовы», 2019 г.

Следует добавить, что 21,5% респондентов выражают мнение, что если бы они выступали в качестве работодателей, то нанимали бы на работу иностранцев, даже не будучи уверенными, что те имеют разрешение на работу в стране. При этом данный ответ чаще всего дают представители тех категорий граждан, которые вероятнее всего могли бы стать работодателями: производители сельхозпродукции (50,0%), индивидуальные предприниматели (27,7%), высококвалифицированные рабочие и специалисты (27,8%). Это означает, что существует реальная возможность того, что дискриминационные установки перейдут в дискриминационные практики. Кроме того, надо сказать что опыт, в т. ч. и болгарских граждан за границей, показывает, что категория мигрантов, работающих неофициально, является наиболее уязвимой для любого вида дискриминации.

Косвенно, дискриминационные взгляды и риск их объективизации в различных формах дискриминационной практики также могут быть оценены и по самооценке того, насколько комфортно болгарские граждане будут чувствовать себя с иностранным начальником или работодателем. Самый высокий процент – более половины опрошенных – ощутили бы некую степень дискомфорта, если бы такую позицию занимал выходец из стран Ближнего и Среднего Востока (55,0%) и Африки (53,8%). Это определенно индикация наличия отрицательного потенциала, который, вполне вероятно, может реализоваться в той или иной форме дискриминации.

Интересно проследить, с чем именно связаны зарегистрированные настроения. Действительно ли установленные закономерности общих настроений по отношению к иммигрантам (восприятие угроз, ассоциирующихся с присутствием их в стране, социально-демографические характеристики, опыт межкультурных контактов), которые уже подтверждены и в Болгарии [Мантарова, 2018; Мантарова, 2019; Мантарова, Багреева, Наумова, 2020], характерны и для сферы труда.

Примечателен тот факт, что самые большие различия по вопросу равенства в сфере труда наблюдаются в отношении позиций, касающихся рисков, связанных с обеспечением безопасности: ростом преступности, терроризмом, распространением заболеваний.

Таблица 3.

Согласие законно проживающих граждан стран, не входящих в ЕС, иметь те же трудовые права, что и болгарские граждане, в зависимости от восприятия угроз, связанных с присутствием беженцев в Болгарии (в процентах от совокупности опрошенных)

Table 3.

Consent of lawfully residing citizens of non-EU countries to have the same labor rights as Bulgarian citizens, depending on the perception of threats arising from the presence of refugees in Bulgaria (as a percentage of the totality of respondents)

Замешаны в торговле и распространении наркотиков и пр.	V<FootnoteStart:>Ко- эффициент Краме- ра.<FootnoteEnd:>=0,337
полностью согласен	34,1
скорее не согласен	77,3
Являются носителями террористических угроз	V=0,334
полностью согласен	36,9
скорее не согласен	80,2
Совершают преступления против местных жителей	V=0,300
полностью согласен	32,0
скорее не согласен	68,2
Являются переносчиками заболеваний	V=0,303
полностью согласен	37,2
скорее не согласен	71,2

Источник: Эмпирическое социологическое исследование «Миграционные процессы: возможности и вызовы», 2019 г.

Таблица 4.

Мнение, как следует поступать в отношении иммигрантов в зависимости от восприятия экономических угроз, связанных с их присутствием в стране⁸ (в процентах от совокупности опрошенных)

Table 4.

Opinion on how to deal with immigrants, depending on the perception of economic threats associated with their presence in the country (as a percentage of the totality of respondents)

	Иметь те же права на рынке труда, что и граждане Болгарии	При поступлении на работу рассматриваться наравне с гражданами Болгарии	При оплате труда рассматриваться наравне с гражданами Болгарии
Национальная выборка	51,2	29,5	43,2
Наплыв иммигрантов приведет к росту безработицы	V=0,195	V=0,231	V=0,184
полностью согласен	36,0	13,7	25,9
скорее не согласен	62,8	41,6	56,5

⁸ Сравнение вариаций отношений в зависимости от позиции, касающейся наличия конкретной угрозы, буду проводить между ответами «полностью согласен» и «скорее не согласен», поскольку крайняя позиция «полностью не согласен» была высказана исключительно малым числом респондентов и ее использование неуместно.

Окончание табл. 4

Наплыв иммигрантов приведет к снижению стоимости труда	V=0,183	V=0,125	V=0,120
полностью согласен	38,2	22,3	33,6
скорее не согласен	63,6	36,3	52,4
Иммигранты станут бременем для системы социального обеспечения	V=0,146	V=0,192	V=0,128
полностью согласен	48,8	30,5	45,4
скорее не согласен	57,8	25,0	34,5

Источник: Эмпирическое социологическое исследование «Миграционные процессы: возможности и вызовы», 2019 г.

Таблица 5.

Мнение, как следует поступать в отношении иммигрантов в зависимости от демографических характеристик респондентов (в процентах от совокупности опрошенных)

Table 5.

Opinion on how to deal with immigrants, depending on the demographic characteristics of respondents (as a percentage of the totality of respondents)

	Иметь те же права на рынке труда, что и граждане Болгарии	При поступлении на работу рассматриваться наравне с гражданами Болгарии	При оплате труда рассматриваться наравне с гражданами Болгарии
Пол	V=0,072	V=0,148	V=0,068
Мужчины	52,2	31,6	33,1
Женщины	49,1	28,0	42,9
Возраст	V=0,137	V=0,152	V=0,112
18-29	47,9	33,3	40,3
30-39	61,5	32,8	43,2
40-49	57,6	34,2	49,7
50-59	51,9	29,0	44,6
Более 60	42,4	21,7	26,3
Образование	V=0,135	V=0,199	V=0,135
начальное	37,8	16,8	29,4
среднее	49,6	25,3	41,6
высшее	68,1	52,1	59,3
Место жительства	V=0,110	V=0,164	V=0,113
София/столица	58,7	52,6	59,3
Областной город	54,2	28,7	40,0
Другой город	50,2	24,2	43,6
Деревня	36,6	19,0	34,3
Этническая принадлежность	V=0,140	V=0,208	V=0,127
Болгарин	50,0	28,1	42,8
Турок	58,7	27,1	35,4
Болгарин-мусульманин	80,0	36,8	80,0
Ром/цыган	55,6	37,2	44,2

Источник: Эмпирическое социологическое исследование «Миграционные процессы: возможности и вызовы», 2019 г.

Оказывается, что корреляция между заявлением о том, что иммигранты отнимают рабочие места у местных жителей, что приведет к росту безработицы, и поддержкой равенства в трудовых правах является более низкой.

Дискриминационные установки показывают связь с рядом социально-демографических характеристик. Чаще всего они выражаются взрослыми старше 60 лет – 57,6% выступают против предоставления равных прав на труд. Также они очень распространены среди менее образованных – лиц с начальным образованием (62,2%). Как и можно было ожидать, жители столицы, имеющие в среднем более высокий уровень образования, чаще других выступают за равные права на рынке труда. Есть различия и в зависимости от этнической принадлежности. Опрос показывает значительную связь с материальным положением респондентов ($V = 0,279$). В то время как люди с очень хорошим и хорошим финансовым положением выступают за равенство (69,4% и 69,1% соответственно), люди с удовлетворительным и плохим положением выражают дискриминационное отношение: только 46,2% первых и 35,3% вторых выступают за равенство. Зависимость от удовлетворенности жизнью в целом аналогичная. С его уменьшением сторонников равноправия становится все меньше: 72,1%, 61,5%, 48,5% и 26,7% соответственно.

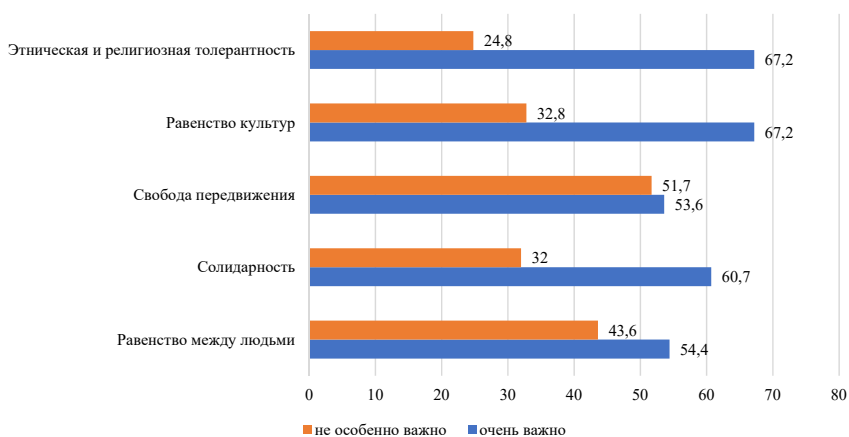


Рис. 6. Доля респондентов которые считают, что иностранные граждане из стран, не входящих в ЕС, должны иметь те же права на рынке труда, что и граждане Болгарии, и важность, придаваемая ими основным ценностям⁹ (в процентах от совокупности опрошенных)

Fig. 6. Proportion of respondents who believe that foreign citizens from non-EU countries should have the same rights in the labor market as Bulgarian citizens, and importance attached by them to the core values (as a percentage of the totality of respondents)

Источник: Эмпирическое социологическое исследование «Миграционные процессы: возможности и вызовы», 2019 г.

⁹ Сравнение вариаций отношений в зависимости от позиции, касающейся ценностной системы, буду проводить между ответами «очень важно» и «не особенно важно», поскольку крайняя позиция «вообще неважно» была высказана исключительно малым числом респондентов и ее использование неуместно.

Что касается связи с ценностями, то она довольно четко выражена в отношении этнической и религиозной толерантности ($V = 0,321$), равенстве между разными культурами ($V = 0,300$) и солидарности ($V = 0,214$).

Выводы

Статистические данные о рынке труда свидетельствуют, что до введения ограничительных мер из-за коронавируса весной 2020 г. объективные условия для трудовой интеграции иммигрантов на болгарском рынке труда были очень хорошими. С точки зрения трудовой интеграции, возрастная структура иммигрантов тоже является очень благоприятной. Но их уровень образования и квалификации не только гораздо хуже аналогичных характеристик местного населения, но и попросту не отвечает потребностям рынка труда в Болгарии. Низкий уровень образования, как правило, сопровождаемый отсутствием каких-либо профессиональных навыков, в совокупности с жизнью в совсем другой материальной среде до приезда в Болгарию, является серьезной проблемой для адаптации к новым материальным и культурным условиям жизни, а также к новым стандартам и моделям поведения принимающего общества.

Общая картина, полученная в результате интервью, подтверждает выводы, сделанные из анализа характеристик иммиграционного потока: большинство иммигрантов не имеют профессиональной подготовки, базового образования, которые могли бы послужить основой для дальнейшего обучения, а также не имеют навыков работы в среде, характерной для развитого общества. Поэтому нельзя ожидать, что они займут те рабочие места, которые на сегодняшний день вакантны, и таким образом внесут свой вклад в экономическое развитие страны: у них нет для этого необходимых навыков, как и желания их приобрести. Более того, большая часть прибывших – это выходцы из слабо развитых регионов, до этого жившие в материальной среде, которая для Болгарии давно осталась в прошлом. Им только предстоит усвоить новые модели поведения. Верховенство ислама и его доминирование в повседневной жизни – как индивида, так и общества – это еще один существенный барьер. И важнее всего, что у большинства опрошенных есть родственники или друзья в странах Западной или Северной Европы, с которыми они желают воссоединиться. Мало тех, кто намерен остаться в Болгарии и связывает свое будущее с этой страной.

Что касается местных жителей и их установок по отношению к иммигрантам, то надо сказать, что значительная часть населения их не принимает. Подтверждением являются неоднократные протесты местного населения против строительства центров для беженцев, а также против проживания даже по соседству с беженцами, особенно если это семьи с детьми. Дискриминационное отношение довольно распространено, в том числе и в сфере труда.

Было доказано, что корреляция между позицией равенства в трудовых правах и опасениями по поводу негативного воздействия выхода иммигрантов на рынок труда ниже, чем корреляция с опасениями по поводу угроз безопасности, связанных с иммигрантами. Это приводит к выводу, что негативное отношение к равенству на рынке труда не является рациональным заключением из конкретных оценок, а является продуктом отвержения и страха более общего характера.

Можно сказать, что изначально отношение к беженцам формировалось в основном под влиянием представлений об угрозах, которые сопровождают прибытие и присутствие такого большого количества людей, являющихся носителями другой культуры и религии, возникших под влиянием страха перед неизвестным. Для мест-

ного населения характерна значительная доля неприятия иммигрантов, стремление к изоляции от них, дистанцированию и дискриминационному обращению с ними. Однако важно, чтобы даже в этой ситуации неопределенности относительно будущего развития событий преобладали общечеловеческие ценности, и именно они определяли предоставление государственной помощи беженцам.

Со временем в обществе ослабевает чувство угрозы, наступает большее спокойствие, и в целом при формировании отношения к беженцам все большее значение придается их социальным качествам, а не их религиозной и этнической принадлежности. В этой ситуации системы ценностей приобретают ключевое значение в создании благоприятной среды, которая будет мотивировать иммигрантов закрепиться, адаптироваться, развиваться и реализовываться в болгарском обществе. И наконец, что не менее важно, для реализации трудового потенциала иммигрантов необходимо упростить всевозможные административные и организационные процедуры, оказывать им помощь при трудоустройстве. В целом, требуется системный подход, охватывающий все элементы и механизмы взаимодействия в системе «иммигранты – учреждения – местное население».

Список литературы

Pettigrew T., Tropp L. When groups meet: The dynamics of intergroup contact. Philadelphia, PA: Psychology Press, 2013. 309 p. DOI: 10.5559/di.21.3.10.

Scheepers P., Gijsberts M., Coenders M. Ethnic exclusion in European countries. Public opposition to civil rights for legal migrants as a response to perceived ethnic threat. *European Sociological Review*. 2002. Vol. 18, No. 1. Pp. 17–34. DOI: 10.1093/esr/18.1.17.

Sniderman P., Hagendoorn L., Prior M. Predisposing factors and situational triggers: exclusionary reaction to immigrant minorities. *American Political Science Review*. 2004. Vol. 98, No. 1. Pp. 35–49.

Stephan W. G., Renfro C. L. The role of threat in intergroup relations. In: Mackie D. M., Smith E. R. (Eds.) *From prejudice to intergroup emotions: Differentiated reactions to social groups*. New York: Psychology Press, 2002. Pp. 191–207.

Мантарова А. Бежанският проблем в България: ситуация и обществени нагласи [Проблема беженцев в Болгарии: ситуация и отношение общества] // *Принудителната миграция: регионални и национални измерения на глобален проблем*. Под ред. А. Мантаровой. – София, Авангард прима, 2018. – С. 11–38.

Мантарова А. Бежанците в България: реални и въображаеми заплахи [Беженцы в Болгарии: реальные и мнимые угрозы] // *Годишник на ВУСИ*. 2019. Т. XIV. С. 5–15.

Мантарова А., Багреева Е., Наумова Ст. Девиации и престъпност: устойчивост и динамика на детерминантите [Отклонения и преступность: устойчивость и динамика детерминант]. – София: Авангард Прима, 2020. – 206 с.

Маринов В. Международната трудова миграция: икономически аспекти [Международная трудовая миграция: экономические аспекты]. – София: УНСС-Научни Трудове, 2007. – 58 с.

Рангелова Р. Устойчиво развитие и междупоколенчески социално-икономически промени в България [Устойчивое развитие и социально-экономические изменения между поколениями в Болгарии] // *Устойчиво развитие: интер- и интрагенерационни аспекти*. Под ред. А. Мантаровой. – София, Авангард прима, 2018. – С. 13–51.

Спасова Л. Език на омраза и престъпления от омраза към имигранти: проявления и отношения [Разжигание вражды и преступления на почве ненависти против иммигрантов: проявления и отношения] // *Политически хоризонти*. 2018. № 1. С. 81–92.

Сведения об авторе:

Мантарова Анна Ивановна, доктор социологических наук, профессор, руководитель кафедры Социального контроля, отклонений и конфликтов Института философии и социологии Болгарской Академии наук, София, Болгария.

Контактная информация: e-mail: anna.mantarova@abv.bg; РИНЦ Author ID: 1107690.

Благодарности и финансирование:

Исследование проведено при поддержке гранта ФНИ № ДН-05-12/15.12.2016.

Статья поступила в редакцию 18.01.2021; принята в печать 15.03.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

CULTURAL BARRIERS TO THE LABOR INTEGRATION OF REFUGEES IN BULGARIA

Anna I. Mantarova

Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria.

E-mail: anna.mantarova@abv.bg

For citation: Anna I. Mantarova. Cultural barriers to the labor integration of refugees in Bulgaria. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 165–181. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.13

Abstract. *The paper examines the situation in Bulgaria after the arrival of large numbers of immigrants from the Middle East, in terms of their ability to enter the labor market. The purpose of this study is to analyze the potential and obstacles for the labor integration of refugees and asylum seekers, taking into account the attitude of the Bulgarian society towards this group and its inclusion in the labor market. The proposed analysis uses statistics from the National Statistical Institute, the State Agency for Refugees, data from two nationally representative empirical studies, and interviews with citizens of Syria, Iraq and Afghanistan in the refugee centers. The objective and subjective prerequisites of labor integration of immigrants have been considered - the situation on the labor market, incl. taking into account changes in the age structure of the population in the country, the socio-demographic characteristics of immigrants, their subjective intentions, the attitude of the local population towards them, opinions on equality in the labor market. Particular attention has been paid to the dependence of these attitudes on the perception of threats associated with the presence of immigrants in the country, socio-demographic characteristics, value systems. As a result of the analysis, it was concluded that a low educational level, as a rule, accompanied by a lack of any professional skills, combined with a previous life in a completely different material and organizational environment, is a serious problem in the process of adaptation to new material and cultural living conditions, to new standards and behavioral patterns of the host society. In addition, for the majority of immigrants, Bulgaria is not the ultimate goal, but is only a transit corridor to Western and Northern Europe, and they do not intend to build their future in the country. As for the locals and their attitudes towards immigrants, a significant part of the population does not accept them. Discriminatory attitudes are quite common, including employment. But it should be said that over time the sense of threat weakens, and in general, when forming attitudes towards refugees, more and more importance is attached to their social qualities, and not so much to their religious and ethnicity. In this situation, value systems acquire key importance for the formation of a favorable environment that will motivate immigrants to settle, adapt, develop and realize themselves in the Bulgarian society. The general conclusion is that a systematic approach is required, covering all elements and interactions of the system of immigrants - institutions - local population.*

Key words: *refugees, demographic situation, attitudes towards immigrants, determinants of attitudes, value systems, labor integration, discrimination.*

References

Mantarova A. Bezhanskiyat problem v Bulgariya: situatsiya i obshtestveni naglasi [The refugee problem in Bulgaria: situation and public attitudes]. *Prinuditelnata migratsiya: regionalni i natsionalni izmereniya na globalen problem* [Forced Migration: Regional and National Dimensions of a Global Problem]. A. Mantarova (Ed.). Sofia: Avangard Prima, 2018. Pp. 11-38. (In Bulgarian).

Mantarova A. Bezhantsite v Bulgariya: realni i vuobrazhaemi zaplakhi [Refugees in Bulgaria: Real and Imaginary Threats]. *Godishnik na VUSI*. 2019. Vol. XIV. Pp. 5–15. (In Bulgarian).

Mantarova A., Bagreeva E., Naumova St. *Deviatsii i prestupnost: ustoychivost i dinamika na determinantite* [Deviations and crime: resilience and dynamics of determinants]. Sofia: Avangard Prima, 2020. 206 p. (In Bulgarian).

Marinov V. *Mezhdunarodnata trudova migratsiya: ikonomicheski aspekti* [International labor migration: economic aspects]. Sofia: UNSS-Nauchni Trudove, 2007. 58 p. (In Bulgarian).

Pettigrew T., Tropp L. *When groups meet: The dynamics of intergroup contact*. Philadelphia, PA: Psychology Press, 2013. 309 p. DOI: 10.5559/di.21.3.10.

Rangelova R. *Ustoichivo razvitie i mezhdupokolencheski sotsialno-ikonomicheski promeni v Bulgariya* [Sustainable development and intergenerational socio-economic changes in Bulgaria]. In *Ustoiichivo razvitie: inter- i intrageneratsionni aspekti* [Sustainable development: inter- and intragenerational aspects]. A. Mantarova (Ed.) Sofia, Avangard prima, 2018. P. 13–51. (In Bulgarian).

Scheepers P., Gijsberts M., Coenders M. Ethnic exclusion in European countries. Public opposition to civil rights for legal migrants as a response to perceived ethnic threat. *European Sociological Review*. 2002. Vol. 18, No. 1. Pp. 17–34. DOI: 10.1093/esr/18.1.17.

Sniderman P., Hagendoorn L., Prior M. Predisposing factors and situational triggers: exclusionary reaction to immigrant minorities. *American Political Science Review*. 2004. Vol. 98, No. 1. Pp. 35–49.

Spasova L. *Ezik na omraza i prestupleniya ot omraza kum imigranti: proyavleniya i otnosheniya* [Hate speech and hate crimes against immigrants: manifestations and attitudes]. *Political horizons*. 2018. No. 1. Pp. 81–92.

Stephan W. G., Renfro C. L. The role of threat in intergroup relations. In: Mackie D. M., Smith E. R. (Eds.) *From prejudice to intergroup emotions: Differentiated reactions to social groups*. New York: Psychology Press, 2002. Pp. 191–207.

Bio note:

Anna I. Mantarova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head Department of Social Control, Deviations and Conflicts, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria.

Contact information: e-mail: anna.mantarova@abv.bg; RSCI Author ID: 1107690.

Acknowledgements and financing:

The research was carried out with the support of the NSF grant No. DN-05-12/15.12.2016.

Received on 18.01.2021; accepted for publication on 15.03.2020.

The author has read and approved the final manuscript.

МИГРАЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСТВА СЕВЕРНОГО ГОРОДА

Журавлев Н. Ю.

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Сыктывкар, Россия.

E-mail: zhuravlev.nazar@yandex.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.14

Для цитирования: Журавлев Н. Ю. Миграционное поведение студенчества северного города // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 182–193. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.14

Аннотация. Проблема недостаточной заселенности арктических территорий является одной из актуальных проблем государства. Возможным источником пополнения численности населения и рабочей силы выступают северные регионы, находящиеся в непосредственной близости от арктической зоны. Молодежь северных территорий может выступать как важный актор реализации крупных стратегических проектов в регионах. Демографические и социальные проблемы Севера находят свое отражение в социальном поведении молодежи. Невозможность удовлетворения собственных потребностей приводит молодых людей к решению о миграции и, соответственно, снижению трудового потенциала региона. В рамках данной статьи были затронуты вопросы, связанные с определением миграционных установок, причин и факторов миграции молодежи. Цель исследования: определить миграционные установки молодых людей и миграционного поведения, реализующего эти установки. Объектом исследования выступили студенты выпускных курсов различных направлений и уровня образования из Республики Коми. Методом исследования было выбрано полуструктурированное интервью. На основе проведенных интервью были выделены основные группы стратегий, отражающие миграционное поведение молодежи, а также их ключевые особенности. Основными критериями формулировки стратегий выступили направленность миграционных планов и активность в проявлении миграционного поведения. На их основе было выделено четыре группы миграционных стратегий: активные («Переезд», «Обустройство») и пассивные («Ожидание переезда», «Ожидание условий»). Склонность информантов к активной или пассивной стратегиям миграционного поведения обуславливается рядом факторов, значимых для конкретного индивида, имеющих как внутреннюю, так и внешнюю природу. Из внешних факторов в большей степени влияет текущее место жительства, а из внутренних – уровень образования. Факторы дифференцированы в зависимости от группы стратегий. Стремящиеся к переезду более склонны обращать внимание на развитость инфраструктуры развлечений и карьерные перспективы, выбравшие текущее место жительства – предсказуемость и стабильность будущих условий, возможность общения с близкими. По результатам работы предложено сконцентрироваться на факторах, имеющих значение для пассивных стратегий, поскольку это позволит более эффективно воздействовать на миграционное поведение молодежи.

Ключевые слова: миграционное поведение, Север, молодежь, миграционные стратегии, миграционные установки.

Актуальность темы исследования

На сегодняшний день одним из направлений государственной политики является развитие и освоение арктического региона. Одной из задач государства в арктической зоне является решение проблемы недостаточной численности населения в районах Арктики, что стало следствием недостаточно продуманной политики расселения. В качестве одной из мер предполагается направить усилия на повышение уровня заселенности территории и благоустройства населенных пунктов регионов.

В данном контексте северные регионы, находящиеся в непосредственной близости от арктической зоны, приобретают стратегическое значение, поскольку именно они в силу географических и инфраструктурных особенностей могут послужить источником квалифицированной рабочей силы, необходимой для реализации глобальных проектов в условиях севера. Таким образом, большую важность приобретает сохранение трудового потенциала Республики Коми.

Республика обладает своими особенностями характерными для северных регионов. Высокий уровень миграции за пределы региона, неблагоприятный климат, исторически сложившееся формирование населения за счет приезжих – все это представляет собой проблемы, требующие долговременных и взвешенных инструментов их решения.

Специфика Севера оказывает свое влияние на миграционное поведение и проявляется через такие характерные черты, как холодовая дискомфортность, периферийность, ресурсность и этничность [Лаженцев, 2008: 68].

В силу особенностей формирования населения республики как северной территории, молодежь всегда составляла значимую его часть. Согласно данным переписей, в 1926 г. доля лиц возрастом до 19 лет составляла почти половину населения (49,2%). На протяжении XX в. эта доля постепенно сокращалась и к 2010 г. составила 22%, что все равно несколько выше, чем в среднем по России [Фаузер, Лыткина, Фаузер, 2016: 84]. При этом в настоящее время молодежь является одной из категорий, наиболее активно покидающих регион. Доля мигрантов в возрасте от 15 до 29 лет составляет около трети от общего числа выбывших за пределы региона.¹ Это служит одной из причин обострения таких проблем, как изменение возрастной структуры в сторону увеличения доли пожилого населения. В 2019 г. доля молодых людей сократилась до 15,6% по сравнению с аналогичным показателем в 25,4% в 2007 г.² Подобные изменения приводят к потенциальному дефициту квалифицированных трудовых ресурсов и увеличению нагрузки на социальную сферу. Именно молодые люди выступают в качестве основы трудового потенциала региона, как будущие работники и специалисты.

На сегодняшний день миграционные процессы в значительной степени определяют социально-экономические структуры региона. Растет доля лиц моложе трудоспособного возраста, а также пожилых людей, вместе с сокращением трудоспособного населения. Также существует негативная тенденция по оттоку более и притоку менее квалифицированных и образованных кадров, что привело к образовательной эрозии [Фаузер, Смирнов, Юрков, Фаузер, Лыткина, 2018: 182].

Привлечение и удержание молодежи, как основы будущего развития региона невозможно без разработки конкретных инструментов, направленных на то, чтобы создать необходимые условия для комфортной жизни молодых людей. Создание таких инструментов требует понимания причин и мотивов, побуждающих молодежь покинуть республику, или же наоборот остаться в ее пределах.

Теоретические рамки исследования и методология

Трактовок миграционного поведения в современной науке существует достаточно много. Миграционное поведение определяют как вид социального поведения, включающий определенные действия и поступки, связанные с пространственным перемещением населения. Оно включает опирающуюся на миграционный опыт деятельность по подготовке перемещений и отказ от таковых, сам миграционный акт (реальное поведение), а также деятельность в процессе приживаемости.

На процесс трансформации потенциального явления в реальное оказывают влия-

¹ Миграция населения Республики Коми за 2018 г. Информационно-аналитический бюллетень № 06-57-60/2. Комистат. – Сыктывкар, 2019. – 87 с.

² Численность населения Республики Коми по полу и возрасту на 1 января 2019 г. Информационно-аналитический бюллетень № 06-57-60/5. Комистат. – Сыктывкар, 2019. – 85 с.

яние такие факторы, как миграционный опыт, ценностные ориентации и личностные характеристики.

Все многообразие факторов миграции населения можно разделить на две укрупненные группы: факторы условия и структурные факторы. Первые являются детерминантами миграционного процесса и включают факторы естественной и социальной среды, окружающей индивида, вторые представляют качественный состав совокупностей населения, формирующих миграционные потоки [Рыбаковский, 2017: 54].

Шапиро В.Д. определял миграционное поведение как последовательность определенных действий и поступков, связанных с межпоселенными и межрегиональными перемещениями различных социально-демографических групп населения [Рыбаковский, 2003].

Заславская Т.И. была одним из первых исследователей, выделивших особенности миграционного поведения. Согласно ее работам, в основе миграционного поведения лежат как объективные факторы, включающие в себя информацию об окружении индивида, так и субъективные, представляющие собой набор стереотипов и установок, имеющих значение для конкретного индивида. Следовательно, миграционное поведение – это результат взаимодействия личности и особенностей окружающей среды [Блинова, 2009: 38].

Согласно точке зрения Шамилевой Л. Л., миграционное поведение включает состояние потенциальной миграции и реализацию этого состояния – перемену места жительства. На процесс трансформации потенциального явления в реальное оказывают влияние такие факторы, как миграционный опыт, ценностные ориентации и личностные характеристики. Однако, по мнению Рыбаковского Л. Л., основным фактором является структура потребностей человека [Рыбаковский, 2003]. Данной точки зрения также придерживаются Переведенцев В. И., Хомра А. У., Моисеенко В. И.

Исследования молодежи северных регионов представлены как отечественными, так и зарубежными авторами. Среди первых можно отметить многочисленные исследования молодежи Якутии, направленные на оценку миграционных намерений и жизненных стратегий молодых людей [Осипова, 2014; Осипова, Маклашова, 2016; Васильева, Маклашова, 2018]. Интересна работа, направленная на изучение миграционных установок студентов «арктических» специализаций и воздействующих на эти установки факторов [Зайков, Каторин, Тамицкий, 2018]. Масштабное исследование представлено в монографии Вахтина и Дудека, посвященной оценке и анализу социального поведения, миграционных установок и особенностей инфраструктуры арктических регионов [Вахтин, Дудек, 2020]. Среди зарубежных исследований хотелось бы упомянуть работу Хамильтона и Расмуссена, посвященную оценке поколенческих особенностей социально-экономических изменений Гренландии [Hamilton, Rasmussen, 2010].

Основной целью исследования являлось определение миграционных установок и факторов, обуславливающих миграционное поведение молодежи г. Сыктывкара. Предмет исследования – миграционные установки молодежи. В качестве объекта исследования выступили студенты Сыктывкарского государственного университета очной формы обучения на выпускном курсе.

Основным методом исследования выбрано полуструктурированное интервью в рамках качественной методологии социологического исследования.

Исходя из цели исследования, были сформулированы *три базовые группы вопросов*:
а) об информанте. Данные вопросы направлены на выявление общей информа-

ции об опрашиваемом, его социальных связях, планах на будущее, а также представлениях об окружающем мире;

б) о месте жительства. Вопросы данной группы призваны выявить отношение опрашиваемого к конкретному месту проживания;

в) о миграционных планах. В данную группу входят вопросы, направленные на то, чтобы выявить отношение информанта и его окружения к смене места жительства.

Всего было проведено 38 интервью со студентами выпускных курсов Сыктывкарского государственного университета. Выбор СыктГУ в качестве ВУЗа продиктован его ролью в системе образования Республики Коми. На 2016 г. он являлся лидером по числу обучающихся студентов и выпускников в регионе.

При отборе информантов принимался во внимание ряд критериев, имеющих значение для исследования. Во-первых, это уровень образования. Жизненный опыт и профессиональные перспективы бакалавров и магистров имеют отличия, что сказывается на миграционном поведении.

Во-вторых, направление обучения. Миграционные предпочтения во многом связаны с ситуацией на рынке труда региона, поэтому необходимо наличие респондентов с различных направлений подготовки.

В-третьих, разделение по полу. Женщины и мужчины обладают различным набором событий, оказывающим влияние на миграционное поведение (например, служба в армии у мужчин или рождение ребенка у женщин).

В-четвертых, родной город. Миграционный опыт оказывает влияние на миграционные установки, что в конечном итоге формирует отношение к переездам в целом.

Структура и основные сведения об информантах представлены на рисунке 1.

Эмпирические результаты: миграционные стратегии как инструмент реализации миграционного поведения

Результаты исследования были представлены в виде обобщенных стратегий миграционного поведения. Под стратегией чаще всего подразумевается детализированный сценарий достижения конечного результата. Миграционная стратегия индивида, как правило, является частью его жизненной стратегии и представляет собой реализацию имеющихся миграционных установок на основе оценки существующих возможностей.

При классификации стратегий учитывались два ключевых момента: направленность миграционных планов и активность в проявлении миграционного поведения. Исходя из этого, было выделено 4 группы миграционных стратегий.

1. «Переезд» – данная стратегия характерна для респондентов, принявших осознанное решение о переезде и осуществляющих активные действия, направленные на реализацию этого решения. Существует конкретное место, являющееся целью, определены сроки и причины переезда из текущего места жительства. Предпринимаются действия, обуславливающие необходимость переезда (покупка жилья, брак с иногородним, поиск работы в другом городе, выбор конкретной специальности в другом городе, поиск информации и т.д.).

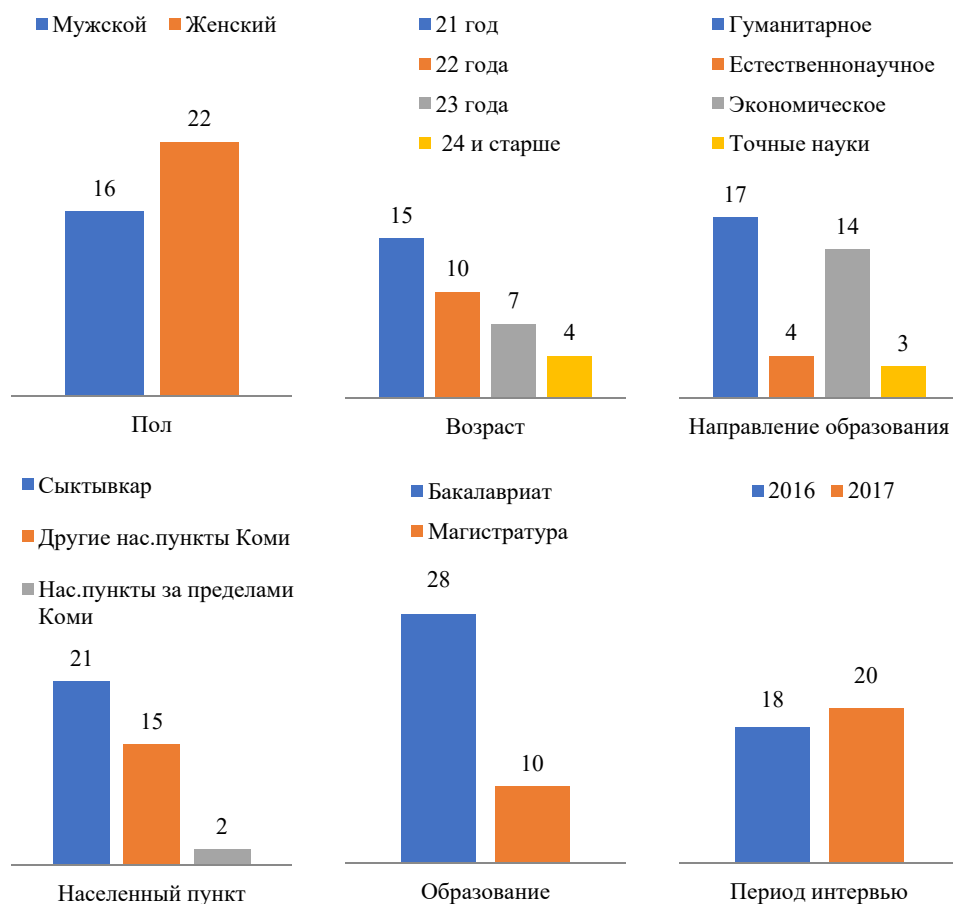


Рис.1. Структура информантов по основным критериям (чел.)
Fig. 1. Structure of informants according to the main criteria (pers.)

Как пример – миграционная стратегия В. Он целенаправленно планировал переезд в конкретное место (Канада). Были определены способ (программа обучения), сроки переезда (1-2 года), причины (неуверенность в завтрашнем дне в РФ). При этом были рассмотрены и альтернативные варианты:

«(В Канаде) спектр больше и у них программы не как у нас. У нас ты идешь на автомеханика, ты учишься 4 года или сколько там в ПТУ учатся, проходишь где-нибудь практику и все. А там, получается, ты учишься, в этот момент тебя точно так же учат готовить, ты посещаешь курсы готовки. Вы это все сами готовите, пробуете. Там есть обязательная практика».

«Я думаю, работать пойти, а после этого, если получится, попробовать уехать за границу либо учиться, либо работать. Я просто пытаюсь составить некий план и запасной план. Пока я рассматриваю такой вариант, чтобы окончить университет, пойти работать, улучшить свой английский до уровня, чтобы сдать нормально TOEFL или IELTS и либо поехать учиться получать второе высшее, либо просто работать. Даже не обязательно высшее».

– просто техническое образование. Либо уехать по программе стажировки. Поехать стажироваться на год – там есть (такие варианты), работодатели устраивают».

Отличительной чертой информантов, придерживающихся данной стратегии, является наличие четкой цели переезда и проработанного плана. При этом оцениваются различные факторы, имеющие значение для реализации миграционного поведения.

2. «Ожидание переезда» – стратегия людей, принявших осознанное мотивированное решение о переезде, однако еще не приступивших к его реализации. Неопределенность в цели, месте и условиях переезда обуславливает фокус не на процессе смены места жительства, а на поиске более подходящего варианта.

Примером может служить миграционная стратегия И, которого преимущественно можно охарактеризовать как идеалиста и романтика. Выбор будущей профессии, во многом определяющий течение жизни молодого человека, был продиктован не вполне рациональными соображениями:

«Класса с 9-го я понял, что мне необходимо филологическое образование. Просто для развития себя, развития личности. Родители, конечно, отнеслись сначала не очень, потому что думали, что надо пойти именно в профессию, надо взять специальность, которая будет приносить доход. Но я смог их убедить, что перед тем, как получать доход, мне надо воспитать самого себя».

Выбор места и направления обучения выступает скорее как компромисс с ограниченными финансовыми возможностями. Не стремясь реализовать себя ни как специалист в области филологии, ни как педагог, он лишь оттягивал момент переезда, пытаясь накопить достаточное количество ресурсов для реализации своих стремлений.

Неприятие региона проживания происходит вследствие невозможности в данных условиях достичь желаемого. Несмотря на несколько сумбурное изложение собственных стремлений, И, вполне четко осознает для себя невозможность их достижения в границах родного города, что подталкивает его к переезду:

«Я...хочу поступить в магистратуру, буду поступать сюда в магистратуру по филфаку, но при этом искать еще дополнительно магистратуру. Потому что я знаю, что есть возможность забрать документы и подать на другую магистратуру после первого года обучения. То есть я все равно на год еще остаюсь здесь, опять же – финансовая сторона. Потому что, то образование, которое меня интересует, именно его в городе нет. Звукорежиссура. Конкретные вузы не выбрал, но я знаю где, в каких городах это точно есть – это Москва, Петербург».

Сыктывкар для него – это плацдарм для накопления необходимых ресурсов. Опыт работы, финансовая подушка – то, что он стремится получить здесь. Выбирая вузы региона, он осознанно не собирается связывать свою профессиональную жизнь с республикой:

«В другой город мне хочется, но если есть возможность какой-то собственной реализации в Сыктывкаре, то грех не воспользоваться. Как бы то, что город маленький, уже приелся – это можно и потерпеть. При этом зарабатывать, чтобы выбиться потом. Оставить средства на какое-то дальнейшее развитие. Но при первой же возможности я бы уехал».

Для него существует много вариантов развития, однако нет целей, нет даже представления о том, чем будет заниматься. В качестве основной причины стоит выделить стремление получать новые впечатления, а также «культурное и интеллектуальное развитие». При этом нет сильного негатива по отношению к городу – просто «не его».

3. «Ожидание условий» – стратегия подразумевает отказ от переезда, и принятие текущего места жительства, причем не подкрепленное какими-либо активными действиями, направленными на реализацию данного решения. Отсутствуют долгосрочные планы и обязательства, связывающие с текущим местом жительства (получение образования, профессиональные интересы, родственные связи).

В. на момент интервью не желал покидать Сыктывкар, о чем говорит прямо и о чем свидетельствуют его негативная оценка крупных («шумно и много людей») и маленьких («хотелось бы иметь возможность куда-то выбираться») городов. Он не рассматривает другую страну для переезда по идейным соображениям. Даже возможность увеличения заработной платы его не слишком мотивирует:

«Вот сейчас я, например, готов просто потому, что я осознаю сейчас свой опыт работы, положение на рынке, на сумму 20, возможно даже 15 тыс. ... У меня сейчас просто нет таких бытовых проблем, связанных с семьей, связанных с жильем, поэтому пока для меня какая-то большая цифра большого значения не имеет».

В. не озвучивал далеко идущих планов, конкретных целей на проживание в Сыктывкаре. Можно сказать, что его усилия были направлены на поиск подходящих условий (работы, партнера, образования и т.д.) в границах текущего места проживания.

4. «Обустройство» – стратегия, направленная на закрепление в текущем месте жительства. Подразумевает полное неприятие идеи переезда. Осуществляются активные действия, создающие долгосрочные обязательства, привязывающие к месту проживания (брак, получение образования, покупка недвижимости и т. д.)

К. воспринимает Сыктывкар как свой дом. Он четко определился с тем, чтобы связать себя с городом проживания. Не планирует переезд и не заинтересован в нем. В целом не видит ограничений для собственного развития в рамках небольшого города:

«Для людей, кто «шустрые», которые хотят работать и не сидят на месте, для них что Москва, что Сыктывкар – одно и то же. Что там возможностей много, что тут».

«В Европе еще хуже, на самом деле. У меня живут там родственники. Если кто думает, что в Европе лучше, в Германии, там где-то, то (есть вариант), что там хуже. Лучше немножко съездить меньше, но поспокойнее. В своей стране, без терактов, без ЧП жить спокойно и в своем русле».

Все долгосрочные планы К. связаны с местом проживания. Будучи привязан к своей семье, своему социальному окружению, он не видит никакого смысла в смене места жительства.

Заключение и основные выводы

На выбор той или иной стратегии миграционного поведения влияет целый ряд факторов значимых для конкретного индивида, имеющих отношение как к внешнему окружению, так и к внутренним ценностям и убеждениям. Исходя из критериев отбора информантов, можно констатировать, что наибольшее влияние на направленность миграционных установок молодых людей имеет уровень образования. Миграционные намерения оканчивающих магистратуру студентов более оформленные и осознанные, в сравнении с будущими бакалаврами.

Большая часть выбранных информантами стратегий носила пассивный характер – 40% студентов настроены на переезд, а 16% приняли решение отказаться от него, но и те, и другие не предпринимают активных действий (Рис. 2).

Некоторый перевес пассивных стратегий связан с тем, что многие студенты-выпускники не имели возможности предпринимать активные действия или же не видели в этом необходимости, поскольку смена места жительства в период получения образования сопряжена со значительными трудностями.

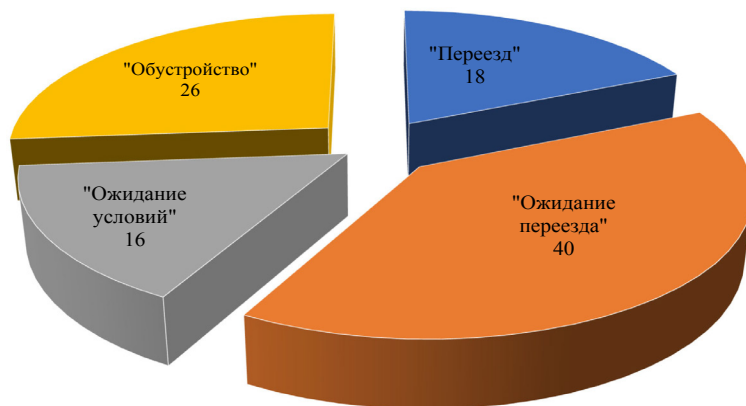


Рис.2. Распределение информантов по типу миграционной стратегии (%)
Fig.2. Distribution of informants by type of migration strategy (%)

Сами факторы отличаются в зависимости от выбранной стратегии. Для нацеленных на переезд молодых людей более важны наличие развлечений и карьерных возможностей, а отказавшихся от смены места жительства – стабильность и возможность поддерживать прежний круг общения. Это в значительной степени актуально и для жителей республики в целом, что подтверждается количественными исследованиями [Журавлев, 2020: 86, 87].

Стратегии актуальны лишь на определенный момент времени и при изменении обстоятельств, индивид может переключаться с одной стратегии к другой. Переключение происходит постепенно. Активные стратегии сменяются пассивными, пассивные же могут переходить и к активным, и к другим пассивным стратегиям (Рис. 3).

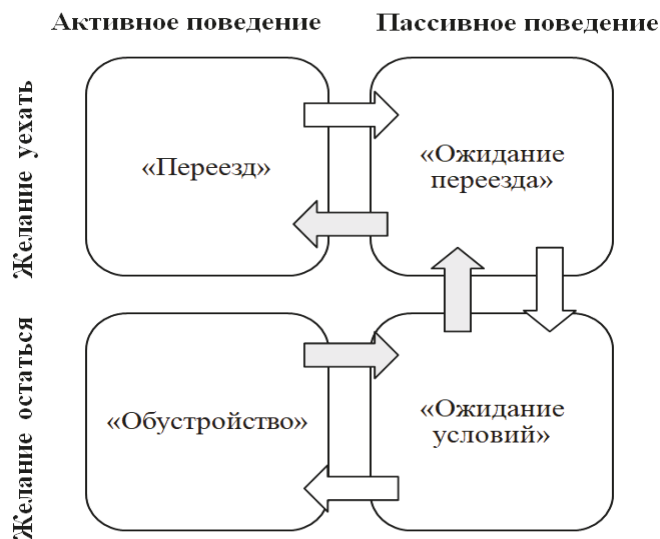


Рис.3 Варианты последовательности перехода между миграционными стратегиями
Fig. 3 Options for the transition sequence between migration strategies

Выбор стратегии определяется в большей степени не тем, каковы условия предполагаемого места жительства, поскольку получение информации о нем ограничено, а существующим окружением и его способностью удовлетворить потребности.

Если в качестве одной из целей долгосрочного развития северных территорий мы выбираем сокращение миграционного оттока, то роль местных органов власти будет состоять в том, чтобы создать условия, вызывающие привязанность к своему региону. Однако проблематично, в силу ограниченности ресурсов, воздействовать на всех потенциальных мигрантов. Переубеждать находящиеся в процессе переезда сложно, а тех, кто отказался от него – бессмысленно. Наиболее результативным будет решение направить усилия именно на сомневающиеся категории, еще не приступившие к активным действиям. В свою очередь, для эффективности воздействия необходимо определить какие именно факторы являются для этой категории молодых людей наиболее значимыми.

Молодые специалисты являются основой трудового потенциала региона. И если выпускники школ ориентированы, прежде всего, на получение образования, то выпускники вуза – практически готовые специалисты высокой квалификации. Студенты выпускники после завершения обучения оказываются перед выбором места, в котором они могут реализовать свои профессиональные амбиции. Молодежь более мобильна, значительная ее часть еще не отягощена обязательствами, привязывающими к определенному месту. А пограничное состояние и неопределенность будущего провоцирует на изменения в устоявшемся укладе жизни. Понимание их потребностей и стремлений позволит более точно проводить миграционную политику, что в долгосрочной перспективе окажет положительное влияние на перспективы развития региона.

Список литературы

Блинова М. С. Современные социологические теории миграции населения: монография / Под ред. В. И. Добренкова. – М.: КДУ, 2009. – 160 с.

Васильева О. В., Маклашова Е. Г. Молодежь Арктики: Идентичности и жизненные стратегии / Отв. ред. к.и.н. В. Б. Игнатъева. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2018. – 177 с. DOI: 10.25693/5148.2018.31.62.002.

«Дети девяностых» в современной Российской Арктике: коллективная монография / Отв. ред. Н. Вахтин, Ш. Дудек. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 432 с.

Журавлев Н. Ю. Миграционные установки населения северных городов: особенности и факторы // Арктические исследования: от экстенсивного освоения к комплексному развитию. Материалы II международной научно-практической конференции. Архангельск, 2020. С. 84–87.

Зайков К. С., Каторин И. В., Тамицкий А. М. Миграционные установки студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования арктической направленности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. №3. С. 230–247. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.15.

Лажнецов В. Н. Актуальные проблемы Севера России (теория и рекомендации) // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. 2008. № 2. С. 67–78.

Осипова О. В. Изменение жизненных стратегий и экономического поведения молодежи Арктики (по материалам Усть-Янского района) // Арктика и Север. 2014. №14. С. 117–125.

Осипова О. В., Маклашова Е. Г. Миграционные намерения молодежи Арктики в контексте субъективных оценок социального самочувствия // Арктика и Север. 2016. №24. С. 14–26. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.14.

Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: Вопросы теории. – М.: ИСПИ РАН, 2003. – 239 с. ISBN: 5901144090.

Рыбаковский Л. Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. №2 (76). С. 51–61.

Фаузер В. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Демографические и миграционные процессы на Российском Севере: 1980–2000 гг.: монография / Отв. ред. д-р экон. наук, профессор В. В. Фаузер. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 168 с.

Фаузер В. В., Смирнов А. В., Юрков Д. В., Фаузер Г. Н., Лыткина Т. С. Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России / Отв. ред. В. В. Фаузер. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2018. – 215 с.

Hamilton L. C., Rasmussen R. O. Population, Sex Ratios and Development in Greenland. Arctic. 2010. Vol. 63. No. 1. Pp. 43-52. DOI: 10.14430/arctic645.

Сведения об авторе:

Журавлев Назар Юрьевич, старший инженер Лаборатории демографии и социального управления Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (ИСЭИПС Коми НЦ УрО РАН), Сыктывкар, Россия.

Контактная информация: e-mail: zhuravlev.nazar@yandex.ru; PИНЦ Author ID: 761139; ORCID ID: 0000-0002-0390-1424; Web of Science Researcher ID: AAD-6514-2021.

Благодарности и финансирование:

Статья подготовлена в рамках НИР «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (№ ГР АААА-А19-119012190103-0, 2019-2021 гг.)

Статья поступила в редакцию 24.12.2020; принята в печать 28.02.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MIGRATION BEHAVIOR OF STUDENTS IN A NORTHERN RUSSIAN CITY

Nazar Y. Zhuravlev

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North of Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, Russia.

E-mail: zhuravlev.nazar@yandex.ru

For citation: Nazar Y. Zhuravlev. Migration behavior of students in a northern Russian city. *DEMIS. Demographic research*. 2021. Vol. 1. No 2. P. 182–193. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.14

Abstract. The problem of insufficient population of the Arctic territories is one of the urgent problems of the state. A possible source of population and potential labor is the northern regions located in the immediate vicinity of the Arctic zone. Demographic and social problems of the North are reflected in the social behavior of young people. The inability to meet their own needs leads young people to decide on migration and, accordingly, to reduce the labor potential of the region. In this paper, issues related to the definition of migration attitudes, causes and factors of youth migration were raised. The purpose of the study: to determine the migration attitudes of young people and the migration behavior that implements these attitudes. The object of the study was the final year students of various fields and levels of education. A semi-structured interview was chosen as the research method. Based on the interviews conducted, the main groups of strategies that reflect the migration behavior of young people, as well as their key features, were identified. The main criteria for the formulation of strategies were the orientation of migration plans and the activity in the manifestation of migration behavior. On their basis, 4 groups of migration strategies were identified: active (“Moving”, “Settling”) and passive (“Waiting for moving”, “Waiting for conditions»). The tendency of informants to active or passive strategies of migration behavior is determined by a number of factors that are significant for a particular individual, having both internal and external nature. Of the external factors, the current place of residence is more affected, and of the internal factors, the level of education. The factors are differentiated depending on the group of strategies. Those seeking to move are more likely to pay attention to the development of the entertainment infrastructure and career prospects, who have chosen their current place of residence – predictability and stability of future conditions, the ability to communicate with loved ones. Based on the results of the research, it is proposed to focus on the factors that are important for passive strategies, since this will allow for a more effective impact on the migration behavior of young people.

Keywords: migration behavior, north, youth, migration strategies, migration attitudes.

References

Blinova M. S. *Sovremennyye sotsiologicheskiye teorii migratsii naseleniya: monografiya* [Modern sociological theories of population migration: a monograph]. Ed. by Dobren'kova V. I. Moscow: KDU, 2009. 160 p. (In Russ.)

“Deti devyanostykh” v sovremennoy Rossiyskoy Arktike [“Children of the Nineties” in the modern Russian Arctic]: collective monograph. Ex. ed. N. Vahtin, S. Dudek. St. Petersburg: European University Publishing House. 2020. 432 p. (In Russ.)

Fauzer V. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. *Demograficheskiye i migratsionnyye protsessy na Rossiyskom Severe: 1980–2000 gg.* [Demographic and migration processes in the Russian North: 1980–2000]: monograph. Ex. ed. Doctor of Economics, Professor V. V. Fauzer. Syktyvkar: SGU Publishing House. 2016. 168 p. (In Russ.)

Fauzer V. V., Smirnov A. V., Yurkov D. V., Fauzer G. N., Lytkina T. S. *Demograficheskiy i trudovoy faktory ustoychivogo razvitiya severnykh regionov Rossii.* [Demographic and labor factors of sustainable development of the Northern regions of Russia]. Ex. ed. V. V. Fauzer. Moscow: Ekon-Inform Publishing House. 2018. 215 p. (In Russ.)

Hamilton L. C., Rasmussen R. O. Population, Sex Ratios and Development in Greenland. *Arctic*. 2010. Vol. 63, No. 1. Pp. 43–52. DOI: 10.14430/arctic645.

Lazhentsev V. N. Aktual'nyye problemy Severa Rossii (teoriya i rekomendatsii) [Actual problems of the North of Russia (theory and recommendations)]. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitiye ekonomiki Severa: Vestnik NIC KPUVI SyktGU*. 2008. No 2. Pp. 67–78. (In Russ.)

Osipova O. V. Change of life strategies and economic behavior of youth in the Arctic (based on Ust-Jansky district). *Arctic and North*. 2014. No. 14. Pp.117–125. (In Russ.)

Osipova O. V., Maklashova E. G. Migration intentions of the Arctic youth in the context of subjective

evaluations of the social wellbeing. *Arctic and North*. 2016. No. 24. Pp.14–26. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.14. (In Russ.)

Rybakovskiy L. L. Factors and causes of migration, mechanism of their relationship. *Population*. 2017. No. 2 (76). Pp.51–61. (In Russ.)

Rybakovskiy L. L. *Migratsiya naseleniya (voprosy teorii)* [Population migration (theoretical issues)]. Moscow: ISPR RAS, 2003. 239 p. ISBN: 5901144090. (In Russ.)

Vasil'eva O. V., Maklashova E. G. *Molodezh Arktiki: Identichnosti i zhiznennyye strategii* [The youth of the Arctic: Identity and life strategies]. Ex. ed. Ignatieva V. B. Yakutsk: IGIIPMNS SO RAN, 2018. 177 p. DOI: 10.25693/5148.2018.31.62.002. (In Russ.)

Zaikov K. S., Katorin I. V., Tamitskiy A. M. Migration attitudes of the students enrolled in Arctic-focused higher education programs. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2018. Vol. 11, No. 3. Pp. 230–247. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.15. (In Russ.)

Zhuravlev N. Y. Migration attitudes of the population of Northern cities: features and factors. In: *Arkticheskiye issledovaniya: ot ekstensivnogo osvoyeniya k kompleksnomu razvitiyu* [Arctic research: from extensive development to integrated development]: materials of the II international scientific and practical conference. Arkhangelsk, 2020. Pp. 84–87. (In Russ.)

Bio note:

Nazar Y. Zhuravlev, chief engineer, Demography and social management laboratory, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North of Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (IESPN of the Komi SC UB RAS), Syktyvkar, Russia.

Contact information: e-mail: zhuravlev.nazar@yandex.ru; RSCI Author ID: 761139; ORCID ID: 0000-0002-0390-1424; Web of Science Researcher ID: AAD-6514-2021.

Acknowledgments and financing:

The article was prepared within the framework of the research work “The population of the northern territories of Russia: the history of formation and development prospects” (No. GR AAAA-A19-119012190103-0, 2019-2021).

Received on 24.12.2020; accepted for publication on 28.02.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

PERCEPTION OF EMOTIONS AND CULTURAL DISTANCE AMONG INTERNATIONAL STUDENTS IN RUSSIA

Sonia A. Berrios Callejas

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: soniaberrios@mail.ru

DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.15

For citation: Berrios Callejas S. A. Perception of emotions and cultural distance among international students in Russia. DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No. 2. P. 194–201. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.15

Abstract. *The accurate perception of culture-specific emotions of the people living in the host country, may be the most significant, and yet the most underestimated challenge for the international students in the process of adjusting to a new culture. The latest report of the Institute of International Education (IIE) about Russia, confirmed that, in the year 2020, around 353,000 international students are currently studying in the Russian Federation. The studies of van de Vijver in 2007 and 2009 have confirmed that the foreign students from former Soviet republics or former USSR countries (students from post-soviet states, not including Russia: Armenia, Azerbaijan, Belarus, Estonia, Georgia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Latvia, Lithuania, Moldova, Tajikistan, Turkmenistan, Ukraine and Uzbekistan) have lower degrees of perceived cultural distance with Russian culture, this can be explained by the fact that the students from former Soviet republics can speak Russian language fluently, and share religion and traditions with Russian culture. Consequently, the group of students from former USSR countries adapt better to Russia in comparison to the rest of international students. The results of our study in 2020, revealed that the perception of Russian culture-specific emotions among international students studying in the Russian Federation, is significantly predicted by the similarity between the culture of the international students living in Russia and the culture of Russian society. Moreover, our study confirmed that the group of students from former Soviet republics, or former USSR countries, perceived more similarities with Russian national culture; therefore, this result is consistent with the findings of the aforementioned studies of van de Vijver in 2007 and 2009. Thus, we can consider that the accurate recognition of Russian culture-specific emotions and the perceived similarities to Russian cultural standards, may be very significant for the international students studying in the Russian Federation, especially for their process of adjusting to Russian culture. Nevertheless, further research on this topic is needed.*

Keywords: *cultural distance, international students in Russia, perceived cultural distance, perception of emotions, Russia, Russian culture.*

Perception of emotions and cultural distance.

Emotional perception includes the accurate recognition of our own emotions and the emotions of other people, including individuals from other cultures. However, the differences or similarities between cultures can affect the accuracy of emotion recognition, even those emotions that are considered «basic» or «universal».

David Matsumoto defines «emotions» like the bio-psycho-social reactions that individuals need to adapt and to cope with difference events for survival and wellbeing. Therefore, Matsumoto considered emotions as:

(a) Biological, because they contain physiological responses from nervous system and muscles;

(b) Psychological, because mental processes are involved in the regulation of responses;

(c) Social, because social interaction is always present. Basic emotions are described as the emotions that have universal features, i.e., they share similarities in physiological and psychological characteristic in every culture [Matsumoto, Willingham, 2009].

Matsumoto described the process of behavioral responses for basic emotions. The response starts when events trigger people's basic emotions in the following way:

(a) The first phase is Perception, where the mental process produces the situation into a mental representation, i.e., schema. This schema has two mechanisms, physiological and psychological, the first one to defines the type of the event, and the second one to understand

its meaning.

(b) The second phase is Appraisal, here schemas are evaluated and compared to determine its relevance and matches the emotion with the response. This process happens in the emotion schema database, people from any culture have it since the moment they born, i.e., everybody will naturally react in the same way with the same emotions to similar events. If the perceived schema does not match with the emotion, no emotion is expressed and the scan continues.

How we mentioned before, once the match happens, the responses start. These responses are:

(a) Expressive behavior,

(b) Physiology,

(c) Cognition,

(d) Subjective experiences. The emotion is this group of responses all together. The goal of the process is to create the behavior that the individual will have in front of an event [Matsumoto, 2009].

The concept of basic emotions is based on the work of Charles Darwin [Andries, 2011], where the universality hypothesis was developed. This hypothesis declares that all humans in all cultures, communicate six emotional states i. e. happiness, surprise, fear, disgust, anger, and sadness, using the same facial expressions as a feature of their biological and evolutionary origins [Jack et al., 2012].

Paul Ekman studied the universality hypothesis in a tribe in New Guinea and confirmed that all members could recognize all gestures of happiness, surprise, fear, disgust, anger, and sadness. Thus, the statement that exist universal or basic emotions in all cultures, was accepted [Ekman, Friesen, 1971; Ekman, Friesen, 1969]. Later, Ekman added the emotion contempt in the list of universal emotions [Ekman, Friesen, 1986]. Consequently, the basic or universal emotions are seven:

(a) Happiness,

(b) Surprise,

(c) Disgust,

(d) Fear,

(e) Anger,

(f) Sadness,

(g) Contempt.

However, Maria Gendron et al., in their study, «Perceptions of emotion from facial expressions are not culturally universal: evidence from a remote culture» examined the perception of facial expressions hypothesized as cultural universal (i.e., happiness, anger, disgust, fear, and sadness); plus, a neutral expression, among Americans and Himbas, an ethnic group from Namibia. The findings revealed that Himbas did not have the same standards of emotions than Americans, e.g. for Himbas some emotions required mental description. Consequently, to perceive some emotions, certain mental state is assumed [Gendron et al., 2014].

Xia Fang et al., in their research, aimed to the study of the specificity of emotion perception across cultures, were compared the perception of two types of non-intended emotions in Chinese and Dutch participants, the facial expressions of emotions which were morphologically similar to the intended emotion (i.e., anger and disgust); and emotions which were morphologically dissimilar to the intended emotion (i.e., fear). The results showed that, Chinese respondents recognized non-intended emotions better than Dutch.

The difference between Chinese and Dutch were more noticeable for morphologically similar emotions than for dissimilar emotions. And, Dutch respondents recognized better non-intended emotions that were consistent with the expressions [Fang, 2018].

Hence, due to the existing diversity in socio-cultural standards and ways of communication, people in different cultures may express several emotions in different ways; therefore, they may perceive several emotions in different ways as well, leading to a possible inaccurate recognition when people perceive specific emotions from another culture.

The aforementioned situation can be explained by the concept of «Cultural distance». This concept is defined as the comparison between norms and practices among two cultural groups, it involves the differences in religious beliefs, race, ethnicity, language, social norms and social values [Ghemawat, 2001; Liu et al., 2018]. Consequently, cultural distance is a measure of the degree of differences that exists between two cultures [Gavrila, Brandt, 2013; Melkonian et al., 2019]. By the model of Hofstede, culture has the following characteristics:

(a) Power distance: connected to the different solutions to the basic problem of human inequality;

(b) Uncertainty avoidance: associated to the level of stress in a society in the face of an unknown future;

(c) Long term versus short term orientation: related to the choice of focus for people's efforts: in the future, the present or the past;

(d) Individualism versus collectivism: related to the integration of individuals into primary groups;

(e) Masculinity versus femininity: linked to the separation of emotional roles between genders;

(f) Indulgence versus restraint: focused on the gratification versus control of basic human desires, related to enjoying life [Hofstede, 2011].

Thus, in cultures that are low uncertainty avoidance, masculine and high-power distance, people may display smaller amount of emotional expressions. Furthermore, people from high uncertainty avoidance cultures, may regulate better the negatives emotions [Fernández et al., 2000].

The differences in social norms in individualistic and collectivistic cultures, influence the way to communicate and display emotions. In individualistic cultures, people may be really extrovert; however, they may not show negative emotions (e.g., sadness), to people outside their group. Consequently, people from individualistic culture prefer to express negative emotions inside their group. Nevertheless, individualists prefer to express more positive emotions (e.g., happiness). Moreover, collectivists do not endorse expressions of any emotion [Matsumoto et al., 2008].

Consequently, emotions may be expressed differently depending on the national culture. In their society, people may learn to neutralize their expressions, to suit their feelings by expressing emotions in combination, e. g. sadness mixed with a smile, and to simulate emotions [Matsumoto, 1990; Matsumoto, Hwang, 2013], depending on what is more socially accepted.

Perception of emotions and cultural distance among international students living in Russia

Emotional expressions may depend on cultural influences; therefore, the perception of emotions is more accurate or inaccurate, depending on the cultural similarities or

differences between people. A significant cultural distance may be a relevant factor for cross-cultural misperception of emotional expressions, and this can represent an important issue for the international students studying and living in the Russian Federation.

By the model of Hofstede, Russian culture has the following characteristics:

(a) High power distance: making evident the relevant differences between the levels of power and social status;

(b) High uncertain avoidance: Russians feel helpless facing unclear situations, besides this country has one of the most complex bureaucratic system;

(c) High long term orientation: Russia is a pragmatic society, i.e. people believe that the truth depends on circumstances, context and time, also Russians are perseverant in achieving results;

(d) A collectivist society: for Russians close relationships with family and friends are important;

(e) A feminine society: Russians may be really modest about themselves; dominant attitudes are just acceptable in people with higher positions;

(f) Low indulgence, i.e. Russia is a restrain society: this means that Russians may be cynical and pessimists, and do not give importance on personal desires¹.

In the case of Russia, a collectivist society [Hofstede, 2011], the inhibition of the expression of happiness is common in social interactions with strangers; therefore, Russians may feel more comfortable expressing their happiness to people that are closer to them, like their close friends and family members [Sheldon, 2017].

Therefore, international students in Russia that came from distant cultures may have problems perceiving this inhibited happiness in Russians, and, on the contrary, international students from cultures that are more similar to Russian culture, may not have any problems perceiving it.

The findings of cross-cultural studies conducted in 2007 and 2009 have confirmed that, from all the groups of international students in Russia, the students from former USSR countries or former Soviet republics, subjectively perceived more cultural similarities with Russian national culture. For the reason that, these students can speak Russian language fluently, also, they share religion and many traditions with Russian culture. This means that the national cultures of the students from former USSR countries are perceived as very similar to Russian culture, in comparison to the rest of international students studying in the Russian Federation [Galchenko, van de Vijver, 2007; Suanet, van de Vijver, 2009]. In addition, the group of students from former USSR countries also reported higher levels of adaptation to Russian culture. Thus, having smaller degrees of cultural distance, i.e., having more similarities between cultures, may be an advantage in order to adjust to another culture [Winkelman, 1994].

Our study conducted in 2020 among international students ($N = 114$) studying in the Russian Federation (i.e., students from Algeria, Armenia, Australia, Azerbaijan, Bangladesh, Belarus, Bolivia, Brazil, Bulgaria, Canada, Colombia, Ecuador, Egypt, El Salvador, England, France, Georgia, Germany, Ghana, Guatemala, India, Iran, Israel, Italy, Japan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Latvia, Lebanon, Malaysia, Mexico, Namibia, Nepal, Nigeria, Pakistan, Poland, Serbia, Spain, Sri Lanka, Sudan, Switzerland, Syria, Tajikistan, Thailand, Uganda, Ukraine, United States, Uzbekistan and Vietnam), was aimed to discover if the cultural similarity between the culture of the international student living in Russia and Russian culture, is

¹ Russia // Hofstede-insights [site]. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country/russia/> (accessed on 29.01.2021).

a statistically significant predictor of the accurate perception of emotional expressions specific to Russian culture.

A measure designed to assess the perception of the overall culture-specific emotions in individuals from a foreign country, previously did not exist in the literature; thus, we developed a novel self-report called «The Perception of Culture-specific Emotions Scale». This scale can be considered the first self-report designed to measure the perception of culture-specific emotions in others. It contains the following 14 items, with response choices ranging from 1 = strongly disagree to 5 = strongly agree:

1. There are moments when I cannot recognize what emotion the people from Russia are expressing.

2. I cannot understand the way that the people from Russia express their emotions, because these expressions are not familiar with my cultural standards.

3. I find hard to recognize the facial gestures of the people from Russia and what emotion they are trying to express.

4. Sometimes I cannot perceive if a person from Russia is feeling happy or not.

5. For me, the emotions of the people from Russia are easy to recognize.

6. Normally, I can identify the emotional states of the people from Russia.

7. I am always aware of the facial emotional expressions of the people from Russia.

8. In some situations, the tone of voice of the people from Russia confuses me.

9. I consider totally understandable the way that people from Russia express their emotions.

10. In my perception, I cannot understand what the people from Russia are feeling, because they cannot communicate their emotions properly.

11. I am always certain of the non-verbal communication of the people from Russia.

12. I am never involved in situations of cultural misunderstanding related to misperception of emotions of the people from Russia.

13. There are occasions where I cannot relate some emotional expressions of the people from Russia with any emotion that I know.

14. I do have the ability to differentiate whether a person from Russia is pretending an emotion or not [Berrios Callejas, 2020].

A linear regression analysis was performed with the aim of verifying the significant predictors for the perception of culture-specific emotions. The results of the regression analysis (See Fig. 1) revealed that the perception of Russian culture-specific emotions is significantly predicted by the similarity between the culture of the international student living in the Russian Federation and Russian culture. Moreover, our study revealed that the perceived cultural similarities between the students from former USSR countries and the Russian culture, are a significant advantage at the moment of perceiving emotions specific to Russian culture; therefore, the students from former USSR countries perceive more accurately the Russian emotional expressions, in comparison to the rest of international students studying in the Russian Federation. The results also revealed the relevance of living in Russia for a longer period of time, in order to better perceive emotional expressions in Russians [Berrios Callejas, 2020].

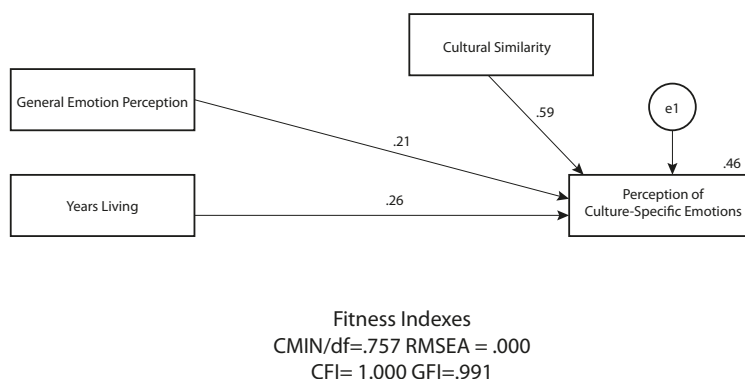


Fig. 1. Multiple Linear Regression for Significant Variables Predicting the Perception of Culture-specific Emotions.

Note. Model-fit between significant predictor variables «Cultural Similarity», «General Emotion Perception» and «Years Living (in Russia)»; and the dependent variable «Perception of Culture-Specific Emotions».

We consider that the international students may be able to properly recognize the differences between cultures, as they start to be able to adapt [Winkelman, 1994] and accurately identify emotional expressions that are different from their cultural standards. Thus, we conclude with the argument that having an accurate perception of emotions and lower levels of cultural distance may be important factors for the adaptation of international students studying in the Russian Federation. And, hence, these factors should be taken into account in order to create trainings aimed at helping foreign students in their process of cultural adaptation to Russian universities and to Russian society. Especially taking into consideration that today there are approximately 353,300 international students studying in Russia²; and in the year 2020, the work rights have been simplify for the international students living the Russian Federation³. Nevertheless, facing the COVID-19 pandemic may be a significant negative consequence for the process of adjustment of the international students enrolled at Russian universities. It is a known fact that the learning process has changed, the lessons are online, and hence the new students may have limited interaction with people of the host country, making it harder to understand their national culture. Consequently, we concede that more research is needed.

References

- Andries A. M. Positive and Negative Emotions Within the Organizational Context. *Global Journal of Human-Social Science Research*. 2011. No. 11. Pp. 15–32.
- Berrios Callejas S. A. *Perception of culture-specific emotions: Measurement and predictors*. Master’s Thesis. National Research University Higher School of Economics. Moscow, 2020. 57 p. [Electronic source] Access mode: <https://www.hse.ru/en/edu/vkr/366978262>.
- Ekman P., Friesen W. V. A New Pan-Cultural Facial Expression of Emotion. *Motivation and Emotion*. 1986. Vol. 10, No. 2. Pp. 159–168. DOI: 10.1007/BF00992253.
- Ekman P., Friesen W. V. Constants Across Cultures in the Face and Emotion. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1971. Vol. 17, No. 2. Pp. 124–129. DOI: 10.1037/h0030377.

² Russia // Institute of International Education [site]. URL: <https://www.iie.org/Research-and-Insights/Project-Atlas/Explore-Data/Russia> (accessed on 29.01.2021).

³ Quinn C. Russia to simplify work rights for international students // The Pie News. Internet Media. 15.11.2019. URL: <https://thepienews.com/news/russia-work-rights-students> (accessed on 29.01.2021).

- Ekman P., Friesen W. V. The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage, and coding. *Semiotica*. 1969. No. 1. Pp. 49–98. DOI: 10.1515/semi.1969.1.1.49.
- Fang X., Sauter D. A., van Kleef G. A. Seeing Mixed Emotions: The Specificity of Emotion Perception from Static and Dynamic Facial Expressions Across Cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2018. Vol. 49, No. 1. Pp. 130–148. DOI: 10.1177/0022022117736270.
- Fernández I., Carrera P., Sánchez F., Páez D., Candia L. Differences between cultures in emotional verbal and non-verbal reactions. *Psicothema*. 2000. No. 12. Pp. 83–92.
- Galchenko I., van de Vijver F. The role of perceived cultural distance in the acculturation of exchange students in Russia. *International Journal of Intercultural Relations*. 2007. Vol. 31, No. 2. Pp. 181–197. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2006.03.004.
- Gavrila M., Brandt D. The Impact of Cultural Distance on the Success and Stability of International Cooperation Forms: Student Organizations. *IFAC Proceedings Volumes*. 2013. Vol. 46, Issue 8. Pp. 89–94. DOI: 10.3182/20130606-3-XK-4037.00023.
- Gendron M., Roberson D., van der Vyver J. M., Barrett L. F. Perceptions of emotion from facial expressions are not culturally universal: evidence from a remote culture. *Emotion*. 2014. Vol. 14, No. 2. Pp. 251–62. DOI: 10.1037/a0036052.
- Ghemawat P. Distance still matters: The hard reality of global expansion. *Harvard Business Review*. 2001. Vol. 79, No. 8. Pp. 137–147.
- Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2011. Vol. 2, No. 1. DOI: 10.9707/2307-0919.1014.
- Jack R. E., Garrod O. G. B., Yu H., Caldara R., Schyns P. G. Facial expressions of emotion are not culturally universal. *PNAS*. 2012. Vol. 109, No. 19. Pp. 7241–7244. DOI: 10.1073/pnas.1200155109.
- Liu H., Li X., Cardenas D., Yang Y. Perceived cultural distance and international destination choice: The role of destination familiarity, geographic distance, and cultural motivation. *Journal of Destination Marketing and Management*. 2018. Vol. 9. Pp. 300–309. DOI: 10.1016/j.jdmm.2018.03.002.
- Matsumoto D. Cultural similarities and differences in display rules. *Motivation and Emotion*. 1990. Vol. 14. Pp. 195–214. DOI: 10.1007/BF00995569.
- Matsumoto D., Hwang H. S. Culture, display rules, and emotion judgments. In K. D. Keith (Ed.) *The encyclopedia of cross-cultural psychology*. Wiley Editors, 2013. DOI: 10.1002/9781118339893.wbecp513.
- Matsumoto D., Willingham B. The Origin of Universal Human Emotions. San Francisco: San Francisco State University, 2009. 15 p. [Electronic source] Access mode: http://davidmatsumoto.com/content/NG%20Spain%20Article_2_.pdf.
- Matsumoto D., Yoo S. H., Fontaine J. Mapping expressive differences around the world the relationship between emotional display rules and individualism versus collectivism. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2008. Vol. 39, No. 1. Pp. 55–74. DOI: 10.1177/0022022107311854.
- Melkonian M., Arepattamannil S., Menano L. et al. Examining acculturation orientations and perceived cultural distance among immigrant adolescents in Portugal: links to performance in reading, mathematics, and science. *Social Psychology of Education*. 2019. Vol. 22. Pp. 969–989. DOI: 10.1007/s11218-019-09506-5.
- Sheldon K. M., Titova L., Gordeeva T. O., Osin E. N., Lyubomirsky S., Bogomaz S. Russians Inhibit the Expression of Happiness to Strangers: Testing a Display Rule Model. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2017. Vol. 48, No. 5. Pp. 718–733. DOI: 10.1177/0022022117699883.
- Suanet I., van de Vijver F. J. R. Perceived cultural distance and acculturation among exchange students in Russia. *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2009. Vol. 19, No. 3. Pp. 182–197. DOI:10.1002/casp.989.
- Winkelman M. Cultural shock and adaptation. *Journal of Counseling & Development*. 1994. Vol. 73, No. 6. Pp. 121–126. DOI:10.1002/j.1556-6676.1994.tb01723.x.

Bio note:

Sonia Alejandra Berrios Callejas, Magister of Science in Psychology, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: soniaberrios@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-9572-2289.

Received on 23.01.2020; accepted for publication on 26.03.2021.

The author has read and approved the final manuscript.

ВОСПРИЯТИЕ ЭМОЦИЙ И КУЛЬТУРНОЙ ДИСТАНЦИИ ИНОСТРАННЫМИ СТУДЕНТАМИ В РОССИИ

Берриос Кальехас С. А.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: soniaberrios@mail.ru

Для цитирования: Берриос Кальехас С. А. Восприятие эмоций и культурной дистанции иностранными студентами в России // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 2. С. 194–201. DOI: 10.19181/demis.2021.1.2.15

Аннотация. Правильное восприятие культурно-специфических выражений эмоций жителей принимающей страны может быть самой важной и, тем не менее, самой недооцененной проблемой для иностранных студентов в процессе адаптации к новой культуре. Согласно последнему отчету Института международного образования (Institute of International Education) о России, в 2020 г. около 353 000 иностранных студентов обучались в Российской Федерации. Исследования ван де Вейвера 2007 и 2009 гг. подтвердили, что иностранные студенты из стран бывшего СССР (постсоветских стран, не включая Россию: Армения, Азербайджан, Беларусь, Эстония, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан) имеют более низкую степень воспринимаемой культурной дистанции с русской культурой. Это можно объяснить тем фактом, что студенты из бывших советских республик свободно говорят на русском языке и разделяют религию и традиции с русской культурой. Следовательно, группа студентов из стран бывшего СССР лучше адаптируется к жизни в России по сравнению с остальными иностранными студентами. Результаты нашего исследования, проведенного в 2020 г., показали, что восприятие эмоций, присущих русской культуре, иностранными студентами, обучающимися в Российской Федерации, в значительной степени определяется сходством между культурой иностранных студентов, проживающих в России, и культурой российского общества. Более того, наше исследование подтвердило, что группа студентов из бывших советских республик или стран бывшего СССР ощущала большее сходство с русской национальной культурой. Таким образом, этот результат согласуется с выводами вышеупомянутых исследований ван де Вейвера 2007 и 2009 гг. Таким образом, мы можем считать, что точное распознавание специфических для русской культуры эмоций и предполагаемое сходство с российскими культурными стандартами может иметь очень большое значение для иностранных студентов, обучающихся в Российской Федерации, особенно для их адаптации к русской культуре. Тем не менее, необходимы дальнейшие исследования по этой теме.

Ключевые слова: культурная дистанция, иностранные студенты в России, воспринимаемая культурная дистанция, восприятие эмоций, Россия, русская культура.

Сведения об авторе:

Берриос Кальехас Соня Александра, магистр психологии, младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: soniaberrios@mail.ru, ORCID ID: 0000-0002-9572-2289.

Статья поступила в редакцию 23.01.2020; принята в печать 26.03.2021.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Дорогие авторы!

Подробная информация о тематическом профиле журнала, редакционная политика и требования, предъявляемые к присылаемым в редакцию рукописям, размещены на сайте журнала <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis>. Рекомендуем ознакомиться с такими разделами, как *Редакционная политика*, *К сведению авторов*. Подать рукопись на рассмотрение можно через форму на сайте: <https://www.manuscript.fnisc.ru/demis/>

Приветствуем указание идентификаторов автора: ORCID, SPIN-код, ResearcherID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID. Оформляя списки литературы, не забудьте указать DOI всех источников из списка литературы, если они им присвоены. В случае если оригинал цитируемого источника в данный момент недоступен, можно проверить наличие DOI на сайте www.crossref.org в разделе SimpleTextQuery. DOI должен быть представлен в виде рабочей гиперссылки в конце библиографического описания, например:

Hinich M., Munger M. *Analytical Politics*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 1997. 253 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174725>

Редакция: Н.А. Безвербная, Е.М. Моисеева
Техническая поддержка: Н.С. Рязанцев
Компьютерная верстка: Н.Ю. Бруевич

Edition: N.A. Bezverbnaya, E.M. Moiseeva
Technical support: N. S. Ryazantsev
Computer layout: N.U. Bruevich

Учредитель: Федеральный научно-исследовательских социологический центр Российской академии наук
Адрес учредителя: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35к5
<https://www.fnisc.ru/>

Издатель: Институт демографических исследований
Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
Адрес издателя: 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к.1
<https://idrras.ru/>

Редакция: 119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к.1. Тел.: +7 499 530 28 84
bezvad@mail.ru; evgeniyamoiseeva@mail.ru;
<https://www.jour.fnisc.ru/index.php/demis/index>